

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Н. Г. ИЛЬИНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БОРЬБА
В КОЛУМБИИ
(1946—1957)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1968

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Н. М. ЛАВРОВ

1-6-3

Академкнига-68

«Было бы коренной ошибкой думать, что борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции, или заслонить, затенить ее и т. п. Напротив, ... не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию».

В. И. ЛЕНИН

ВВЕДЕНИЕ

Советский народ, к сожалению, до сих пор еще мало знаком с современными проблемами Колумбии, с жизнью ее народа, с ее культурой и историей. Однако советские люди хранят в своих сердцах признательность к колумбийскому народу, ставшему их союзником в трудные дни кровопролитной битвы с немецким фашизмом. Тогда в суровую военную Москву прибыли первые дипломатические представители Республики Колумбия¹. Но росткам дружбы не суждено было окрепнуть. Правящие круги США, развязав против Советского Союза «холодную» войну, сделали все, чтобы погубить их. Именно они с помощью враждебно относящихся к СССР лиц в самой Колумбии спровоцировали в мае 1948 г. разрыв дипломатических отношений между нашими странами. С тех пор на протяжении двадцати лет мы не имели практически никаких контактов с Колумбией, что, конечно, не могло не отразиться на уровне наших знаний об этой стране. Но такое противоестественное положение не могло длиться вечно. Нынешнее правительство Карлоса Льераса Рестрепо², трезво оценив отрицательные

¹ История установления дипломатических отношений между СССР и Колумбией вкратце такова. В декабре 1925 г. в Германии имели место первые контакты между советским полпредом в этой стране и колумбийским посланником относительно установления дипломатических отношений. Однако после этого прошло целых десять лет, и только в 1935 г. правительство А. Лонеса приняло решение о дипломатическом признании СССР, но колумбийские дипломаты прибыли к нам лишь в 1944 г. («Документы внешней политики СССР», т. 8, М., 1963, док. № 400; С. А. Гонимонский. Латинская Америка и США. 1939—1959. М., 1960, стр. 133, 181).

² Родился 12 апреля 1908 г. С 1933 г. депутат конгресса, с 1942 г. — сенатор. В 1938 г. — министр экономики в правительстве Э. Сантоса.

последствия длительной изоляции Колумбии от стран социалистического лагеря и пытаясь ослабить экономическую зависимость от США, пошло навстречу требованиям деловых кругов и широкой общественности своей страны восстановить дипломатические отношения с Советским Союзом³.

Этот шаг правительства К. Льераса Рестрепо был с удовлетворением воспринят народами обеих стран. Он позволяет надеяться, что искусственные барьеры времен «холодной» войны, мешающие контактам в области науки и культуры, будут, наконец, ликвидированы и появится больше возможностей для взаимного знакомства.

Учитывая интерес советской общественности к проблемам Колумбии, автор настоящей работы предпринял попытку, насколько это позволяли имеющиеся в СССР источники⁴, познакомить советского читателя с политической историей этой страны периода 1946—1957 гг.

Почему был избран именно этот период? Чтобы обосновать такой выбор, необходимо хотя бы вкратце охарактеризовать основные этапы исторического развития Колумбии и ее современные проблемы.

Начать придется с Христофора Колумба, потому что первая встреча европейцев с жителями страны, которая теперь называется Республикой Колумбия, относится к 1499 г., когда во время второго путешествия знаменитого мореплавателя к берегам «Индии» испанцы ступили на ее землю. Они столкнулись с племенами индейцев, ко-

В 1941 г.— президент национального руководства либеральной партии. В 1946 г. вице-президент Экономического и социального совета ООН. В 1948—1952 гг. член руководства и председатель либеральной партии. В 1960 г.— президент национального аграрного комитета, автор проекта аграрной реформы. 1 мая 1966 г. избран президентом Колумбии на период 1966—1970 гг. («Un hombre al servicio de su pueblo. Síntesis biográfica del dr. Carlos Lleras Restrepo». [Bogotá, 1966], p. 31, 32).

³ 19 января 1968 г. дипломатические отношения между СССР и Колумбией были восстановлены. Колумбия также установила дипломатические отношения с Румынией, Югославией, открыла консульства в Болгарии, Польше и Чехословакии.

⁴ Эта книга была подготовлена еще в тот период, когда из-за отсутствия дипломатических отношений колумбийские книги и журналы попадали в СССР по большей части случайно и приходилось пользоваться информацией из вторых рук, чтобы восполнить имеющиеся пробелы по тому или иному вопросу.

торые задолго до их прихода населяли эту северо-западную оконечность южноамериканского континента. Среди них особенно высоким уровнем цивилизации отличались индейцы чибча, известные также под именем муиска. Они создали государство, которое называли Кундинамаркой. Самой почитаемой святыней у чибча был храм солнца в г. Согамосо, славившийся богатством и великолепием отделки. В нем хранилось множество драгоценностей, принесенных в дар солнцу. С незапамятных времен у чибча существовал обычай осыпать вновь избранного вождя золотым песком на берегу озера Гуатавита. Затем избранник на плоту направлялся на середину озера для омовения, а собравшиеся на берегу в это время бросали в воду жертвоприношения — золотые и серебряные украшения, драгоценные камни. Легенда о позолоченном человеке — «эль дорадо» — распространилась далеко за пределами Кундинамарки. Высадившихся на континенте европейцев она побудила отправиться на поиски этой сказочно богатой страны, которую они стали называть Эльдорадо. В 1538 г. два испанских отряда, продвигавшихся один с севера под командованием Хименеса де Кесады, второй с юго-запада во главе с Себастьяном де Беналькасаром, встретились на развалинах столицы завоеванной ими Кундинамарки. В честь этой победы и был основан город Санта Фе де Богота. До начала войны за независимость (1810 г.) земли чибча входили в состав вице-королевства Новая Гранада, бывшего одной из составных частей огромной испанской колониальной империи. В годы войны за независимость на этой территории, в 1811 г., возникла Республика Кундинамарка. В 1816 г. испанский генерал Морильо разбил республиканские войска, и колониальное иго было восстановлено, но ненадолго. В 1819 г. в битве у р. Бояка испанцы потерпели окончательное поражение, и на месте прежнего вице-королевства в 1821 г. возникло государство Великая Колумбия. В 1830 г. от нее отделились Венесуэла и Эквадор, и Богота с 1831 г. стала столицей Новой Гранады. В 1858 г. последняя была переименована в Новогранадскую конфедерацию, а в 1863 г. — в Соединенные Штаты Колумбии. Конституция 1886 г. дала стране новое имя — Республика Колумбия.

Современная Колумбия — пятое по величине государство в Латинской Америке. По площади она равна

Франции, Испании и Португалии, вместе взятым⁵. Ее население к середине 1967 г. составляло 19,2 млн. человек⁶. Колумбия имеет очень высокий процент прироста населения — 3,05 процента в среднем по стране, но 1,1 — в сельской местности⁷. Расовый состав населения, согласно переписи 1964 г., довольно пестр. Коренного населения — индейцев — всего лишь 1 процент, негров — 4, белых — 20. Подавляющую часть населения составляют метисы (потомки смешанных браков индейцев и белых), мулаты (потомки смешанных браков негров и белых) и самбо (потомки смешанных браков индейцев и негров)⁸.

Колумбию издавна называли страной городов. 52 процента ее населения — горожане⁹.

Столица республики Боготá — быстро растущий город. К середине 1964 г. он насчитывал 1697 тыс. жителей. Два других крупнейших промышленных и культурных центра — Кали и Медельин имеют более 800 тыс. жителей каждый. Помимо этого имеется еще семь городов с населением, превышающим 100 тыс. человек¹⁰.

В административном отношении страна делится на 18 департаментов¹¹, три интендантства¹² и пять комиссариатов¹³. Все они в свою очередь подразделяются на более мелкие административные единицы — муниципальные округа, которых насчитывается 859¹⁴. В Колумбии действует конституция 1886 г. с принятыми позднее поправками. Главой государства является президент, избираемый каждые четыре года всеми гражданами обоего пола, достигшими 21 года. Президент назнача-

⁵ 1 138 355 км² («Factores colombianos. 1964». Bogotá, 1964, p. 23.

⁶ «Colombia. Annual supplement to the Quarterly economic review» (далее — «Colombia. Annual supplement...»). London, 1967, p. 1.

⁷ [Instituto Colombiano de la Reforma agraria]. Consejo social agrario. Informe de la primera reunión. Bogotá, 1963, p. 109.

⁸ «Almanaque mundial. 1967». New York, 1966, p. 65.

⁹ Ibidem. Однако в промышленности занято около одной седьмой самостоятельного населения.

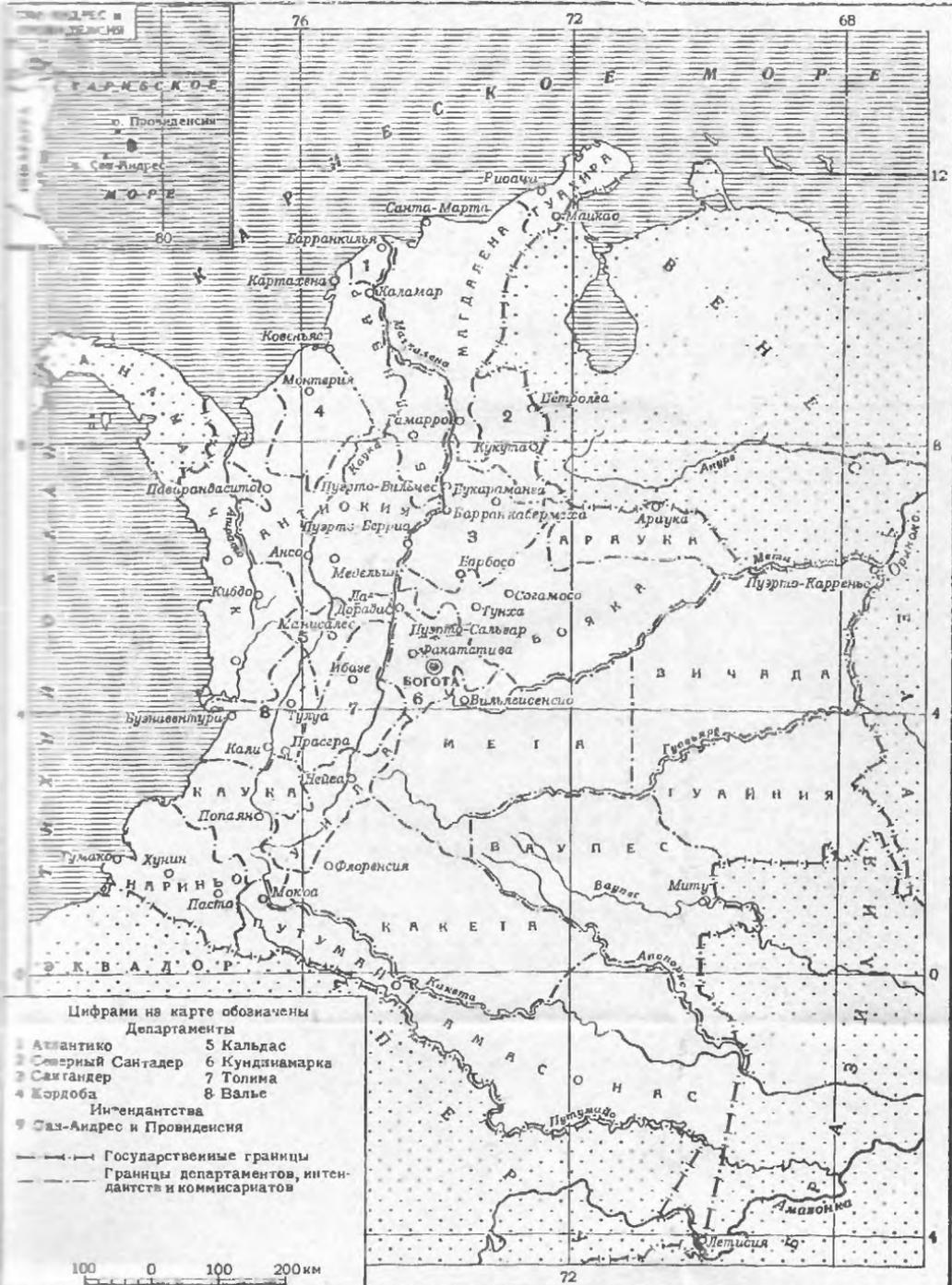
¹⁰ Все данные на 1964 г.

¹¹ Антиокия, Атлантико, Боякá, Боливар, Валье, Кальдас, Каука, Кордоба, Кундинамарка, Гуахира, Магдалена, Мета, Нариньо, Сантандер, Северный Сантандер, Толлима, Уила, Чокó.

¹² Араука, Какета, Сан Андрес и Провиденсия.

¹³ Амасонас, Ваупес, Вичада, Гуайния, Путумайо.

¹⁴ «Almanaque mundial. 1967», p. 69.

Административное деление Колумбии

ёт министров и возглавляет правительство, он же назначает губернаторов департаментов, интендантов и комиссаров, которые осуществляют исполнительную власть. Конституция запрещает переизбрание президента на второй срок. Законодательная власть принадлежит национальному конгрессу, состоящему из двух палат — сената (98 членов, избираются на четыре года) и палаты представителей (184 члена, избираются на два года)¹⁵. Департаментам предоставлено право на самоуправление. Каждый из них имеет свою департаментскую ассамблею, избираемую на два года из расчета один депутат от 40 тыс. населения. Самоуправление в муниципальных округах представлено муниципальными советами. Высшая юридическая власть в государстве принадлежит Верховному суду (20 членов избираются пожизненно)¹⁶.

Легендарная Эльдorado оказалась действительно сказочно богатой страной. И хотя от ее прошлых сокровищ, разграбленных алчными конкистадорами, осталось лишь то, что сосредоточено в единственном в мире Золотом музее Боготы (там хранится уникальная коллекция золотых украшений древних чибча), Колумбия продолжает обладать тем, чем ее щедро наделила природа — нефтью¹⁷, золотом¹⁸, платиной¹⁹, изумрудами²⁰, каменным углем²¹, на ее землях выращиваются ценнейшие сорта кофе²².

Однако народ Колумбии беден. 10 процентов самодеятельного населения страны постоянно не имеют работы, а 18 — являются частично безработными. Страна

¹⁵ В июне 1968 г. сенат одобрил законопроект о сокращении с 1970 г. числа сенаторов до 90 и депутатов палаты до 162.

¹⁶ «Almanaque mundial. 1967», p. 69.

¹⁷ Четвертое место в Латинской Америке по добыче. В 1966 г. добыча составила 71,9 млн. баррелей («Colombia. Annual supplement...», p. 5, 6).

¹⁸ Девятое место в мире по добыче. В 1966 г. добыча составила 7,9 т — 280 823 унции (ibid., p. 6).

¹⁹ Пятое место в мире по добыче.

²⁰ Колумбия — один из крупнейших в мире производителей изумрудов.

²¹ Крупнейшие в Латинской Америке запасы каменного угля. В 1964 г. добыча составила 2,75 млн. т («Colombia. Annual supplement...», p. 6).

²² Второе место в мире по производству кофе.

испытывает острейший жилищный кризис²³. Колумбийца не удивишь видом спящих под открытым небом детей в картонной коробке из-под мыла. В 1966 г. 1400 тыс. детей остались вне школы. Не хватает 60 тыс. школьных помещений. Только 5 процентов учащихся оканчивают школу. В результате лишь 63 процента населения Колумбии умеют читать и писать. Из каждой тысячи колумбийцев университетского возраста имеют возможность поступить в университет 15 (в США — 250)²⁴.

Правительство испытывает острую нужду в средствах для развития экономики. И это в то время, когда американские монополии вывозят из Колумбии миллионы долларов, нажитые на поте колумбийских трудящихся. Прибыли американцев давно покрыли сумму их капиталовложений в колумбийскую экономику. По данным ООН, прямые вложения североамериканских капиталов в 1966 г. составили 576 млн. долл. В то же время только за период с 1960 по 1966 г. было вывезено в качестве прибылей, в основном американцами, 465 млн. долл. К этой сумме следует прибавить платежи по выплате займов и процентов по ним, что составляло за указанный период в среднем по 100 млн. долл. в год. К этому нужно добавить расходы на фрахт (60 млн. долл. в год) и убытки в результате неравноправного торгового обмена, составившие за период с 1962 по 1965 г. 338 млн. долл.²⁵

Не прекращающаяся утечка долларов за границу тяжело сказывается на финансовом положении Колумбии. Займы, получаемые в США на кабальных условиях, не спасают положения. Проведенная в 1963 г. по требованию американских кредиторов девальвация песо отнюдь не способствовала оздоровлению финансов. Она оказалась выгодной лишь американским монополиям, получившим дополнительные барыши от этой операции. Надежды правящих кругов на то, что эта мера

²³ Только в городах в 1963 г. не хватало 294 322 квартир. Comisión de estudios económicos y sociales. Asuntos económicos y fiscales. 1965 (далее — Comisión de estudios económicos...). Bogotá, 1966, p. 43.

²⁴ А. Дельгадо. Партизанская война в Колумбии.— «Правда», 2. VII 1966; Comisión de estudios económicos..., p. 43; «Almanaque mundial. 1967», p. 69.

²⁵ Т. Вареа. No es nacional el 90% de la industria en Colombia.— «Voz Proletaria», 18. IV 1968.

поможет приостановить рост государственного долга²⁶, не оправдались. Правительство по-прежнему ассигнует колоссальные средства на его выплату. В 1968 г. эта сумма составит 1318 млн. песо, или 16 процентов всех бюджетных расходов²⁷. Стоит ли при этом удивляться, что у правительства не хватает 100 млн. песо для строительства необходимых школьных зданий.

Плоды труда народа этой страны, сокровища ее недр в значительной своей части присваиваются иностранными монополиями и прежде всего американскими. В этом не трудно убедиться, рассмотрев положение в различных отраслях ее экономики.

Нефтяными богатствами фактически распоряжаются иностранцы. Они контролируют 80 процентов нефтяных залежей страны²⁸. Миллионы гектаров земли отданы в концессию нефтяным монополиям — восьми североамериканским и одной британской, — которые часто не ведут промышленной разработки нефти, дожидаясь более выгодного момента. Единственное национальное предприятие ЭКОПЕТРОЛЬ контролирует приблизительно около 20 процентов нефтяной продукции²⁹. Законодательство о нефти, принятое в последние десятилетия в угоду иностранным монополиям, лишает Колумбию значительной части доходов от ее экспорта. По официальным данным, за период с 1962 по 1967 г. иностранные нефтяные компании выручили от продажи колумбийской нефти 719 млн. долл. Из этой суммы Колумбия получила лишь 129 млн. долл., причитающихся ей в качестве налогов³⁰.

Североамериканская компания «Чокó пасифико» полностью монополизировала добычу платины. Золотые прииски и серебряные рудники также в большей своей части контролируются американским капиталом. Изумрудные копи находятся в руках государства, но добыча

²⁶ В декабре 1966 г. государственный долг состоял из 6524 млн. песо внутреннего долга и 364 млн. долл. внешнего («Colombia. Annual supplement...», p. 9).

²⁷ «Neue Zürcher Zeitung», 19. I 1968.

²⁸ Programa del Partido Comunista de Colombia.— В кн.: «Por el Frente patriótico de liberación nacional». [Bogotá], 1966, p. 97.

²⁹ G. Vieira. Nueva etapa de lucha del pueblo colombiano.— «Documentos Políticos», 1965, № 47, p. 7.

³⁰ T. Varela. El saqueo del petróleo colombiano.— «Voz Proletaria», 4. IV 1968.

этого камня, оказывается, убыточна³¹. Чтобы избежать уплаты налогов, американские компании практикуют контрабандный вывоз драгоценных металлов и минералов в США. За последние годы объем контрабанды значительно увеличился. По данным министерства горнорудной промышленности Колумбии, ежемесячно в США контрабандным путем вывозится изумрудов на 8 млн. долл. Убыток национальной экономики от контрабандной торговли платиной в 1967 г. составил 18 млн. долл.³²

Запасы каменного угля значительны, но в стране нет средств для его добычи на экспорт, а от выгодных кредитов, предложенных в свое время Аргентиной и рядом социалистических стран, колумбийское правительство под нажимом США отказалось³³.

Кофе называют зеленым золотом Колумбии³⁴. Однако и он не приносит процветания народу. Зависимость от США в сфере сбыта этого продукта (они закупают до 80 процентов колумбийского кофе) оказывается пагубной для страны. Эта зависимость позволяет нью-йоркскому рынку диктовать свои цены на кофе. А известно, что снижение цены всего на один цент за фунт означает для Колумбии потерю 7 млн. долл. в год.

Таким образом, правящие круги США имеют превосходные возможности для экономического давления на эту страну.

Колумбия принадлежит к числу аграрных стран. По данным промышленной переписи 1963 г., почти половина ее самодельного населения (45,7 процента) занята в сельском хозяйстве³⁵. Положение в этой отрасли экономики определяется сохранением крупных латифундий и феодальных пережитков в деревне³⁶.

³¹ Об этом заявил генеральный президент колумбийского Панаме-
риканского банка Д. Лопес Очоа в беседе с корреспондентом
«Правды» В. Боровским.— «Правда», 11.VII 1967.

³² «За рубежом», 1968, № 20, стр. 22.

³³ G. Vieira. *Perspectivas de la revolución colombiana*.— «Docu-
mentos Políticos», 1965, № 50, p. 8.

³⁴ Кофе составляет 65% экспорта и дает 70% валютных поступле-
ний (G. Vieira. *Por el Frente patriótico de liberación nacional*.
*Informe político al X Congreso del Partido Comunista de Colom-
bia*.— В кн.: *Por el Frente patriótico de liberación nacional*, p. 26;
«Colombia. Annual supplement...», p. 4).

³⁵ 2447 тыс. человек. «Colombia. Annual supplement...», p. 2.

³⁶ Programa del Partido Comunista de Colombia, p. 95.

В начале 1965 г. в стране насчитывалось 6902 лати-
фундии размером свыше 4,5 тыс. га каждая. Они зани-
мали площадь в 11 052 382 га, но только 734 из них
площадью в 770 947 га экономически использовались³⁷.
Колумбийские крестьяне в подавляющем большинстве
имеют земли чрезвычайно мало или не имеют ее совсем.
По данным Колумбийского института аграрной рефор-
мы (ИНКОРА), на февраль 1963 г. в стране насчитыва-
лось 1,5 млн. землевладений. Из них 300 тыс., или
20 процентов, не превышали половины гектара, еще
200 тыс. (13,4 процента) имели размер до одного гектара,
а общее число мелких земельных участков (до 3 га)
составляло 900 тыс., или 60,9 процента от общего числа
землевладений³⁸.

Наряду с огромным числом малоземельных крестьян
в стране имеется 2 млн. совсем не имеющих земли³⁹.
Широко распространены различные формы аренды
земельных участков, в том числе докапиталистические,
вроде апарсерии. Число арендаторов и апарсерос дости-
гает 500 тыс.⁴⁰ А между тем Колумбия обладает огром-
ным резервом необработанных земель. Из 114 млн. га
национальной территории экономически используются
только 33 млн. га, из них под пашней 3 млн. и под паст-
бищами для скота 30 млн. га⁴¹. Такое положение приво-
дит к тому, что страна, обладающая плодороднейшими

³⁷ Comisión de estudios económicos..., p. 27.

³⁸ [Instituto Colombiano de la Reforma Agraria]. Consejo social ag-
rario. Informe de la primera reunión. [Bogotá, 1963], p. 70.

³⁹ В. Ветанкур. Colombia cara a cara. Bogotá, 1961, p. 51.

⁴⁰ «Апарсеро» — издольщик получает во временное владение не
только землю, но и скот, орудия труда и семена. Он имеет право
возделывать лишь те культуры, которые ему укажет землевладелец.
Большая часть урожая идет в уплату за землю и все взятое в
аренду, часть остального он обязан продать хозяину по ценам,
которые тот установит. Оставшаяся доля урожая так мала, что
апарсеро вынужден искать дополнительных источников существо-
вания (R. Londoño. La acción comunal.— «Documentos Po-
líticos», 1965, № 49, p. 71).

⁴¹ Такое соотношение (1 : 10) между пахотными землями и пастби-
щами объясняется тем, что налоговое обложение пастбищ значи-
тельно ниже, чем посевных площадей, и латифундисты, заинте-
ресованные лишь в том, чтобы платить как можно меньше нало-
гов, предпочитают использовать свои земли для экстенсивного
животноводства (см. Р. А. Молочкова. О крестьянской само-
обороне в Колумбии.— Сб. «Вопросы международного рабочего
и национально-освободительного движения на современном эта-
пе». М., 1963, стр. 180).

землями и климатом, позволяющим снимать два-три урожая в год, не может обеспечить себя продовольствием и вынуждена ввозить его из-за границы⁴².

Наличие огромной массы безземельных крестьян чревато опасностью социального взрыва, и правящие круги страны, сознавая это, пытаются найти выход путем наделения крестьян землей из большого фонда неосвоенных земель и раздела наиболее крупных латифундий, земли которых экономически не используются. Созданный в 1961 г. Институт аграрной реформы широко рекламирует свою деятельность, но за четыре года его существования (1962—1965 гг.) всего 33 тыс. семей получили землю, причем большей частью на малоосвоенных землях департаментов Мета и Уила и интенданства Какета⁴³.

По уровню промышленного развития Колумбия отстает от Аргентины, Бразилии, Мексики и Чили, но превосходит Боливию, Перу и Парагвай. В колумбийской промышленности занято 15,2 процента самодеятельного населения страны, или 815 тыс. человек⁴⁴. По данным промышленной переписи 1963 г., в Колумбии насчитывалось 11 296 предприятий, из них три четверти имели от одного до 14 рабочих⁴⁵. Это свидетельствует о наличии большого числа мелких предприятий типа ремесленных мастерских. Однако имеется ряд крупных предприятий, которые и поглощают основную рабочую силу. Концентрация капиталов в промышленности достигла значительного уровня (0,1 процента акционе-

⁴² В 1968 г. предполагалось закупить в США 300 тыс. т пшеницы. Собственный урожай оценивался в 134 тыс. т. В 1963 г. было закуплено за границей 255 тыс. т пшеницы, 72 тыс. т кукурузы, 48 тыс. т бобов и 27 тыс. т картофеля. За первые четыре года осуществления десятилетнего плана экономического развития (1962—1971 гг.) рост сельскохозяйственной продукции составил всего 4,8% вместо запланированных 17 (Comisión de estudios económicos..., p. 35).

⁴³ [Instituto Colombiano de la Reforma Agraria]. Cuatro años de reforma agraria. Informe de actividades en 1965. Bogotá, 1966, p. 27.

⁴⁴ Остальная часть самодеятельного населения распределяется следующим образом: в сфере обслуживания — 920 тыс. чел. (17,2%), в торговле — 456 тыс. чел. (8,5%), на строительстве — 217 тыс. чел. (4,1%), на транспорте и в связи — 225 тыс. чел. (4,2%), в горном деле — 57 тыс. чел. (1,1%). — «Colombia. Annual supplement...», p. 2.

⁴⁵ Ibid., p. 2,6.

ров владеет 53,5 процента капитала)⁴⁶. Рабочая неделя колумбийского рабочего в сентябре 1966 г. в среднем составляла 50 часов, заработная плата 4,2 песо в час, а цветного — 2 песо⁴⁷. Сельскохозяйственный рабочий в среднем по стране за 9-часовой рабочий день получал 4,4 песо⁴⁸. Не во всех отраслях промышленности и сферах обслуживания трудящиеся имеют профсоюзы. По подсчетам Профсоюзной конфедерации трудящихся Колумбии (КОНСИКОЛЬ), лишь около 30 процентов рабочих и служащих объединены в профсоюзы. В стране имеется несколько профсоюзных центров. В 1935 г. при участии либералов, коммунистов и социалистов была создана Конфедерация трудящихся Колумбии (КТК)⁴⁹. Со времени своего основания она находилась под влиянием либеральной партии. В годы второй мировой войны это была боевая организация, активно выступавшая в защиту интересов рабочего класса. К 1943 г. она насчитывала более 100 тыс. членов. В послевоенные годы ее влияние на трудящихся уменьшилось. В 1967 г. КТК объединяла 150 тыс. членов. Главным соперником КТК стал Союз трудящихся Колумбии (СТК), созданный в 1946 г. при участии католической церкви и консервативного правительства. СТК всегда пользовался их поддержкой и покровительством и добился известных успехов в укреплении своего влияния. В период господства консерваторов в послевоенные годы СТК является единственным профсоюзом (деятельность КТК была запрещена). В 1967 г. СТК объединял 300 тыс. членов. В 1964 г. в Колумбии возникло еще одно профсоюзное объединение — Профсоюзная конфедерация трудящихся Колумбии (ПКТК, или КОНСИКОЛЬ). Но-

⁴⁶ Х. Кордона Ойос. Правда о Колумбии.— «Проблемы мира и социализма», 1964, № 10, стр. 95.

⁴⁷ «Colombia. Annual supplement...», p. 6. С 27 марта 1967 г. в стране введена валютная система, основанная на множественности курсов. Курс свободного рынка 16,25 песо за 1 долл. Валютные резервы пересчитываются по курсу 13,5 песо за 1 долл. При расчетах за импорт сырой нефти применяется курс 9 песо за 1 долл., а при импорте оборудования для нефтяной промышленности — 7,67 песо за долл.

⁴⁸ Данные на 1953 г. (В. Ветансиг. Op. cit., p. 71).

⁴⁹ До 1937 г. она называлась Профсоюзной конфедерацией Колумбии («Trienta años de lucha del Partido Comunista de Colombia»). Bogotá, 1960, p. 39; «International Press Correspondence», 1935, 28 Sept., vol. 15, № 48, p. 1217).

вый профцентр отличала большая активность и независимость от властей. Он объединил профсоюзы, находившиеся под влиянием коммунистов и левых либералов. За несколько лет своего существования ПКТК добилась больших успехов. В 1967 г. она уже объединяла 170 тыс. трудящихся. Наряду с профсоюзами, входящими в тот или иной профцентр, в Колумбии имеются организации, существующие самостоятельно. Некоторые из них вошли в так называемый Независимый профсоюзный блок (объединивший 55 тыс. человек)⁵⁰. Сельскохозяйственный пролетариат, насчитывающий 1 млн. человек, в общей своей массе неорганизован. В последнее время под давлением рядовой массы членов профсоюзов, на опыте повседневной борьбы убеждающихся в необходимости единства действий всех трудящихся, руководство трех крупнейших профцентров предприняло попытку объединить свои усилия в борьбе за интересы рабочего класса. В мае 1968 г. был создан профсоюзный координационный комитет, куда вошли представители СТК, КТК и ПКТК, а также не входящих в них национальных федераций работников транспорта, просвещения, банковских служащих и работников государственных учреждений.

В Колумбии имеется несколько политических партий. Ведущая роль в политической жизни страны принадлежит так называемому Национальному фронту, созданному в 1957 г. В него входят две традиционные партии Колумбии — консервативная и либеральная, — заключившие между собой соглашение о равном представительстве во всех органах государственного управления на протяжении 16 лет. Пост президента переходит поочередно от либералов к консерваторам.

Консервативная партия возникла в 1848 г. и до сих пор остается влиятельной политической группировкой, отражающей интересы латифундистов, части крупной буржуазии и католического духовенства. В годы войны и в послевоенный период самым активным и самым реакционным деятелем партии был Лауреано Гомес. Он был собственником и издателем крупнейшей консервативной газеты «Эль Сигло». В 50-е годы в партии

⁵⁰ Все данные о численности профобъединений взяты из статьи: R. Osorio. La clase obrera y la crisis nacional. — «Documentos Políticos», 1967, № 68, p. 27.

появились фракции, возглавлявшиеся политиками, не согласными с Гомесом. Одна из них во главе с Ф. де Пауло Харамильо вышла из состава партии и в 1966 г. создала собственную под названием христианская социал-демократическая партия. Ее руководство прибегает к широкой социальной демагогии, вербуя сторонников, но пока она не имеет большого влияния в массах.

Консервативная партия была постоянным соперником либеральной, возникшей одновременно с нею. Либералы в свое время были прогрессивной партией зарождающейся буржуазии и антиклерикальных кругов колумбийского общества. Партия пользовалась большим влиянием среди крестьянства, мелкобуржуазных городских слоев и части рабочего класса. Среди либералов было много представителей колумбийской интеллигенции. В последние десятилетия либеральная партия стала верной защитницей интересов крупной колумбийской буржуазии и помещиков. В связи с этим стала проявляться тенденция к сглаживанию противоречий между консерваторами и либералами, что привело к созданию Национального фронта. Сдвиг партии вправо привел сначала к возникновению в ней левого крыла, а затем к прямому расколу и появлению в 1958 г. на политической арене новой партии — Либерально-революционное движение с А. Лопесом Микельсенем во главе (сын президента А. Лопеса). Эта партия просуществовала до 1967 г., когда ее руководство приняло решение об объединении с либеральной партией. Те, кто не согласился с решением руководства, создали собственную партию, которая стала называться Либерально-революционное движение народа. Новая партия во главе с Херардо Берналем заявила о союзе с Коммунистической партией Колумбии и подтвердила это на деле своим участием в совместной избирательной кампании по подготовке мартовских выборов 1968 г. (она получила 60 тыс. голосов).

В последние годы заметно активизировались сторонники свергнутого диктатора Рохаса Пинильи. Организационно оформившись, они приняли название Национального народного союза (АНАПО). Социальный состав этой партии очень пестр. Наряду с реакционным руководством, состоящим из представителей латифун-

дистов и крупной буржуазии, к ней примыкают средние слои, рабочие, чаще люмпен-пролетарии и безработные, крестьяне. Рабочих и крестьян привлекает широкая социальная демагогия, к которой прибегает руководство АНАПО. Оно беззастенчиво играет на недовольстве народа тяжелыми условиями жизни и не скупится на обещания. Здесь и подлинная аграрная реформа, передающая, наконец, землю тем, кто ее обрабатывает, и бесплатное и обязательное образование, и национализация основных промышленных предприятий, и всеобщее процветание. И все в самое ближайшее время. Это, естественно, привлекает к АНАПО людей неопытных, политически незрелых, жаждущих найти немедленный выход из своего тяжелого положения. Нельзя также сбросить со счетов и многолетнюю антикоммунистическую кампанию, которая проводилась в Колумбии всеми правительствами, представители каких бы партий в них ни входили. Однако, как показали мартовские парламентские выборы 1968 г., влияние АНАПО в массах в настоящий момент резко упало.

Социалистическая партия, возникшая еще в 20-х годах, в настоящее время практически прекратила свое существование. Но в годы второй мировой войны и в первые послевоенные годы за ней еще шли некоторые слои трудящихся. В тот период социалисты выступали с программой, отвечающей их интересам. Она содержала такие лозунги, как снижение цен на предметы первой необходимости, проведение аграрной реформы, повышение заработной платы, сохранение демократических свобод и национализация нефтяных месторождений. В те годы социалисты нередко блокировались с левыми либералами — сторонниками руководителя левых Х. Э. Гаитана — и коммунистами. Однако впоследствии руководство социалистической партии перешло на позиции сотрудничества с правительством Рохаса Пинильи и активно включилось в проводимую им антикоммунистическую кампанию. Такая смена курса лишила социалистическую партию всякого влияния в массах и привела ее к краху.

Последовательной защитницей интересов рабочего класса и трудового крестьянства является Коммунистическая партия Колумбии. С момента своего создания (17 июля 1930 г.) партия проделала большой и слож-

ный путь. Были на этом пути успехи, были и поражения. Но испытания только заставляли коммунистов теснее сплотить ряды. В настоящее время партия, укрепляя свои связи с массами, уделяет много внимания рабочему движению страны. Продолжает расти ее влияние среди крестьянства. Коммунисты принимали активное участие в вооруженном отпоре крестьянских масс произволу со стороны властей и крупных землевладельцев начиная с 1949 г. Руководство партии во главе с Генеральным секретарем ЦК Х. Висейрой⁵¹ занимает твердые марксистско-ленинские позиции по вопросам международного коммунистического и рабочего движения. До сих пор коммунистическая партия подвергается преследованиям. Сотни ее верных сынов томятся в тюрьмах и концлагерях.

Помимо вышеперечисленных партий, большую роль в политической жизни страны играет католическая церковь. Она все еще пользуется большим влиянием в массах. Ей принадлежат университеты и колледжи, она издает десятки газет и журналов, контролирует сотни профсоюзных организаций и их публикации. По официальным данным, в 1957 г. католическая церковь имела два университета (в Боготе и Медельине) с 5600 студентов, 367 колледжей с 93 тыс. учеников и 1227 школ с 102,5 тыс. учеников. Она издавала 42 газеты и журнала, контролировала 448 профсоюзов с 179 тыс. членов и 154 профсоюзных издания⁵². Церковь активно поддерживает правительство. Основанный ею центр социальных исследований проводит большую работу по изучению положения крестьянства, рабочего класса и других слоев общества для составления обоснованных рекомендаций правительству. Публикуемые центром исследования, как правило, представляют интерес потому, что их авторы имеют доступ к таким материалам, которые для других исследователей закрыты. Однако в последнее время и в среде духовенства нет уже прежнего единства. В Колумбии открыто говорят о кризисе католической церкви. В его основе лежат противоречия между низшим и высшим духовенством. Конфликт в

⁵¹ Родился 5 апреля 1911 г. в г. Медельине. По образованию — юрист. Принимал активное участие в создании КТК. С 1947 г. — Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Колумбии.

⁵² «Factores colombianos. 1957». Bogotá, 1957, p. 138, 139.

лоне церкви находится в непосредственной связи с классово-борьбой в стране и с реформистскими течениями, затрагивающими католицизм в мировом масштабе. Решения последнего Вселенского собора показались неприемлемыми высшему духовенству Колумбии. Но основная масса низшего духовенства, в основном молодежи, заняла противоположную позицию. Отражением этой борьбы среди духовенства явилось закрытие в 1966 г. тогдашним архиепископом Боготы кардиналом Л. Конча католической газеты «Эль Католицисмо», которая встала на сторону оппозиции. Другим проявлением кризиса колумбийской церкви явился уход в партизаны профессора социологического факультета университета Боготы, священника Камило Торреса. Еще будучи преподавателем университета, он призывал к революционному переустройству общества — к национализации собственности крупных капиталистов, латифундистов и католической церкви, к передаче всех этих богатств в руки народа. Он выступал за тесное сотрудничество с коммунистической партией.

Камило Торрес с большой симпатией отзывался о Советском Союзе, призывая колумбийский народ следовать по пути прогресса, открытому Великой Октябрьской социалистической революцией в России. Когда он вступил в ряды партизан, реакционеры поспешили расправиться с этим мужественным человеком, и он был убит 15 февраля 1966 г.

Убийство Камило Торреса вызвало бурю негодования по всей стране. Во многих городах состоялись демонстрации и митинги протеста. Центральный комитет коммунистической партии выступил со специальным заявлением, в котором высоко оценил заслуги Камило Торреса в освободительной борьбе колумбийского народа.

Характерной чертой политического положения современной Колумбии является кризис олигархического Национального фронта, переставшего отвечать интересам самих господствующих классов в новых условиях и окончательно разоблачившего себя в глазах трудящихся, которые на протяжении десяти лет имели возможность убедиться в его неспособности провести радикальные преобразования в экономической и политической структуре колумбийского общества.

В стране продолжает существовать партизанское движение, несмотря на все усилия правительства покопчить с ним. Газета колумбийских коммунистов «Вос пролетариа» в редакционной статье от 27 июня 1968 г. объясняет это тем, что «партизанское движение является выражением серьезной национальной проблемы, связанной с экономическим, социальным и политическим положением страны», и поэтому «воспные действия и партизанская борьба в Колумбии не прекратятся до тех пор, пока не исчезнут условия, которые их породили и оправдывают». Нерешенность острых проблем при росте политической активности масс, жаждущих коренных изменений в своем положении, чревата социальным взрывом. В связи с этим необходимо изучать исторический опыт борьбы демократических сил страны, чтобы, творчески осмыслив его, избежать сделанных в свое время ошибок и с еще большей настойчивостью применять те формы и методы работы с массами, которые, как показал опыт, себя оправдали. И с этой точки зрения привлекает к себе внимание период 1946—1957 гг., насыщенный острой классово-политической борьбой. Избрав его для исследования, автор настоящей работы поставил своей основной задачей проанализировать расстановку классовых сил в стране, сосредоточив особое внимание на борьбе демократических сил против внутренней реакции и североамериканского империализма, показать острую политическую борьбу внутри самих господствующих классов, а также методы и приемы борьбы реакционных сил с демократическим движением.

Данная работа не представляет, разумеется, всеобъемлющего исследования, и, в частности, в ней отсутствует подробный анализ экономического развития страны и ее внешней политики, которые отражены лишь в той мере, в какой это казалось необходимым для решения основной задачи. Вместе с тем было учтено, что эти вопросы уже освещались в советской экономической и исторической литературе⁵³.

⁵³ И. А. Бунегина. Колумбия. Экономика и внешняя торговля. М., 1959; Р. А. Молочкова. О крестьянской самообороне в Колумбии; Э. Литаврина. Колумбия. М., 1967; С. А. Гонимонский. Латинская Америка и США. 1939—1959. Очерки истории дипломатических отношений. М., 1960; он же. Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. М., 1964.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БОРЬБА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ ПРОТИВ ВНУТРЕННЕЙ РЕАКЦИИ И СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА (1946—1949 ГГ.)

РАБОЧЕЕ И АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946—1948 ГГ.)

ВЛИЯНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ БОРЬБУ

Колумбия объявила войну фашистской Германии в конце 1943 г. И хотя ее территория не стала ареной кровопролитных сражений, было бы неправильно утверждать, что вторая мировая война не оказала сколько-нибудь заметного влияния на экономическое и политическое развитие страны. Конечно, ее последствия не были столь бедственными, как для залитой кровью Европы, но тем не менее они были настолько значительны, что о них нельзя не сказать. Прежде всего неожиданная потеря европейского рынка, с которым была тесно связана колумбийская экономика, первоначально тяжело отразилась на многих отраслях промышленности, особенно горнорудной. Но внезапное прекращение традиционных экономических связей имело не только отрицательные последствия. Оно также создало в итоге благоприятную обстановку для колумбийской буржуазии. Отсутствие конкуренции со стороны европейцев и североамериканцев, занятых собственными делами, и финансовая помощь со стороны государства способствовали быстрому росту колумбийского национального капитала. Его силы были направлены в те отрасли экономики, которые требовали наименьших капиталовложений и в то же время обеспечивали быструю оборачиваемость вложенных средств. Таким путем был быстро преодолен кризис и стали успешно развиваться многие отрасли легкой промышленности — текстильная (хлопок стали закупать в Перу и США), кожевенная, пищевая, бумажная, — а

также производство цемента и других строительных материалов.

Колумбийская статистика тех лет отмечает резкий количественный рост числа предприятий и значительное увеличение численности рабочего класса. Если в 1942 г. насчитывалось 1415 предприятий с 45,4 тыс. рабочих, то к 1945 г. их число увеличилось соответственно до 7853 и 135,4¹.

К концу второй мировой войны началось оживление и в горнорудной и особенно в нефтяной промышленности, куда устремились североамериканские капиталы. Американские дельцы старались не упустить выгодных колумбийских нефтяных концессий².

Однако промышленный бум последних лет войны сопровождался не только ростом занятости среди трудящихся. Война взвалила на их плечи тяжелое бремя гонки вооружений. За годы войны США навязали Колумбии оружия на 15 млн. долл., хотя страна, по заявлению бывшего президента Э. Сантоса, без всякого ущерба для своей безопасности могла бы потратить на него в 7,5 раз меньше³. Возросший за время войны государственный долг⁴ правительство старалось погасить путем увеличения налогов. В 1943 г. в стране появились первые признаки инфляции. Американские монополии и колумбийские капиталисты наживали миллионные состояния махинациями на «черном» рынке. Правительство покровительствовало политике, которой желала олигархия,— процветанию через инфляцию⁵, отмечал впоследствии реакционный американский историк Флюхарт. Трудящимся эта политика принесла новые лишения, потому что вызвала баснословный рост цен. Только за последние четыре года войны стоимость жизни в стране,

¹ «Primer censo industrial de Colombia, 1945» Bogotá, 1947, p. 520; P. Vila. Nueva geografía de Colombia. Bogotá, 1945, p. 311.

² Только за два последние года войны в Колумбии было роздано нефтяных концессий в два раза больше, чем за всю историю страны. Все эти концессии получили исключительно американские компании (В. Волский. Латинская Америка, нефть и независимость. М., 1964, стр. 85).

³ «The Washington Evening Star», 13. V 1946.

⁴ Он увеличился с 205 млн. песо на 31 декабря 1939 г. до 306, 8 млн. песо на 31 декабря 1945 г. («Страны Латинской Америки». М., 1949, стр. 458).

⁵ V. L. Fluharty. Dance of the millions. Military rule and the social revolution in Colombia (1930—1956). Pittsburgh, 1957, p. 21.

по официальным данным, возросла на 100 процентов⁶, а рост заработной платы отставал от нее почти в 5 раз. Согласно промышленной переписи 1945 г., 55 процентов рабочих столичного департамента Кундинамарка получали меньше половины того, что необходимо для поддержания уровня жизни 1937 г.⁷

Положение колумбийского крестьянства было еще более тяжелым. Оно задыхалось от малоземелья. Согласно переписи 1954 г.⁸, 17,8 процентов хозяйств имели в своем распоряжении менее 1 га земли, а процент землевладений размерами до 10 га, которые считаются в Колумбии мелкими хозяйствами, составлял 70,5. Эти землевладения занимали 6,9 процента всей используемой в сельском хозяйстве площади, в то время как крупные хозяйства, площадью свыше 100 га, составлявшие всего 5 процентов от числа землевладений, располагали 69,5 процента⁹.

В стране шел процесс массового разорения крестьянства. За десять лет, с 1940 по 1950 г., только в двух департаментах Колумбии — Сантандер и Валье дель Каука — разорилось 120 тыс. крестьянских хозяйств¹⁰. Потерявшие землю крестьяне уходили в город, пополняя ряды пролетариата, или становились батраками у помещика. Процесс разорения шел настолько быстро, что к 1950 г. сельскохозяйственный пролетариат Колумбии насчитывал уже 847 тыс. человек, что составляло 41,9 процента общей численности самодеятельного сельского населения страны¹¹.

⁶ «Inter-american affairs, 1945». New York, 1946, p. 286.

⁷ «Vanguardia del Pueblo», 2—8.XII 1947.

⁸ За неимением сведений о положении непосредственно в середине 40-х годов автор вынужден был воспользоваться данными этой первой в истории страны сельскохозяйственной переписи. Конечно, отдельные цифры в течение десятилетия могли измениться, но общая картина и основные тенденции развития социально-экономических процессов, происходящих в колумбийской деревне, остались прежними.

⁹ «Muestra Agropecuaria Nacional, 1954», E/CN/12 1365, add. 1, p. 16 (цит. по: G. Pérez Ramírez. El campesinado colombiano. Bogotá, 1959, p. 93).

¹⁰ Л. М. Сиволобов. Экономические проблемы союза рабочего класса и крестьянства в Латинской Америке. М., 1963, стр. 9.

¹¹ Э. Родригес. Подъем крестьянского движения в странах Латинской Америки. — «Мировая экономика и международные отношения», 1963, № 10, стр. 42.

Положение мелкобуржуазных слоев города ко времени окончания войны также ухудшилось. Тот процесс разорения мелких предприятий, который вообще характерен для капиталистического способа производства, к концу войны в условиях инфляции пошел значительно быстрее. Небольшие накопления, имевшиеся у мелкой буржуазии, оказались обесцененными, и дороговизна вынудила многих хозяев различных мелких мастерских закрыть свои предприятия. Разорившиеся мелкие предприниматели сами превращались в наемных рабочих.

В политической жизни страны по-прежнему большую роль играли две традиционные партии — либеральная и консервативная. Ко времени окончания второй мировой войны в руководстве обеих партий оказались представители крупной буржуазии и полуфеодалных кругов, в той или иной степени связанные с североамериканскими монополиями, но борьба за президентское кресло не утратила своей остроты. Президентами с начала 30-х годов были представители либеральной партии. Двенадцатилетнее пребывание у власти достаточно ясно показало массам, на что способны либеральные политики. Если первое президентство А. Лопеса (1934—1938 гг.) было временем больших надежд, связанных с довольно широкой программой социальных реформ, провозглашенных и частично осуществленных его правительством, то годы его вторичного пребывания у власти (1942—1945) характеризовались постепенными уступками реакции путем свертывания, а иногда и полного отказа от тех мероприятий, которые уже начали проводиться в жизнь. Рядовая масса либеральной партии воспринимала такую позицию своего руководства как измену планам новых и более радикальных реформ, на которые она надеялась. Политика правительства в годы второй мировой войны наглядно показала трудящимся и мелкобуржуазным слоям, что либеральное правительство печется лишь об интересах крупной буржуазии.

Когда трудящиеся усилили забастовочную борьбу, добиваясь повышения заработной платы, соблюдения контроля над ценами и арендной платой, либеральные политики заговорили о необходимости ограничения права на забастовку. Отказ от разрешения аграрного вопроса и нападки на профсоюзное движение подрывали авторитет правительства в глазах трудящихся. Тогда

наиболее реакционные деятели консервативной партии решили, что настал час решительных действий. Воспользовавшись недовольством высшего офицерства политикой президента А. Лопеса, тратившего большие деньги на перевооружение и укрепление полиции, лидер консерваторов Лауреано Гомес¹² организовал мятеж с целью свержения правительства либералов. А. Лопес, присутствовавший на маневрах в Пасто, 10 июля 1944 г. был арестован группой офицеров. Однако армия отказалась поддержать заговорщиков, а в городах начались массовые демонстрации в знак протеста против попытки реакции захватить власть. А. Лопес был освобожден, а вдохновитель мятежа Л. Гомес, спасаясь от ареста, бежал в Эквадор. Столь решительная поддержка законного президента со стороны народных масс напугала не только реакцию, но и руководство либеральной партии, опасавшееся, что оно может потерять контроль над ними. В этих условиях А. Лопес пошел на уступки реакции и согласился включить в состав своего кабинета трех консерваторов (апрель 1945 г.)¹³. Но консерваторы хотели большего: они требовали, чтобы Лопес подал в отставку, хотя до истечения срока его полномочий оставался всего один год. И они добились своего — в июне 1945 г. Лопес подал заявление об отставке. Конгресс принял ее, назначив его преемником одного из известных деятелей либеральной партии А. Льераса Камарго. Он, так же как и Лопес, ввел в свой кабинет трех представителей консервативной партии. Используя свои правительственные посты, они развернули бурную деятельность по подготовке президентских выборов 1946 г. Льерас Камарго смотрел сквозь пальцы на активизацию реакционных сил, надеявшихся теперь с помощью выборов привести консервативную партию к власти. Более того, в декабре 1945 г. он амнистировал 25 офицеров, участвовавших в реакционном путче 1944 г.¹⁴

¹² Лауреано Гомес Кастро (1889—1965) с 1911 г. — депутат конгресса, в 1931—1943 гг. — глава консервативной партии, издатель крупнейшей колумбийской газеты «Эль Сигло», в 1931—1932 гг. — посол в Германии. Один из основателей колумбийской фаланги — фашистской организации типа испанской фаланги («Quién es quién en Colombia», Bogotá, 1948, p. 190).

¹³ «Inter american affairs, 1945», p. 285.

¹⁴ Ibid., p. 303.

Зато на бастовавших рабочих-портовиков Магдалены (декабрь 1945 г.) обрушились жестокие репрессии¹⁵. Такая политика красноречиво говорила об усилении правых тенденций в руководстве либеральной партии и лишала ее сторонников надежды на новые шаги по пути социального прогресса в ближайшем будущем.

Растущее недовольство либеральным режимом вызывалось не только внутренней политикой правительства. После окончания второй мировой войны стал подвергаться критике также и его внешнеполитический курс. С большим недовольством в стране была встречена позиция колумбийской делегации во главе с А. Льерасом Камарго на Чапультепекской конференции. Колумбийские делегаты одобрили резолюцию, предусматривающую создание постоянного военного органа, который ставил латиноамериканские страны под военное и политическое господство североамериканского империализма¹⁶.

Недовольство внутренней и внешней политикой правительства либералов привело к расколу в правящей партии, где появилось левое крыло, возглавлявшееся Х. Э. Гаитаном. Оно пользовалось поддержкой мелкобуржуазных городских слоев, рабочих и крестьян, так как критиковало существующее правительство за его уступки реакции и нежелание двигаться дальше по пути реформ.

Поддержка народных масс сулила левым либералам успех на предстоящих 5 мая 1946 г. президентских выборах. Поэтому они решили выставить своего кандидата в президенты в противовес Г. Турбаю и К. Льерасу Рестрепо, выдвинутым руководством партии. Им стал Хорхе Элизер Гаитан¹⁷. Чтобы добиться успеха в из-

¹⁵ «Documentos Políticos», 1964, № 45, p. 14.

¹⁶ «Fundamentos», 1946, № 58, 514.

¹⁷ Родился 23 января 1898 г. в Боготе. Его отец — отставной военный — владел букинистической лавкой, которая давала ему скудные средства на содержание большой семьи. Мать также вынуждена была работать. Она учительствовала в одной из начальных школ для бедноты. В этой же школе учился и ее старший сын Хорхе. В 1919 г. он окончил колледж; дальнейшую учебу в Национальной школе права вынужден был сочетать с работой, чтобы иметь средства к существованию. В 1924 г. получил степень доктора юридических и политических наук за работу «Социалистические идеи в Колумбии» («Las ideas socialistas en Colombia»). В 1926 г. Гаитан уехал в Европу для завершения образования.

бирательной кампании, левые либералы создали специальные комитеты «гаитанистов». Среди их членов были Л. Д. Гачарна, Х. Ортис Маркес, Х. Урибе Маркес, А. Урибе Рамирес, Э. Рестрепо Ботеро, Х. Виллавесес, О. Родригес и Р. П. Гаитан¹⁸.

В ходе проведения предвыборной кампании гаитанисты начали издавать свой еженедельник «Хорнада». Их лозунг «За моральную реконструкцию республики» в сочетании с резкой критикой правительства и пылкими призывами к борьбе за справедливость имел большой успех. Гаитан развил бурную деятельность. Он объезжал страну, посещая в день по несколько городов и проводя иногда до десятка митингов¹⁹. Выступления против дороговизны, против ограничения профсоюзных прав и свобод, против американского вмешательства во внутренние дела страны, за развитие национальной экономики, за контроль над ценами, в защиту свободы печати, собраний, за установление более тесных контактов с Советским Союзом²⁰ привлекали к Гаитану симпатии широких слоев колумбийского общества. К нему тянулись все, кто искренне желал дальнейшего социально-экономического и политического прогресса в стране. Гаитан стал кумиром масс²¹. Народная поддержка делала его опасным для колумбийских правых. Против него ополчилась не только консервативная «Эль Сигло» Лауреано Гомеса, но и либеральная «Эль Тьемпо» Э. Сантоса²².

Чтобы не распылять силы либеральной партии в борьбе против Гаитана, ее руководство сняло кандидатуру К. Льераса Рестрепо, оставив Г. Турбая единственным кандидатом. Но и такая мера еще не гарантировала успех. Опасаясь потерять власть, руководство ли-

Учился в Риме и Париже. Много путешествовал. Побывал в Италии, Австрии и Чехословакии. В марте 1929 г. вернулся на родину («Quién es quién en Colombia». Bogotá, 1948, p. 161—163; J. A. Osorio Lizarazo. Gaitán. Vida, muerte y permanente presencia. Buenos Aires, 1952; L. D. Peña. Gaitán íntimo. Bogotá, 1949, p. 86—95). Подробнее о политической деятельности Гаитана см. в конце раздела.

¹⁸ L. D. Peña. Op. cit., p. 135.

¹⁹ Ibid., p. 141; J. A. Osorio Lizarazo. Op. cit., p. 245.

²⁰ «Noticias de Hoy», 14. IV 1948; «Jornada» 25. I 1947.

²¹ A. Vallejo. Hombres de Colombia. [Caracas], 1950, p. 215.

²² J. A. Osorio Lizarazo. Op. cit., p. 268

беральной партии решило попытаться договориться с гаитанистами. Турбай обещал провести дальнейшие реформы в социально-экономической области. Гаитану предложили снять свою кандидатуру, чтобы обеспечить победу единственному кандидату либеральной партии. Но Гаитан отказался. Воспользовавшись расколом среди либералов, консерваторы, сначала решившие не участвовать в выборах, теперь, за месяц до них, выдвинули собственного кандидата — крупного медельинского промышленника и банкира М. Оспину Переса²³. Любопытно, что выдвижение кандидатуры происходило в здании редакции газеты «Эль Сигло». Во вступительной речи Гомес призвал присутствующих выдвинуть любую кандидатуру, но только не его²⁴. Хитрый, набивший руку в политических комбинациях Гомес, прекрасно понимая свою непопулярность в массах, не стал рисковать, рассчитывая, что в создавшихся условиях больше шансов на победу будет у такого консервативного кандидата, который неизвестен или почти неизвестен как политический деятель. Таким человеком и был М. Оспина Перес. Он проводил свою чрезвычайно короткую избирательную кампанию под лозунгом создания правительства национального союза. Кандидат консерваторов заявил, что сложная послевоенная обстановка требует сплочения всех сил нации (речь шла, конечно, о буржуазии), чтобы обеспечить дальнейший прогресс страны. Оспина Перес обещал в случае победы отказаться от практики формирования правительства по однопартийному принципу. Это означало, что он намерен включить в правительство и представителей либеральной партии, что вполне устраивало правых и даже некоторых умеренных либералов, полагавших, что именно такой человек, как Оспина Перес, будет верно служить интересам буржуазии без различия ее партийной принадлежности.

²³ Родился в 1891 г. Получил техническое и экономическое образование в Луизианском и Висконсинском университетах (США) и в Льежском католическом университете (Бельгия). Сенатор с 1923 г. Участвовал в основании «Земельного ипотечного банка», «Колумбийской табачной компании». Был одним из организаторов «Национального совета железных дорог» и управляющим «Национальной федерации производителей кофе» («Quién es quién en Colombia», p. 324, 325).

²⁴ Н. А. Velasco. Mariano Ospina Pérez. Bogotá, 1953, p. 75, 76.

Предвыборная программа консерваторов содержала и такие притягательные для неискушенных в политике людей лозунги, как прекращение традиционной вражды между консерваторами и либералами, гарантия гражданских прав и уважение идей, эффективность и порядок в административных делах, равные возможности для всех и всеобщий прогресс²⁵.

В этой сложной и напряженной политической ситуации колумбийский рабочий класс не имел возможности выступать в качестве самостоятельной политической силы. К этому было несколько объективных причин, среди которых молодость самого пролетариата и его партии (основана в 1930 г.) занимает первое место. Еще не окрепшая в огне классовых боев колумбийская коммунистическая партия в годы войны не избежала к тому же пагубного влияния браудеризма. Это сказалось не только в том, что партия была переименована в социал-демократическую²⁶, что облегчало подрывную деятельность ревизионистов, но и в фактическом отказе от ленинских принципов построения партии. Дуран и его сторонники, оказавшиеся у руководства, совершили грубые ошибки в оценке текущего момента, поставили перед партией неправильные задачи, которые дезориентировали ее, лишили авангардной роли и обрекли на пассивность. Они считали, что в условиях оживления деятельности реакционных сил в Колумбии к концу второй мировой войны, что свидетельствовало лишь об обострении классовой борьбы, а отнюдь не о поражении демократических сил, рабочий класс и его партия должны готовиться к организованному отступлению²⁷, а не к дальнейшей активизации борьбы. Отсюда появилось неверие в успех левых сил. Вместо борьбы за широкий демократический фронт, объединяющий всех левых, руководство партии развернуло кампанию против Гаитана, которого Дуран открыто называл демагогом и карьеристом. Критика Гаитана в тех условиях, когда гаитанистское движение приобрело массовый характер, изолировала партию от масс, вопреки ей веривших Гаитану и следовавших за

²⁵ P. N. Rueda Uribe. *Astillas de política y de abogacía*. Bogotá, 1966, p. 227.

²⁶ Это было сделано на II съезде партии в августе 1944 г. («Trenta años de lucha del Partido Comunista de Colombia» (далее — «Trenta años de lucha...»). Bogotá, 1960, p. 65).

²⁷ «Fundamentos», 1946, № 58, p. 513.

ним. Отказ от поддержки Гаитана вызвал недоумение и критику у многих коммунистов, которые на практике повседневной борьбы убеждались в ошибочности тактики руководства. Вопрос о предстоящих выборах и об отношении к Гаитану, в частности, был вынесен на обсуждение чрезвычайного съезда партии, состоявшегося в начале 1946 г. Съезд заявил об изменении прежней позиции по отношению к Гаитану и о недооценке его возможностей, но предшествовавшая борьба против гаитанизма сделала невозможной действительное сплочение левых сил и серьезное влияние партии на массовое движение.

Президентские выборы, состоявшиеся 5 мая 1946 г., принесли победу кандидату консерваторов М. Оспина Пересу, хотя он получил всего 40 процентов голосов избирателей, что в дальнейшем позволило политическим противникам называть его «президентом меньшинства». Либеральная партия собрала 60 процентов голосов, но они разделились почти поровну между двумя кандидатами — Гаитаном и Турбаем, а это означало, что каждый из них получил меньше голосов, чем Оспина Перес²⁸.

Итоги выборов, несмотря на формальную победу консерваторов, свидетельствовали тем не менее о большой силе гаитанистского движения. Гаитан получил большинство голосов в Боготе и почти во всех остальных крупных городах страны. За него голосовали рабочие-нефтяники, железнодорожники, строители, муниципальные служащие. Это заставило реакцию опасаться Гаитана, популярность которого после выборов возросла.

ОБОСТРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В СТРАНЕ С ПРИХОДОМ К ВЛАСТИ КОНСЕРВАТОРОВ

Начало правления²⁹ «президента меньшинства» ознаменовалось сильными волнениями в крупнейшем промышленном центре страны Кали (сентябрь 1946 г.). Они были вызваны ухудшающимся экономическим положением трудящихся в связи с ростом стоимости жизни и отменой контроля над ценами. Поводом к мощной забастовке, охватившей весь департамент Валье дель Каука

²⁸ М. Оспина Перес получил 565 849 голосов, Г. Турбай — 437 707, Х. Э. Гаитан — 360 263 голоса («Factores colombianos, 1957», p. 107).

²⁹ М. Оспина Перес приступил к исполнению своих президентских обязанностей 7 августа 1946 г.

и принявшей политический характер, явилось назначение офицера на сугубо гражданский пост директора агентства уличного движения города Кали. Трудящиеся ответили объявлением забастовки, поддержанной всеми профсоюзами этого департамента. Забастовка приняла всеобщий характер и проходила под лозунгом: «Долой правительство! Долой консерваторов!» Полиция не могла справиться с положением. На помощь ей была брошена армия³⁰. Забастовочное движение перекинулось в другие районы. В Барранкабермехе, в Петролеа — крупнейших нефтяных центрах страны — забастовки проходили под лозунгом борьбы с дороговизной и свержения правительства олигархов³¹. В конце октября 1946 г. в Боготе была объявлена всеобщая забастовка под теми же лозунгами. Но правительство, прибегнув к массовым арестам, сумело сорвать ее.

Аресты членов либеральной партии, на которых правительство возлагало ответственность за народные волнения, а также введение осадного положения в департаменте Валье дель Каука со всеми вытекающими отсюда последствиями: комендантский час, запрещение всякого рода манифестаций и собраний, аресты под предлогом «нарушения общественного порядка», ущемление профсоюзных прав и свобод — еще более усилили недовольство правительством. Учитывая сложившуюся обстановку, либеральное большинство конгресса приняло решение об отзыве своих представителей из правительства³². Таким образом уже 14 ноября 1946 г. в Колумбии разразился правительственный кризис. Оспина Перес оказался в столь затруднительном положении, что сначала не хотел принять отставку министров-либералов, но после вторичного заявления в конце ноября вынужден был согласиться на нее³³.

Противодействие конгресса мероприятиям правительства заставило президента-консерватора задуматься над проблемой, как в дальнейшем управлять страной, если либеральной партии принадлежит абсолютное большин-

³⁰ H. Velasco. Op. cit., p. 104.

³¹ Ibid., p. 105.

³² Оспина Перес сдержал свое предвыборное обещание и сформировал правительство из представителей обеих традиционных партий — консервативной и либеральной.

³³ H. Velasco. Op. cit., p. 108—112.

ство мест в обеих палатах конгресса (43 места против 20 в сенате и 86 мест против 44 в палате представителей)³⁴. Поэтому президент поставил своей задачей создать консерваторам такие условия, чтобы на ближайших парламентских выборах, которые должны были состояться в марте 1947 г., добиться изменения этого соотношения в пользу консервативной партии. Учитывая, что левое крыло либеральной партии — так называемое гаитанистское движение — приобретало все новых и новых сторонников, и не только среди либералов и беспартийных, но и среди молодых консерваторов³⁵, Оспина Перес добился нового избирательного закона, который, ставя на службу консерваторам раскол в среде левых сил, должен был помешать укреплению положения оппозиции в конгрессе. По этому закону список кандидатов, получивших большинство голосов, дополнялся голосами меньшинства, и таким образом создавалось препятствие для третьих списков³⁶. Ввиду того что либеральная партия выступала с двумя списками: либералы — сторонники бывшего президента Э. Сантоса — со своим списком и левые — сторонники Х. Гаитана — со своим, а коммунисты и социалисты также имели свои списки и не везде блокировались с левыми либералами, Оспина Перес надеялся, что при помощи его избирательной уловки консерваторам удастся изменить распределение мест в конгрессе в свою пользу, хотя это и не будет отвечать действительному соотношению сил. Одновременно руководство консервативной партии во главе с Л. Гомесом, чтобы запугать избирателей и заставить их голосовать за консерваторов, всячески поощряло тактику террора по отношению к либералам и коммунистам. 16 марта 1947 г., в день выборов, было убито 12 человек и 139 ранено³⁷. Путем махинаций и при помощи террора консерваторам удалось добиться получения девяти новых мандатов в сенате и 14 — в палате представителей³⁸. Таким образом консерваторы укрепили свои позиции в конгрессе, хотя общее соотношение мест по-прежнему оставалось в пользу

³⁴ H. Velasco. Op. cit., p. 119, 120.

³⁵ A. Vallejo. Op. cit., p. 215.

³⁶ «Daily Worker» [New York], 12.III 1947.

³⁷ H. Velasco. Op. cit., p. 119; «The New York Times», 17.III 1947.

³⁸ H. Velasco. Op. cit., p. 119, 120.

либералов (34 против 29 в сенате и 73 против 58 в палате представителей)³⁹.

Вынужденный считаться с авторитетом либеральной партии и особенно ее левого крыла⁴⁰, Ospina Перес должен был ввести в свое правительство четырех гаитанистов и двух правых либералов. Однако ключевые посты в правительстве он оставил за представителями своей партии. Поэтому общее направление политики правительства Ospina Переса осталось прежним, что не могло не вызвать недовольства со стороны трудящихся, страдавших от высокой стоимости жизни. Забастовки нефтяников, железнодорожников, шоферов, рабочих на строительстве шоссе с требованием увеличения зарплаты на протяжении 1946—1947 гг. следовали одна за другой. Тогда правительство попыталось ограничить права трудящихся на забастовку и приняло некоторые меры, чтобы помешать свободе печати. В ответ на это Конфедерация трудящихся Колумбии (КТК) призвала ко всеобщей 24-часовой забастовке. Она началась вечером 12 мая 1947 г. Чтобы сорвать ее, министр внутренних дел Р. Урданета Арбелаес прибег к репрессиям. Забастовка была объявлена незаконной, и было принято решение о роспуске КТК сроком на три месяца. Полиция и войска применяли слезоточивый газ, чтобы рассеять группы бастующих, солдаты были привлечены к обслуживанию поездов и уличного транспорта⁴¹. Забастовка была сорвана. Но решение правительства о роспуске КТК вызвало такую бурю негодования среди всех прогрессивных слоев общества, что Ospine Пересу буквально через несколько дней пришлось отменить его.

РОСТ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

30-е и особенно первая половина 40-х годов в развитии колумбийского капитализма были временем быстрого роста национальной буржуазии. В эти годы она с ус-

³⁹ H. Velasco. Op. cit., p. 120; «Tribuna Popular» [Caracas], 31. V 1949.

⁴⁰ Гаитан был избран сенатором и по большинству полученных голосов занял пост председателя сената. См.: В. И. Ермолаев. Национально-освободительное и рабочее движение в странах Латинской Америки после второй мировой войны. М., 1958, стр. 56.

⁴¹ «El Tiempo» [Bogotá], 12. V 1947; «The New York Times», 14. V 1947; R. Josephs. Latin America: continent in crisis. New York, 1948, p. 114.

пехом использовала те возможности, которые предоставляло ей государство в период правления президентов-либералов А. Лопеса (1934—1938; 1942—1945) и Э. Сантоса (1939—1942). Создание «Национальной ассоциации промышленников» и «Национальной федерации коммерсантов» наряду с существующей еще с конца 20-х годов «Национальной федерацией колумбийских производителей кофе» свидетельствовало о стремлении буржуазии к объединению перед лицом конкуренции со стороны иностранных монополий. За годы второй мировой войны колумбийская буржуазия окрепла еще более, не имея перед собой традиционных соперников. Но в послевоенный период положение изменилось. Разжиревшие на военных поставках американские монополии поспешили прибрать к своим рукам колумбийский рынок. Их капиталы бурным потоком хлынули в Колумбию и направлялись исключительно в отрасли экономики, дающие максимальные прибыли. Вместе с тем американские монополисты старались не допустить развития тех отраслей хозяйства, которые обеспечили бы Колумбии экономическую независимость. Это давало возможность надолго сохранить ее на положении сырьевого придатка и диктовать цены на рынке, наживая колоссальные суммы на бессовестном ограблении колумбийской нации. Такое положение неизбежно должно было вызвать протест колумбийской буржуазии, с завистью наблюдавшей, как миллионы долларов уплывают в карманы американских монополистов. Так и случилось. Уже в середине 1946 г. председатель «Национальной ассоциации промышленников», выражая настроения колумбийских дельцов, потребовал от правительства денонсирования торгового договора с США, потому что он явно невыгоден для Колумбии. При этом председатель ссылаясь на то, что договор не дает ассоциации права на пересмотр таможенных тарифов, чтобы покровительствовать национальной промышленности. К этому же времени относится и создание паровой компании «Великая Колумбия», организованной при непосредственном участии трех правительств — Колумбии, Венесуэлы и Эквадора — и частных капиталов. В 1948 г. компания уже насчитывала 16 судов и осуществляла перевозку кофе в США и Канаду.

С колумбийской стороны инициатором создания этой паровой компании стала «Национальная федерация

колумбийских производителей кофе», которая в ответ на 25-процентное повышение фрахтовых ставок американскими судоходными компаниями предложила создать собственный торговый флот. Когда он был создан, одним из директоров компании «Великая Колумбия» стал управляющий этой федерацией М. Мехиа⁴². «Великая Колумбия» была освобождена от некоторых налогов, и, так как фрахтовые ставки на ее судах были значительно ниже североамериканских, колумбийские дельцы предпочитали пользоваться услугами «Великой Колумбии», что привело к фактическому бойкоту американских судов. Могущественная «Юнайтед фрут» чрезвычайно болезненно реагировала на создание латиноамериканского торгового флота, потому что он лишал прибылей ее собственный. Об этом откровенно писала американская «Нью-Йорк таймс»⁴³. Вокруг «Великой Колумбии» разгорелась ожесточенная политическая борьба. Американские дельцы обратились за помощью в государственный департамент, и в начале сентября 1947 г. колумбийскому правительству была вручена нота протеста против дискриминации американских пароходных компаний со стороны «Великой Колумбии». Колумбия обвинялась в нарушении договора столетней давности о торговле и навигации (1846 г.)⁴⁴. Составленная в недопустимых для такого рода документов выражениях, нота грубо попирала национальный суверенитет и оскорбляла чувство национального достоинства колумбийцев. Она вызвала возмущение со стороны самых широких кругов колумбийской общественности. По сообщениям американских корреспондентов, не менее 12 тыс. колумбийцев участвовало в демонстрации протеста перед зданием посольства США в Боготе. Демонстранты забросали его камнями. Были выбиты стекла также в зданиях многих американских фирм. В течение нескольких дней в крупнейших городах страны проходили антиамериканские демонстрации под лозунгом: «Долой империализм янки! Долой план Трумэна!»⁴⁵ На митингах выступали представители самых разных политических направлений — коммунисты, социалисты, либералы и даже консервато-

⁴² «Semana», [Bogotá], 1957, 17—24. V, p. 23.

⁴³ «The New York Times», 8. IX 1947.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ «The New York Times», 10—12 IX 1947.

ры, которых объединяло одно желание — дать достойный отпор наглой выходке американских империалистов. Консерватор Ф. Сильва, например, обратился ко всем членам обеих традиционных враждующих партий с призывом образовать национальный блок для борьбы за экономическую независимость. Он сообщил, что население Кали сделало первый шаг к освобождению, экспроприировав собственность американской электрической компании. Крупнейшие колумбийские профсоюзы — Федерация железнодорожников, профсоюз рабочих-нефтяников, Ассоциация банковских служащих и, наконец, Конфедерация трудящихся Колумбии высказались в поддержку «Великой Колумбии» и осудили вмешательство американских империалистов во внутренние дела Латинской Америки⁴⁶.

Колумбийское студенчество приняло активное участие в сентябрьских антиамериканских выступлениях. Студенческие демонстрации в защиту «Великой Колумбии» состоялись в Боготе и Медельине — важнейших промышленных центрах страны.

Влиятельные колумбийские либеральные газеты «Эль Тьемпо», «Эль Эспектадор», «Эль Либераль», «Хорнада» выступили со статьями, содержащими резкую критику американской позиции относительно торгового флота трех латиноамериканских государств. 14 сентября «Эль Тьемпо» выступила с большой статьей в защиту «Великой Колумбии». Газета обвиняла США в стремлении «восстановить в Латинской Америке» политику «большой дубинки», используя для этого старые методы «долларовой дипломатии», которые сделали США столь непопулярными среди народов Латинской Америки. Она призывала колумбийское правительство пересмотреть соглашение с США с точки зрения защиты национальных интересов страны⁴⁷. Другая крупнейшая газета «Эль Либераль» отмечала лицемерие американских империалистов, которые сразу забывают о свободе торговли, когда речь заходит о защите собственной сахарной и шерстяной промышленности от конкуренции Кубы, Аргентины или Австралии⁴⁸. Вечерняя столичная газета «Эль

⁴⁶ «El Tiempo» [Bogotá], 11—14. IX 1947; «El Espectador» [Bogotá], 11—13. IX 1947; «El Liberal» [Bogotá] 11, 12. IX 1947.

⁴⁷ «El Tiempo» [Bogotá], 14. IX 1947.

⁴⁸ «El Liberal» [Bogotá], 11. IX 1947.

Эспектадор» квалифицировала действия США как «наглую попытку экономической агрессии»⁴⁹.

Отражая настроения широчайших кругов колумбийской общественности, муниципалитет Боготы принял резолюцию, в которой обвинял Соединенные Штаты в стремлении нарушить суверенитет Колумбии и призывал колумбийское правительство категорически отвергнуть американскую ноту. Конгресс, специально обсуждавший ее на одном из своих заседаний, рекомендовал правительству оставаться «непреклонным в защите самостоятельности наших граждан в таком использовании транспорта, которое наилучшим образом соответствует нашим экономическим интересам»⁵⁰.

Американская печать с беспокойством следила за столь бурным проявлением антиамериканских настроений в Колумбии⁵¹. А они начинали принимать все более тревожный оборот. К патриотическому движению в защиту «Великой Колумбии» прибавились разоблачения других фактов вмешательства американских правящих кругов во внутренние дела страны. Буквально через два дня после многотысячной антиамериканской демонстрации перед зданием посольства США в Боготе Х. Э. Гаитан выступил в сенате с громкими разоблачениями колумбийского правительства. Он обвинял его в тайном сговоре с американскими властями с целью совместного участия в подавлении патриотических выступлений народа. Гаитан обвинил правительство и полицию в том, что они тайно, без ведома конгресса договорились с военным атташе США в Боготе о получении американского оружия, слезоточивых газов и бомб, которые транспортировались американскими военными самолетами из зоны Панамского канала⁵². Разоблачения Гаитана широко комментировались колумбийской либеральной прессой и вызвали новую волну антиамериканских выступлений в стране. «Эль Тьемпо» квалифицировала эти факты как новое свидетельство нарушения суверенитета Колумбии со стороны правительства США. «Эль Либераль» писала с возмущением, что «американское оружие используется

⁴⁹ «El Espectador» [Bogotá], 11. IX 1947.

⁵⁰ «The New York Times», 12. IX 1947.

⁵¹ «The New York Times», 11—15. IX 1947; «The New York Herald Tribune», 11. 13. IX 1947.

⁵² «The New York Times», 15. IX 1947.

для подавления свобод» и что «колумбийцы имеют право на демократическое самоуправление и не нуждаются в таком политическом ленд-лизе, какой США предоставляют Греции»⁵³. Возмущение колумбийцев американским вмешательством во внутренние дела своей страны приняло настолько широкий размах, что конгресс еще раз в конце сентября 1947 г. занялся обсуждением этого вопроса. Палата представителей назначила специальную комиссию в составе пяти человек для расследования фактов тайной доставки американского оружия. Тогда президент Осина Перес вынужден был признать, что американское посольство действительно предложило колумбийскому правительству бомбы со слезоточивыми газами и что они были доставлены американскими самолетами из зоны Панамского канала 16 ноября 1946 г. Президент оправдывал действия своего правительства «заботой об охране граждан от насилий»⁵⁴.

Большое возмущение в стране было вызвано установлением факта контрабандного вывоза платины, добываемой американской компанией «Чокó Пасифико». Ответственность была возмущена полной бесконтрольностью, которая позволяла американским дельцам по своему усмотрению распоряжаться колумбийским национальным богатством. Мало того, что американская компания полностью монополизировала добычу платины, она также всяческими средствами старалась избавиться от налогов, не довольствуясь тем, что баснословно дешевый труд колумбийских рабочих и так позволял ей наживать колоссальные прибыли от продажи платины на мировом рынке. Одним из таких средств была контрабанда. Положение своеобразного «государства в государстве» было для этой цели как нельзя более кстати. На территории, где действовала компания, все принадлежало американцам и подчинялось американцам. Компания имела свою полицию. Здесь не было никаких представителей колумбийских властей, за исключением декоративного полицейского инспектора, находившегося на содержании компании. Ее обслуживал специальный пароход, который не подвергался досмотру колумбийских таможенных властей. Он-то и был использован для вывоза контрабандной платины. Когда под давлением общественности власти

⁵³ «The New York Times», 15. IX 1947.

⁵⁴ H. V e l a s c o. Op. cit., p. 132, 133.

вынуждены были предпринять некоторые шаги, чтобы проверить сообщения колумбийской прессы о контрабанде платины, то установить этот факт не представило никакого труда. «Чокó Пасифико» была оштрафована на сумму в 200 тыс. песо, но влиятельные адвокаты компании и среди них Р. Урданета Арбелаес добились отмены решения суда⁵⁵.

Патриотическое движение в защиту национального суверенитета против вмешательства американского империализма во внутренние дела Колумбии охватило самые широкие круги колумбийского общества. В нем приняли участие рабочие, мелкая буржуазия, студенты, прогрессивная интеллигенция, национальная буржуазия, которые путем массовых антиамериканских демонстраций и митингов, резких выступлений в печати и в конгрессе выражали свое возмущение политикой США по отношению к Колумбии. В такой обстановке президенту Оспине Пересу пришлось расстаться с двумя министрами, занимавшими важнейшие посты в его правительстве: министром внутренних дел Р. Урданета Арбелаес и министром финансов Ф. де Паула Перес вынуждены были подать в отставку после того, как несколько членов конгресса по требованию общественности заявили, что связь этих лиц с американскими нефтяными компаниями несовместима с их пребыванием на правительственных постах⁵⁶.

Рабочий класс принимал активное участие в массовом патриотическом движении в защиту национальных интересов. Характерным примером служила забастовочная борьба колумбийских нефтяников, принявшая открыто антиимпериалистический характер. Эта борьба, развернувшаяся в 1946—1948 гг., преследовала не только чисто экономические цели вроде повышения заработной платы, соблюдения коллективных договоров, жилищного строительства для рабочих и т. п. Она шла также под лозунгами национализации нефтепромыслов, принадлежащих иностранному капиталу.

Природа наделила Колумбию богатейшими нефтяными месторождениями. Нефтеносные земли, расположенные по побережью Тихого океана и Карибского моря, в долине р. Магдалены, в департаментах Северный Сантандер и Сантандер и в Восточных льяносах, состав-

⁵⁵ «Documentes Políticos», 1957, № 6, p. 29, 30.

⁵⁶ «The New York Times», 18. X 1947.

ляли около 49 процентов национальной территории⁵⁷. Из них почти половина принадлежала иностранным концессиям. Но их владельцы не спешили развивать нефтедобычу, проводя политику резервов. В результате из 19,5 млн. га нефтеносных земель промышленная эксплуатация велась только на 2,5 млн. га. Таким образом, располагая богатейшими запасами нефти, Колумбия тем не менее была не в состоянии обеспечить себя собственными нефтепродуктами. Это ставило ее в положение полной зависимости от иностранных компаний, которые всеми средствами тормозили развитие колумбийской нефтяной промышленности, чтобы иметь возможность сбывать ей нефтепродукты по тем ценам, которые они сочтут для себя наиболее выгодными. Благодаря хозяйничанью иностранных нефтяных компаний добыча нефти в стране в первые послевоенные годы практически не превышала уровень 1937 г. (20—22 млн. баррелей в год)⁵⁸, что, конечно, не отвечало потребностям страны. Следует учитывать еще тот факт, что в Колумбии было всего два нефтеперерабатывающих завода — один в Барранкабермехе был собственностью американской нефтяной компании «Тропикэл ойл» (филиал «Стандард ойл оф Нью-Джерси») и один в Петролеа — колумбийская собственность. Поэтому при всех своих колоссальных нефтяных богатствах Колумбии приходилось покупать нефтепродукты за границей. Так, в 1946 г. треть бензина для автопарка страны пришлось ввезти из-за границы, а сумма, потраченная на приобретение всех необходимых нефтепродуктов, составила 6,5 млн. долл.⁵⁹

Колумбийское правительство, в составе которого оказались люди, тесно связанные с иностранными нефтяными компаниями, больше заботилось о доходах этих компаний, чем о национальных интересах своей страны. Об этом красноречиво свидетельствовало отношение правительства к судьбе богатейшей концессии де Марес, находившейся в руках американской компании «Тропикэл ойл». Концессии принадлежала колоссальная площадь в 512 тыс. га⁶⁰, и она давала около половины добывае-

⁵⁷ «Vanguardia del Pueblo», 10—16. II 1948.

⁵⁸ «Vanguardia del Pueblo», 16—22. XII 1947.

⁵⁹ «Vanguardia del Pueblo», 10—16. II 1948.

⁶⁰ Ibidem.

мой в стране нефти. Срок концессии истекал в 1946 г., но правительство пошло на уступки американской компании, фактически продлив ее до августа 1951 г. За эти пять лет колумбийский народ потерял миллионы долларов, которые получила компания от эксплуатации месторождения.

Добившись отсрочки, владельцы «Тропикэл ойл» рассчитывали, что в течение пяти лет им удастся создать на нефтепромыслах обстановку, при которой колумбийское правительство вынуждено будет пойти на продление концессии. Искусственное сокращение добычи нефти, отказ от бурения новых скважин и отсутствие порядка в старых — к таким мерам прибегала американская компания в надежде убедить правительство в истощении месторождения. Сознательно провоцируя рабочих на забастовки путем необоснованных увольнений, отказа от соблюдения коллективных договоров и пренебрежения к нуждам трудящихся, администрация создавала атмосферу постоянных волнений, которая наряду с широко распространяемыми слухами о мнимом истощении источников должна была убедить правительство, что в подобной ситуации ему невыгодно отказывать в продлении концессии. В то время как консервативная и либеральная печать выступала за продление концессии, только рабочие-нефтяники и газета коммунистической партии «Вангардия дель пуэбло» продолжали настаивать на возвращении концессии в собственность нации. Они разоблачали шантаж, к которому прибегали концессионеры, чтобы сохранить в своих руках это богатейшее месторождение. Во время забастовок рабочие требовали не только повышения заработной платы, но и передачи концессии в руки государства. Они настаивали на точном соблюдении условий контракта и следили, чтобы администрация их выполняла. Когда компания начала свертывать работы, рабочие-нефтяники провели несколько забастовок, протестуя против сокращения работ.

Нефтяники требовали, чтобы компания до самого последнего дня проводила разведку и бурение новых скважин, поддерживала в порядке старые, чтобы ко времени передачи нефтепромыслов в руки государства работы на них шли полным ходом.

Неоднократные выступления рабочих-нефтяников на протяжении 1946—1947 гг. вылились в длительную все-

общую забастовку рабочих, занятых на нефтепромыслах «Тропикэл ойл». Она продолжалась два месяца (январь — февраль 1948 г.) и привлекла к себе внимание всех слоев колумбийского общества. Правительство наряду с попытками мирного урегулирования конфликта между рабочими и администрацией компании прибегло к жестоким репрессиям. На территорию нефтепромыслов были введены войска, полиция разгоняла митинги бастующих, применяя слезоточивые газы и огнестрельное оружие. Чтобы помешать забастовке нефтяников, правительство пошло на введение осадного положения в департаменте Северный Сантандер⁶¹. В этих условиях аресты и убийства рабочих активистов приняли столь массовый характер, что в конце января 1948 г. профсоюз нефтяников направил президенту Оспине Пересу телеграмму, требуя его вмешательства в дело «поддержания мира и охраны чести и жизней колумбийских граждан»⁶².

Опасаясь дальнейшего обострения конфликта, правительство предложило нефтяникам проект урегулирования, который, будучи вполне приемлемым для компании, в то же время учитывал лишь некоторые требования рабочих. Поставленный на обсуждение общего собрания рабочих в Барранкабермехе, он был отвергнут ими. В противовес ему нефтяники выдвинули свой проект. В итоге правительственная комиссия вынуждена была выработать новый документ с учетом требований рабочих. Он предусматривал продолжение работ в прежнем объеме. Компания лишалась права по своему усмотрению производить сокращение рабочих. Одновременно за ними признавалось право требовать повышения заработной платы с учетом роста стоимости жизни. Что же касается тех рабочих, которые были уволены компанией, то ей вменялось в обязанность выдать им, кроме обусловленных законом выплат, специальное пособие в размере полуторамесячной платы, но не меньше 150 песо. Правительство со своей стороны обещало рабочим при первой возможности использовать уволенных на

⁶¹ «Vanguardia del Pueblo», 3—9. II 1948.

⁶² M. Ospina Pérez. El Gobierno de Unión Nacional, t. 5. Crisis, defensa y consolidación de la democracia. 1948. Bogotá, 1950, p. 225.

строительстве нефтепровода между Пуэрто-Беррио и Ла-Дорадой. Кроме того, новый проект предусматривал обследование состояния нефтескважин специальной правительственной технической комиссией⁶³.

Этот проект и решение правительства о создании арбитражной комиссии из трех человек (по одному представителю от правительства, рабочих и компании) привели в бешенство администрацию «Тропикэл ойл». Ее управляющий заявил колумбийскому министру труда Д. Харамильо Арбелаесу, что компания «не намерена представлять на арбитраж вопросы, связанные с забастовками, как этого требуют колумбийские законы»⁶⁴. Общественное мнение страны восприняло это наглое заявление как очередное оскорбление национальной чести. Считаясь с законным возмущением своих сограждан, Д. Харамильо вынужден был публично осудить позицию компании и квалифицировать ее как «дерзкую и неподобающую»⁶⁵. Рабочие других иностранных компаний угрожали объявить забастовку солидарности, если «Тропикэл ойл» не примет требований рабочих⁶⁶. В конце концов компании пришлось принять выработанный комиссией проект урегулирования. Правительство же после этой забастовки не решилось пойти на вторичное продление концессии, опасаясь новых выступлений нефтяников.

ГАИТАН И ЕГО РОЛЬ ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ 40-х ГОДОВ

Подъем антиимпериалистического движения в стране в первые послевоенные годы многие колумбийские политики связывали с деятельностью Х. Э. Гаитана, ставшего к 1947 г. главой либеральной партии, председателем сената и кандидатом в президенты. Его деятельность в свое время была предметом многочисленных споров. В представлении одних Гаитан — революционер, с точки зрения других — карьерист, ловкий демагог, тонко чувствующий настроения масс и использующий их для достижения своих честолюбивых замыслов.

⁶³ М. Ospina Pérez. Op. cit., p. 220—222.

⁶⁴ «The New York Times», 23. II 1948.

⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶ Ibidem.

Для того чтобы понять и по достоинству оценить этого человека, необходимо представить себе тот большой и нелегкий путь, которым он шел.

Хорхе Элизер Гаитан впервые появился на политической арене в 1929 г., когда у власти находился реакционер Абадиа Мендес. Резкая критика правительства, обогрившего себя кровью расстрелянных рабочих в Банановой зоне (департамент Магдалена), положила начало политической карьере Гаитана, до этого известного лишь тем, кто интересовался скандальными уголовными процессами 1922—1923 гг. (он выступал на них в качестве адвоката). Гаитан был включен в состав комиссии палаты представителей, посланной для расследования в район расстрела. По возвращении он выступил в конгрессе с громкими разоблачениями. Они сделали его имя известным по всей стране. Гаитан выступал от лица обездоленных и угнетенных, и его стали называть народным трибуном. Блестящие ораторские способности, о совершенствовании которых он постоянно заботился, в немалой степени способствовали его популярности⁶⁷. С этого времени и на протяжении двух десятилетий этот человек почти не сходил с политической сцены.

Начав с увлечения социализмом, о чем свидетельствовала его юношеская работа «Социалистические идеи в Колумбии», правда, очень далекая от понимания подлинного научного социализма, Гаитан впоследствии перешел на позиции либерализма, полагая, что именно ему предстоит решить важнейшие социальные проблемы, стоявшие перед страной. Однако старая либеральная партия, с его точки зрения, была неспособна выполнить эту задачу из-за своих тесных связей с крупной буржуазией и помещиками. Поэтому в 1933 г. он создал новую политическую организацию — Национальный левый революционный союз (УНИР). Она объединила группу молодых либералов, недовольных умеренной политикой руководства либеральной партии. О политической платформе УНИР красноречиво свидетельствовал манифест, опубликованный Гаитаном в октябре 1933 г. Помимо призывов к созданию единого фронта борьбы «за спра-

⁶⁷ Во время пребывания в Риме Гаитан специально изучал древнеримское и современное ораторское искусство (J. A. Osorio Lizagazo. Op. cit., p. 99).

ведливость, против вероломства»⁶⁸, манифест содержал весьма пространную, хотя и не совсем ясную, программу. Ее основные положения заключались в следующем: капитал, заработанный трудом, справедлив, а обогащение путем спекуляции и эксплуатации людей недопустимо и преступно; рабочие должны участвовать в управлении производством; в экономической системе нет различия между капиталом и трудом, потому что ни тот, ни другой не могут развиваться самостоятельно; государство должно вмешиваться в управление экономикой, чтобы помешать сильному угнетать слабого; избирательная система не должна быть фарсом, служащим для возвеличивания бесчестных и безответственных политиков, а должна обеспечивать избрание только самых достойных и самых способных⁶⁹.

Эта программа не была строго научной в своих теоретических формулировках и достаточно ясной в своей практической части, но, поскольку она ставила задачу борьбы за справедливость, «униристы» имели успех у масс. Однако активизация крестьянской борьбы за землю в связи с мировым экономическим кризисом, создание первых крестьянских организаций, где успешно работали коммунисты, с одной стороны, а с другой,— переход правительства к политике репрессий и, в частности, расстрел крестьянского митинга в местечке Фусагасугá (в 60 км южнее Боготы), на котором выступал Гаитан⁷⁰, показали ему, насколько труден и опасен избранный им путь. И Гаитан отказался от призывов к борьбе за землю, хотя они и встречали поддержку со стороны безземельного крестьянства. Он стал горячим поборником культурной революции, убежденный в том, что социальное переустройство деревни нужно начинать с подъема культурного уровня крестьянина, а уже потом вовлекать его в политическую борьбу.

Отказ «униризма» от политических лозунгов борьбы означал его крах. Он стал совершенно очевиден, когда правительство нового президента А. Лопеса провозгласило программу некоторых социальных реформ. Гаитан ничего не смог ей противопоставить. И все же, когда он

⁶⁸ J. A. Osorio Lizarazo. Op. cit., p. 161.

⁶⁹ Ibid., p. 163.

⁷⁰ Ibid., p. 165.

Х. Э. ГАИТАН

опубликовал манифест о роспуске УНИР, даже для многих его близких друзей это было совершенно неожиданным и показалось предательством. Популярность Гаитана на время поблекла. Многие его сторонники отвернулись от него. С резкой критикой Гаитана выступил один из основателей УНИР Лопес Хиральдо, опубликовавший памфлет «Голый апостол» (1935 г.).

Через год Гаитан вновь оказался в центре политической борьбы. В июне 1936 г. он был избран алькальдом Боготы. Его вступление в должность сопровождалось ликующей демонстрацией населения столицы, но уже в феврале 1937 г. он вынужден был уйти со своего поста из-за происков реакции, спровоцировавшей забастовку шоферов такси⁷¹.

В течение последующих лет Гаитан не принимал активного участия в политике. В 1938 г. он в качестве ректора Свободного университета вместе с Дарио Сампером совершил поездку по странам Латинской Амери-

⁷¹ Ibid., p. 187—198.

ки: побывал в Боливии, Чили, Перу. В Лиме он встречался с перуанским политическим деятелем и социологом Айя де ла Торре ⁷².

После того как А. Лопес, подвергавшийся резкой критике со стороны Гаитана за нерешительность и половинчатость в решении социальных проблем, уступил президентское кресло Э. Сантосу, Гаитан занял пост министра просвещения (1940 г.). Он начал свою деятельность с разработки широкой программы школьной реформы, направленной на ликвидацию неграмотности в сельской местности ⁷³. Но когда соответствующие законопроекты были представлены на рассмотрение конгресса, реакционное большинство палаты депутатов, состоящее не только из консерваторов, но и из представителей либеральной партии, провалило их. И в октябре того же, 1940 года Гаитан вновь был вынужден уйти со своего поста ⁷⁴. Однако на этот раз поражение только увеличило популярность Гаитана: теперь он был мучеником, пострадавшим за интересы народа.

В годы второй мировой войны, когда к власти вновь пришел А. Лопес, Гаитан находился в оппозиции к правительству, критикуя его слева.

К моменту президентских выборов 1946 г. Гаитан был очень популярен среди всех демократически настроенных слоев колумбийского общества. Его пламенные выступления в защиту колумбийской нефти приветствовали все подлинные патриоты. Резкая критика правительства, ничего не предпринимającego против господства в стране американских нефтяных монополий, и предложенный конгрессу законопроект о национализации всей нефтяной промышленности Колумбии ⁷⁵ не на шутку встревожили как колумбийских ультра, так и американские нефтяные компании. Главным оппонентом Гаитана в конгрессе стал сам Лауреано Гомес, использовавший все свое влияние и красноречие, чтобы убедить депутатов в несвоевременности этой меры. Тем не менее законопроект удалось провалить только мобилизовав все силы правых. Популярность Гаитана росла. В середине 1947 г. он стал общепризнанным лидером

⁷² L. D. Peña. Op. cit., p. 125—127.

⁷³ J. A. Osorio Lizarazo. Op. cit., p. 221.

⁷⁴ Ibid., p. 224.

⁷⁵ В. Вольский. Указ. соч., стр. 153.

либеральной партии, возглавив ее руководство. В июле этого же года он был избран председателем сената⁷⁶.

В это время Гаитан выступил в конгрессе с проектом реформ, направленных на создание более благоприятных условий для дальнейшего экономического развития страны. Этот проект предусматривал лучшую организацию кредита, создание специального органа по экономическому планированию, а в целях разрешения аграрного вопроса предлагал колонизацию пустующих земель и дробление земельной собственности⁷⁷.

Однако консерваторам и присоединившимся к ним правым либералам этот проект показался слишком радикальным и был ими провален во время обсуждения в конгрессе. Но популярность Гаитана от этого ничуть не пострадала. Его выступления в защиту прав Конфедерации трудящихся Колумбии, когда Оспина Перес в мае 1947 г. попытался запретить ее, в защиту судоходной компании «Великая Колумбия», против вмешательства американских империалистов во внутренние дела Колумбии создавали вокруг него ореол неутомимого борца за национальные интересы страны. Его туманный и расплывчатый лозунг «За моральную реконструкцию республики», ставший официальным лозунгом избирательной кампании, встречал широкую поддержку, потому что каждый недовольный существующим режимом вкладывал в него свое содержание. Число сторонников Гаитана множилось. Росту его популярности содействовала также руководимая им газета «Хорнада». Она мгновенно реагировала на все важнейшие события, подвергая резкой критике пороки существующего режима, разоблачая его связи с американским империализмом, с одной стороны, и профранкистские тенденции, с другой. Демократически настроенные слои колумбийского общества помнили выступления Гаитана в поддержку справедливой борьбы советского народа против немецкого фашизма в годы войны. Его лекция на тему «Россия и демократия»⁷⁸, прочитанная в 1942 г., привлекла многочис-

⁷⁶ R. Josephs. Op. cit., p. 609.

⁷⁷ A. Ordoñez Ceballos. Visión económica de Colombia. Bogotá, 1948, p. 6, 11, 17, 18; H. Toro Agudelo. Planteamiento y soluciones del problema agrario. Medellín, 1957, p. 39.

⁷⁸ Она опубликована в сборнике: Gaitán. Antología de su pensamiento económico y social. Bogotá, 1968.

ленных слушателей. Гаитан завоевал признательность друзей Советского Союза высокой оценкой успехов нашего народа в экономическом строительстве. В послевоенные годы Гаитан занимал твердо антиимпериалистические позиции и не принимал участия в «холодной войне» против СССР. Когда Айя де ла Торре прибыл в Боготу накануне IX Панамериканской конференции, надеясь сколотить антикоммунистическую группу левых латиноамериканских лидеров и привлечь в нее Гаитана, он ответил решительным отказом⁷⁹.

Таков был этот человек, с именем которого были связаны чаяния всех прогрессивных сил Колумбии, полагавших, что на ближайших президентских выборах ему обеспечена победа. Гаитан стал для многих символом надежд⁸⁰ на быстрое и демократическое решение острых проблем, возникших в стране за последние годы.

АПРЕЛЬСКОЕ НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ 1948 Г.

ПОЛОЖЕНИЕ В БОГОТЕ НАКАНУНЕ 9 АПРЕЛЯ 1948 Г.

Подъем демократического и антиимпериалистического движения в стране, характерный для конца второй мировой войны и первых послевоенных лет и объяснявшийся внутренними причинами и влиянием побед советского народа, возглавлявшего антифашистскую коалицию, над германским фашизмом и японским милитаризмом, вызывал тревогу у господствующей олигархии. Чтобы покончить с ним, реакция использовала все средства — от разжигания традиционной вражды между консерваторами и либералами в надежде отвлечь массы от классовой борьбы вплоть до террора. Убийства прогрессивных деятелей начались уже в октябре 1946 г., т. е. буквально через два месяца после вступления Ospina Переса на пост президента. В дальнейшем, в течение 1947—1948 гг., террор стал самым распространенным методом политической борьбы, особенно в департаментах Сантандер и Северный Сантандер, где было много

⁷⁹ «Voz Proletaria», 4. IV 1968.

⁸⁰ G. Vieira. Algunas experiencias y lecciones de 9 de abril.— «Voz Proletaria», 4. IV 1968, p. 8.

сторонников либеральной партии и где, по подсчетам столичной газеты «Эль Либераль», число убитых достигло 500 человек⁸¹.

Правительство отрицало причастность властей к этим убийствам. Под предлогом борьбы с террором оно создало специальную «политическую полицию», фактически ставшую орудием реакции в борьбе за сохранение власти в руках консервативной партии. Убийства приняли массовый характер. Не было пощады ни старикам, ни женщинам, ни детям⁸². Не проходило дня, чтобы газеты не сообщали о все новых и новых убийствах либералов или их сторонников в том или ином районе страны⁸³. Многие семьи бежали в Эквадор и Венесуэлу. Богота была переполнена беженцами из провинций. Физическое уничтожение членов либеральной партии сопровождалось чисткой государственного аппарата от прогрессивно настроенных элементов. Вынуждены были подать в отставку все губернаторы департаментов — либералы. За ними последовали члены муниципальных советов и другие служащие. Судьи-либералы оставляли свои посты из-за невозможности наказать виновников преступлений. Верховный суд даже вынужден был направить президенту протест, требуя принятия необходимых мер, чтобы обезопасить блюстителей закона⁸⁴.

7 февраля 1948 г. в Боготе состоялась массовая демонстрация протеста против политики насилий со стороны реакционных элементов и той покровительственной позиции, которую занимали власти по отношению к террористам. Выступивший с яркой речью Гаитан заявил, обращаясь к президенту: «Мы готовы пожертвовать нашими жизнями для спасения мира и свободы Колумбии. Помешайте насилию, сеньор! Мы хотим защиты человеческой жизни, и это минимум того, что может просить народ»⁸⁵. Коммунисты принимали активное участие в подготовке этой демонстрации. Так как правительство не принимало никаких мер, чтобы покончить с террором,

⁸¹ «El Liberal» [Bogotá], I. IV 1948.

⁸² M. Puentes. Historia del partido liberal colombiano. Bogotá, 1961, p. 621—625.

⁸³ E. Martínez Zelada. Colombia en el llanto. Crónica auténtica del movimiento popular de abril de 1948. México, 1948, p. 20, 21.

⁸⁴ E. Martínez Zelada. Op. cit., p. 95.

⁸⁵ «Voz proletaria», 4.IV 1968.

руководство либеральной партии заявило, что оно больше не поддерживает политику Национального союза. Таким образом, за две недели до открытия IX Панамериканской конференции в Боготе, в Колумбии разразился правительственный кризис. Назначение Лауреано Гомеса, известного своими пронацистскими и профранкистскими симпатиями, министром иностранных дел и председателем конференции, в то время как Гаитан по указанию Гомеса даже не был включен в состав колумбийской делегации⁸⁶, вызвало большое недовольство сторонников Гаитана.

Ставшие достоянием широкой гласности факты таможенной контрабанды, хищения товаров, присвоения комиссионных и других преступлений, связанных с подготовкой к конференции, также возмущали всех честных колумбийцев. Правительство щедрой рукой ассигновало 20 млн. песо на торжества по случаю конференции, и это при хроническом дефиците государственного бюджета! «Комитет, которому была поручена организация торжеств, проводил грандиозные празднества, угощая с редкой роскошью. Правительство распорядилось приберечь продовольствие, увеличить запасы шампанского, виски и подготовиться к демонстрации несуществующего изобилия делегатам, съехавшимся на конференцию»⁸⁷.

Засуха и неурожай наряду с наплывом иностранцев вызвали значительный рост цен на продукты питания. Фунт мяса, например, стоил две трети дневного заработка хорошо оплачиваемого рабочего⁸⁸. А. Лопес Микельсен, видный деятель либеральной партии, отмечал «всеобщее недовольство, охватившее все слои населения в связи с колоссальным ростом стоимости жизни»⁸⁹.

В этой обстановке критика Гаитаном недостатков и пороков консервативного режима Оспины Переса встречала широкий отклик среди рабочих, мелкобуржуазных и средних городских слоев⁹⁰. Он стал подлинным народным трибуном. Число его сторонников быстро росло. Вокруг него группировались все народные, демократи-

⁸⁶ «Semana» [Bogotá], 1948, 21—28. II.

⁸⁷ J. A. Osorio Lizarazo. Op. cit., p. 290.

⁸⁸ E. Martínez Zelada. Op. cit., p. 39.

⁸⁹ A. Lopez Michelsen. Cuestiones colombianas. México, 1955, p. 73.

⁹⁰ A. Quimbaya. Los tres partidos políticos. Bogotá, 1959, p. 91.

ческие силы⁹¹, что не могло не тревожить реакционеров, опасавшихся, что на очередных президентских выборах Гаитан сможет одержать победу. Наиболее оголтелые из них открыто заговорили о необходимости убить Гаитана. Слухи о готовившемся убийстве циркулировали довольно широко. Во всяком случае еще за месяц до преступления в редакции газеты «Хорнада» знали о том, что политическая полиция готовит нескольких человек для покушения на Гаитана⁹².

Когда с открытием IX Панамериканской конференции «Хорнада» начала публикацию разоблачающих материалов о профранкистском прошлом Лауреано Гомеса и других видных консервативных политиков — делегатов конференции, а Гаитан «самым энергичным образом стал выступать против военных пактов и других преступных действий, задуманных Панамериканской конференцией против независимости латиноамериканских народов»⁹³, «чаша терпения» реакции переполнилась. Днем 9 апреля 1948 г. на одной из центральных улиц Боготы на него было совершено покушение. Смертельно раненный четырьмя выстрелами, Гаитан был отправлен в ближайшую клинику, где вскоре умер.

СОБЫТИЯ 9 АПРЕЛЯ 1948 Г. В БОГОТЕ

Весть об убийстве Гаитана мгновенно облетела весь город. К месту преступления бросились сотни людей. Задержанного тут же убийцу они буквально вырвали из рук полицейских и немедленно линчевали. «Изуродованный труп колоссальная процессия приволокла ко дворцу президента. Манифестанты хотели показать ему гнусный результат его политики...»⁹⁴ — так описывает начало трагических событий в Боготе один из очевидцев.

«Первые слухи, распространившиеся о виновнике преступления, — пишет он далее, — возлагали ответственность на некоторых консервативных политиков. Говорили, что убийство было средством избежать

⁹¹ G. Vieira. Op. cit., p. 4.

⁹² E. Cuéllar Vargas. 13 años de violencia. Bogotá, 1960, p. 18 (цит. по: G. Guzman Campos. La violencia en Colombia, t. II. Bogotá, 1964, p. 363).

⁹³ A. Quimbaya. Op. cit., p. 80.

⁹⁴ G. Orrego Duque. 9 de abril fuera de palacio. Bogotá, 1949, p. 25.

разоблачений в конгрессе, так как Гаитан располагал рядом документов, компрометирующих Лауреано Гомеса и других высокопоставленных лиц Панамериканской конференции»⁹⁵. Эту же версию приводит в своем дневнике боливийский представитель на этой конференции, человек с явно консервативными убеждениями, Умберто Пальса: «Толпа направилась прежде всего ко дворцу Сан-Карлос — резиденции министерства иностранных дел — в поисках виновника убийства... Не найдя Лауреано в министерстве, она бросилась к Капитолию, где заседала конференция»⁹⁶. На площади Боливара по манифестантам открыл стрельбу батальон, охранявший Капитолий. Демонстранты отступили. Тогда и возник лозунг о немедленном вооружении для отпора нападающим⁹⁷. Его поддержали, и все бросились в ближайшие магазины в поисках оружия. Через несколько минут с охотничьими ружьями и мачете в руках манифестанты снова направились к Капитолию с возгласами «Долой Лауреано!» На этот раз охрана обратилась в бегство, и демонстранты овладели Капитолием. Не обнаружив Гомеса и здесь, разъяренные люди переломали мебель, выбили стекла и подожгли несколько комнат. К этому времени тысячи людей собрались на площади Боливара, требуя свержения консервативного правительства и приветствуя либеральную партию. Повсюду на улицах возникали стихийные митинги протеста. Их участники требовали немедленно наказать виновников преступления. Не имеющие руководства массы начали осуществлять стихийные акты возмездия с присущим южанам темпераментом. Запылали официальные учреждения, и прежде всего резиденция Л. Гомеса и редакция его газеты «Эль Сигло»⁹⁸.

Полиция отказалась стрелять в народ и была частично разоружена и заперта в казармах своими командирами, а частично перешла на сторону восставших⁹⁹ (в столичной полиции было много сторонников либераль-

⁹⁵ G. Orrego Duque. Op. cit., p. 27.

⁹⁶ H. S. Palza. La noche roja de Bogotá. Páginas de un diario. Buenos Aires, 1949, p. 55, 57.

⁹⁷ G. Vieira. Sobre algunas experiencias del 9 de abril de 1948.— «Documentos Políticos», 1968, № 74, p. 99.

⁹⁸ H. S. Palza. Op. cit., p. 20.

⁹⁹ G. Vieira. Sobre algunas experiencias..., p. 99; G. Orrego Duque. Op. cit., p. 35, 69.

ной партии). После братания полиции с народом манифестации протеста и всеобщая забастовка, начавшаяся по совместному призыву коммунистической партии и Конфедерации трудящихся Колумбии сразу же после убийства Гаитана, «фактически превратились в народное восстание против реакционного режима»¹⁰⁰. К этому времени революционные элементы разных политических направлений (в основном студенты университетов) захватили национальную радиостанцию и призывали массы к борьбе.

Радиостанция передавала последние новости о развитии событий, которые из-за царившей повсюду неразберихи не всегда оказывались достоверными. Так, например, оказались ложными сообщения об убийстве Лауреано Гомеса, исполнявшего обязанности вице-президента страны Антонио Монтальво и сенатора-консерватора Леона Валенсии¹⁰¹. Поистине роковыми для судьбы восстания оказались слухи о падении правительства и создании национальной революционной хунты — событиях, которых в действительности не было.

Ложные сведения породили у народа иллюзию, что борьба уже закончена. В тот момент только немногочисленная группа революционеров пыталась атаковать президентский дворец, где находился Оспина Перес и несколько министров, но встретила ответный огонь. Завязалась длительная перестрелка. Там временем в городе начались пожары и грабежи. Их инициаторами были уголовники и специальные агенты правительства. Кубинский еженедельник «Боэмия», отражавший в те годы точку зрения консервативных кругов своей страны, тем не менее писал, что сразу же после убийства Гаитана консерваторы вывели на улицы солдат, переодетых в штатское, которые принялись грабить и поджигать магазины, усугубляя беспорядок¹⁰². Заодно с ними действовали три тысячи уголовников, выпущенных на свободу фалангистами. Своими действиями они увлекли возмущенные, не имеющие руководства массы, и в столице воцарился хаос, который в конечном счете помог прави-

¹⁰⁰ G. Vieira. Sobre algunas experiencias..., p. 99.

¹⁰¹ «The New York Herald Tribune», 10. IV 1948.

¹⁰² «Bohemia», 1948, 18. IV, p. 69 (цит. по: С. А. Гонионский. Латинская Америка и США. 1939—1959. М., 1960, стр. 181).

гельству расправиться с восставшими¹⁰³. Но в первый день восстания положение Оспины Переса казалось безнадежным. 9 апреля он располагал в столице лишь небольшим числом солдат, которых едва хватало для охраны президентского дворца, банков и перепуганных делегатов конференции. Последние в течение суток вынуждены были отсиживаться в солдатской казарме (на следующий день голодных делегатов под охраной танков вывезли в предместье).

В ночь с 9 на 10 апреля Богота пылала. То в одном, то в другом районе города возникала перестрелка.

В то время как революционная интеллигенция, представлявшая левое крыло либеральной партии, сражалась на улицах, добиваясь свержения реакционного режима, было создано временное национальное руководство партии. Новое руководство, напуганное столь неожиданным развитием событий, не было готово к захвату власти¹⁰⁴ и заботилось лишь о том, чтобы как можно быстрее покончить с беспорядками. Уже через три часа после начала событий руководство партии выступило с заявлением, что Д. Эчандиа, К. Льерас Рестрепо, П. Элисео Крус, Х. Падилья, П. Мендоса Нейра и другие вожди либералов пришли к выводу о необходимости «прежде всего посетить президента республики, чтобы совместно рассмотреть меры, необходимые в столь трудном положении, в котором оказалась страна»¹⁰⁵. К президенту отправились Дарио Эчандиа, объявленный новым лидером партии вместо убитого Гаитана, и Карлос Льерас Рестрепо. Предполагалось, что они добьются от Оспины Переса отказа от поста президента в пользу вице-президента Э. Сантоса, находившегося в те дни в Париже. Но ни Д. Эчандиа, ни К. Льерас Рестрепо не смогли решительно потребовать этого, и начались переговоры о составе нового правительства с участием либералов¹⁰⁶. Они длились с 5 часов дня 9 апреля до 6 часов

¹⁰³ G. Vieira. Sobre algunas experiencias..., p. 102.

¹⁰⁴ «Informe de la Dirección Nacional Liberal a la Convención Nacional del Partido reunida en Bogotá el 3 de julio de 1949». — В кн.: «Quince meses de política liberal (abril 1948—julio 1949)». Bogotá, 1949, p. 8, 9.

¹⁰⁵ G. Orrego Duque. Op. cit., p. 24, 49.

¹⁰⁶ G. Vieira. Algunas experiencias y lecciones de 9 de abril, p. 8.

К. ЛЬЕРАС РЕСТРЕПО

утра 10 апреля. Однако соглашение достигнуто не было, и либералы вынуждены были уйти ни с чем. Лишь в 10 часов утра, когда в столице вновь началась ожесточенная перестрелка, Оспина Перес позвонил Эчандиа и назвал ему имена пяти либералов, которых он согласился включить в состав правительства. Эчандиа одобрил его выбор. Перерыв в переговорах был использован Оспиной Пересом для консультаций с Лауреано Гомесом, находившимся в то время в военном министерстве¹⁰⁷.

Эчандиа занял важнейший в тех условиях пост министра внутренних дел. Министром иностранных дел по совету Гомеса был назначен консерватор Э. Сулета Анхел — брат вице-президента «Юнайтед фрут компани» и представитель свыше двух десятков империалистических компаний (в том числе финансовой группы Рокфел-

¹⁰⁷ H. S. Palza. *Op. cit.*, p. 49—51. E. Martínez Zelada. *Op. cit.*, p. 58; J. D. Martz. *Colombia. A contemporary political survey*. Chapel Hill, 1962, p. 61.

лера и «Юнайтед фронт») ¹⁰⁸. Включение Эчандиа в состав правительства и фактическая отставка Л. Гомеса внушили многим либералам иллюзии, что повстанцы уже добились своих целей и борьба должна прекратиться. Этому же способствовала и позиция руководства либеральной партии, которое призвало население поддержать президента в деле восстановления порядка ¹⁰⁹. Выступивший по радио Эчандиа предложил повстанцам в течение 24 часов сложить оружие. «Его слова показались массам холодным душем в момент, когда они были еще полны веры в победу и готовы к борьбе» ¹¹⁰, — писал впоследствии гватемальский делегат Мартинес Селада.

Такая позиция нового либерального руководства вызвала осуждение со стороны левых элементов партии, что вынуждена была признать единственная вышедшая в Боготе 11 апреля газета «Эль Либераль». Через несколько дней после этого кубинская «Нотисиас де Ой» поместила статью «Измена правых либералов», содержащую резкую критику позиций, занятых руководством колумбийских либералов ¹¹¹. И действительно положение правительства в самом начале движения казалось безнадежным. Даже американские правящие круги в Вашингтоне полагали, что при создавшихся обстоятельствах Осине Пересу придется уйти в отставку. Но решение руководства либеральной партии об участии в правительстве спасло президента. 10 апреля он объявил осадное положение на территории всей страны, в армию были призваны резервисты ¹¹².

11 апреля события развивались следующим образом. В этот день боливийский делегат Умберто Пальса записывал в своем дневнике: «Революция не закончилась. Новые атаки, новые пожары... большие столкновения» ¹¹³. Правда, к этому времени восставшим пришлось оставить радиостанцию. Но бои в центре города продолжа-

¹⁰⁸ «Антикоммунизм — враг человечества». Прага, 1962, стр. 261; C. Beals. Latin America: world in revolution. New York. 1963, p. 243.

¹⁰⁹ «Texto de las declaraciones publicadas por la Dirección Nacional del liberalismo, el día 12 de abril de 1949»: — В кн. «Quince meses de política liberal», p. 33, 34.

¹¹⁰ E. Martínez Zela da. Op. cit., p. 36.

¹¹¹ «Noticias de Hoy», 17.IV 1948.

¹¹² M. Ospina Pérez. Op. cit., p. 406, 486.

¹¹³ H. S. Palza. Op. cit., p. 27.

лись. В этот же день вечером Оспина Перес выступил по радио с обращением к населению, в котором содержалась официальная версия относительно причин, вызвавших столь бурные события. Начав с лицемерных сожалений о смерти доктора Гаитана, президент перешел к прямым обвинениям в адрес «международного коммунизма» (еще днем с провокационной целью было объявлено о поимке двух «русских агентов»). «Мы имеем дело с движением, инспирированным коммунистами, в которое вмешались нежелательные иностранные элементы. Некоторые из них попали в руки верных правительству сил и будут осуждены военным трибуналом», — заявил он. Было сказано о заранее задуманном плане «социальной революции с сопутствующими ей разрушениями и варварством». Чтобы пресечь слухи о его возможной отставке с поста президента, Оспина Перес заявил о твердой решимости до конца «выполнить свой долг перед нацией»¹¹⁴.

Конфедерация трудящихся Колумбии ответила на это заявление манифестом, призывающим рабочих продолжать всеобщую забастовку в знак протеста «против реакции и империализма янки». Компартия распространила заявление, в котором отвергала клеветническое обвинение в соучастии в убийстве Гаитана и призывала народ к продолжению всеобщей забастовки вплоть до отставки президента Оспины Переса¹¹⁵.

12 апреля положение в столице оставалось напряженным. В уже цитировавшемся дневнике боливийского делегата в этот день было записано: «Положение дел не изменилось. Об этом свидетельствует хотя бы то, что мы не можем поехать в город, где осталась наша одежда, чтобы переодеться... Мы голодаем... изолированы от всего и от всех... Работает только радио»¹¹⁶.

В это время правительство совместно с генеральным штабом разрабатывало планы захвата основного очага сопротивления — казарм 5-го полка национальной полиции. Здесь укрепились около 900 человек рабочих, полицейских, студентов. Они были хорошо вооружены и занимали прекрасную позицию. К казармам были стянуты танки, на ближайшем аэродроме подготовлены к вылету

¹¹⁴ M. Ospina Pérez. Op. cit., p. 403, 405, 409.

¹¹⁵ «Treinta años de lucha...», p. 82.

¹¹⁶ H. S. Palza. Op. cit., p. 31, 32.

боевые самолеты. Правительство потребовало от повстанцев капитуляции. Несколько офицеров генерального штаба были посланы в казармы для переговоров, однако они вернулись ни с чем. Тогда прибегли к помощи Эчандиа. Ему удалось уговорить восставших сдаться. Утром 13 апреля во двор казармы вошли танки, и началась сдача оружия¹¹⁷. В этот же день во время заседания было арестовано руководство компартии Колумбии во главе с Х. Виейрой и Ф. Барреро¹¹⁸.

13 апреля в столице еще оставались отдельные очаги сопротивления и то тут, то там возникала перестрелка. Тем не менее делегатам конференции, наконец, разрешили посетить город.

«Богота напоминала европейский город после бомбежки,— писал в своем дневнике Умберто Пальса.— Центральные улицы в развалинах. От редакции «Эль Сигло» осталось бесформенное нагромождение камней и железа. Отель «Рехина», где помещалось большинство делегатов, сгорел»¹¹⁹.

В городе было много жертв среди населения. По уточненным данным, приведенным десять лет спустя журналом «Семана», было убито 3800 гражданских лиц¹²⁰.

Большое беспокойство у правительства вызывала продолжавшаяся всеобщая забастовка, буквально парализовавшая страну. Чтобы добиться ее прекращения, вновь обратились за помощью к руководству либеральной партии. В ночь с 13 на 14 апреля председатель временного национального руководства К. Льерас Рестрепо выступил по радио с призывом прекратить всеобщую забастовку и оказать поддержку правительству, придерживаясь в своей деятельности рамок конституционного порядка¹²¹. На следующий день руководство КТК во главе с Виктором Сильвой под влиянием уговоров ли-

¹¹⁷ «Semana» [Bogotá], 1948, 17—24. IV; G. Orrego Duque. Op. cit., p. 35—42.

¹¹⁸ «Voz Proletaria», 4. IV 1968, p. 13. Через 16 дней, 28 апреля все коммунисты были освобождены по решению Верховного суда, вынужденного заявить об отсутствии доказательств виновности этих граждан в организации поджогов и грабежей в Боготе («The New York Times», 30. IV 1948).

¹¹⁹ H. S. Palza. Op. cit., p. 37, 38.

¹²⁰ «Semana» [Bogotá], 1958, 22—29. VII, p. 19.

¹²¹ Текст выступления К. Льераса Рестрепо см. в кн.: «Quince meses de política liberal», p. 34, 35.

беральных лидеров объявило о прекращении забастовки¹²².

15 апреля в Боготе открылись банки, началось восстановление трамвайного движения. Но еще дважды в течение этого месяца в столице возникала перестрелка: 18 апреля, когда должны были состояться похороны Гаитана, и 29 апреля — накануне официального закрытия конференции.

НАПРЯЖЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ОСНОВНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ЦЕНТРАХ СТРАНЫ

Движение протеста против реакционного режима Ospina Pérez не ограничилось столицей. Оно охватило всю страну. Это неоднократно признавал и сам президент, и другие политические деятели Колумбии¹²³.

В провинции сразу же после сообщения радио об убийстве Гаитана и начале массового движения протеста в Боготе левые либералы при поддержке и участии коммунистов стали захватывать власть, создавая революционные хунты. Такие хунты возникли в ряде городов и поселков страны, например в Виота¹²⁴. То же самое произошло и в крупнейших промышленных центрах страны — Медельине и Кали. Здесь, так же как и в Боготе, полиция была разоружена и частично перешла на сторону народа. Однако на следующий день властям удалось восстановить положение. Карательные действия в Кали возглавил тогда еще малоизвестный полковник Густаво Рохас Пинилья¹²⁵.

Сложная обстановка возникла в крупнейших портовых городах: Баранкилье и Картахене на Атлантическом побережье и Буэнавентуре на Тихоокеанском. По свидетельству Оррего Дуке, «в городах Атлантического побережья убитые насчитывались сотнями»¹²⁶. В Баранкилье, кроме революционной хунты, был создан народный трибунал, и красный флаг развевался над домом губернатора¹²⁷. Только после ожесточенных боев, в результате которых городу был нанесен почти такой же ущерб, как

¹²² «The Washington Evening Star», 15.IV 1948.

¹²³ M. Ospina Pérez. Op. cit., p. 89, 405, 413, 443.

¹²⁴ G. Vieira. Algunas experiencias y lecciones de 9 de abril, p. 8.

¹²⁵ «Treinta años de lucha...», p. 84; J. D. Martz Op. cit., p. 58.

¹²⁶ G. Orrego Duque. Op. cit., p. 70.

¹²⁷ J. D. Martz. Op. cit., p. 66.

Боготе, правительство смогло овладеть положением. В Картахене властям пришлось прибегнуть к помощи флота, чтобы удержать город в своих руках ¹²⁸.

В Буэнавентуре также происходили волнения. В город были введены войска. Они арестовывали лиц, подозреваемых в содействии «беспорядкам». 12 апреля положение там все еще оставалось напряженным. Время от времени возникала стрельба.

Серьезные события произошли в крупнейших золотодобывающих районах страны — в департаментах Антиокна и Чоко ¹²⁹. По данным, сообщенным государственным департаментом США на пресс-конференции 13 апреля, многие золотые прииски и серебряные рудники в течение нескольких дней находились в руках восставших. Ссылаясь на сведения, полученные от американского вице-консула в Медельине, государственный департамент сообщал, что город Пуэрто-Беррио (центр этого района) 12 апреля все еще находился в руках восставших. Самолет, пилотируемый американским летчиком, не смог высадить войска из-за открытой по нему стрельбы. Поезд с войсками, шедший из Медельина, был спущен с рельсов ¹³⁰. Интерес государственного департамента к этим событиям, конечно, не случаен: добыча золота и серебра в этом районе контролировалась американским капиталом.

Не меньшую тревогу в деловых кругах США вызывало положение в нефтедобывающих районах Колумбии. Только что закончившаяся почти двухмесячная забастовка рабочих «Тропикэл ойл» и заявление администрации о предстоящих новых увольнениях рабочих создавали и без того тревожную обстановку. Как только радио принесло весть о событиях в Боготе, 4 тыс. вооруженных рабочих захватили нефтепромыслы и нефтеочистительный завод в Барранкабермехе, а также все официальные учреждения города. В городе была создана революционная хунта и народная милиция ¹³¹. «400 американцев в

¹²⁸ «The New York Times», 16.IV 1946.

¹²⁹ Антиокна дает 59% общенациональной добычи золота, Чоко — 13 («Factores colombianos. 1957», p. 176; И. А. Бунегина. Колумбия. Экономика и внешняя торговля. М., 1959, стр. 39, 40). Антиокна дает 80% добываемого в Колумбии серебра («Factores colombianos. 1957», p. 177).

¹³⁰ «The New York Times», 13. IV 1948.

¹³¹ «Voz Proletaria», 4.IV 1968.

течение целой недели были изолированы элементами, руководимыми коммунистами», — писала с возмущением «Нью-Йорк геральд трибюн» 17 апреля. К рабочим Барранкабермехи присоединились их товарищи — нефтяники в Касабе, Чукурри, Канта Гальо и Пуэрто Вильчес, где также были созданы революционные хунты ¹³².

Сопrotивление рабочих в этом важнейшем промышленном районе (дает половину добываемой в стране нефти) оказалось самым упорным.

На восьмой день забастовки правительство направило в Барранкабермеху самолет, сбросивший листовки. В них говорилось, что, если бастующие не сложат оружие, против них будет послана армия. Тогда рабочие по радио сообщили, что в случае применения силы они взорвут нефтепромыслы. Правительство обратилось за помощью к доктору Монтанье Куэльяру — юридическому советнику профсоюза нефтяников, который по радио предложил рабочим прекратить забастовку и сложить оружие. Для завершения переговоров в Барранкабермеху прибыли посланные Д. Эчандиа два члена временного национального руководства либеральной партии — Х. Р. Саласар Ферро и Х. Урибе Маркес ¹³³. И только тогда, на двенадцатый день сопротивления, рабочие согласились сложить оружие и вернуться к работе при условии, что против них не будут применены репрессии, а в департамент Сантандер назначат нового губернатора-либерала наряду с алькальдами-либералами в Барранкабермеху и Пуэрто Вильчес и инспекторами-либералами в Касабе, Канта Гальо и Чукурри ¹³⁴. К этому времени забастовочное движение в других районах страны уже закончилось. Служащие национальных железных дорог, портовики, работники городского транспорта и другие категории рабочих и служащих, принимавшие активное участие во всеобщей забастовке, вернулись к работе, обманутые заверениями либеральных лидеров, что Оспина Перес — «пленник в своем дворце» ¹³⁵.

Так закончилось движение протеста против реакционного режима Оспины Переса. Народные выступления, вызванные убийством популярного политического деятеля

¹³² «Voz Proletaria», 4.IV.68.

¹³³ Ibidem.

¹³⁴ Ibidem.

¹³⁵ Ibidem.

ля, приняли характер стихийного восстания, которое при отсутствии революционной ситуации¹³⁶ в стране, а также организации, способной в тот момент возглавить массы, было обречено на провал. Повстанцы не стремились добиться революционных изменений в Колумбии. Они лишь хотели заменить правительство консерваторов, виновных в смерти Гаитана, правительством либералов. В движении участвовало в основном городское население — мелкая буржуазия, рабочие, служащие, прогрессивная интеллигенция и студенчество. Крестьянство к тому времени еще не нашло своих форм борьбы с ненавистным режимом.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОЛУМБИЙСКОЙ РЕАКЦИИ И ИМПЕРИАЛИЗМА США ЗА УБИЙСТВО ГАИТАНА

В столице и в других городах страны движение было направлено как против колумбийских реакционеров, интересы которых представлял консервативный режим Оспины Переса, так и против американского империализма — союзника колумбийской реакции. Поэтому антиамериканскую направленность событий вынуждена была констатировать печать США наряду с английской и французской.

Так, североамериканская газета «Нью лидер» писала, что «большинство колумбийцев верило, что Гаитан убит агентами США и, возможно, американских нефтяных компаний». Ее корреспондент даже считал, что «в основном, выступление было направлено против американского империализма»¹³⁷. Отмечая антиамериканские настроения жителей столицы, другой американский корреспондент сообщал: «Тысячные толпы жадно внимали ораторам, кричавшим: «Долой янки! Долой Уолл-стрит и империалистов!»¹³⁸ Сотрудники американского посольства и делегаты Панамериканской конференции, укрывшиеся в здании посольства, оказались в настоящей осаде. Понадобилось вызвать танки, чтобы вывезти их в безопасное место. Район, где находилось посольство США, в течение двух дней был местом ожесточенной перестрелки, возобновлявшейся потом еще несколько раз. Здание

¹³⁶ См.: В. И. Ленин. Крах II Интернационала. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 218, 219.

¹³⁷ «The New Leader», 15.IV 1948.

¹³⁸ «The Times Herald», 16.IV 1948.

посольства было повреждено пожаром, возникшим в его жилой части.

Размах движения, его антиправительственный характер и антиимпериалистическая направленность заставили правящие круги США поторопиться с оказанием помощи режиму Оспины Переса. Американская авиация взяла на себя переброску оружия и войск в главные очаги сопротивления¹³⁹, и в течение месяца по всей стране был «наведен порядок». Тюрем не хватало, были созданы концлагеря. В латиноамериканских странах появились сотни колумбийских беженцев.

Сразу же после убийства Гаитана Оспина Перес, пытаясь взвалить ответственность на коммунистическую партию, заявил, что убийца — коммунист. Когда на следующий день это утверждение было опровергнуто и было точно установлено, что убийца Х. Роа Сьерра никогда не был коммунистом, а принадлежал к консервативной партии, официальные круги выступили с новой версией, согласно которой убийца был беспартийным, а убийство якобы не носило политического характера. Заговорили о том, что Х. Роа был человеком душевнобольным и отомстил Гаитану за то, что тот добился в суде несправедливого приговора его дяде.

Вызванные для помощи агенты Скотланд-ярда начали расследование с трехчасовой беседы с президентом Оспиной Пересом¹⁴⁰. Результаты их расследования так и не были никогда опубликованы. Колумбийские следственные органы вели дело крайне медленно. Только в августе оно было передано в Верховный суд, который подверг сомнению результаты расследования и назначил новое следствие. Это затягивание дела было явно на руку организаторам убийства, политический характер которого у большинства колумбийцев не вызывал сомнения. Как показали события, жители столицы сразу же поняли, кто несет за него ответственность, и бросились искать Лауреано Гомеса. Некоторые сведения об убийце и его окружении действительно наводят на мысль о его связях с Гомесом. Стало известно, что старший брат Роа Сьерры и он сам служили до войны в германском посольстве и были известны своими профранкистскими симпатиями¹⁴¹. По данным газеты «Хорнада», среди

¹³⁹ «Treinta años de lucha...», p. 83.

¹⁴⁰ «The New York Herald Tribune», 7.VIII 1948.

¹⁴¹ «The New York Times», 25.IV 1948.

близких друзей убийцы оказался активный член фалангистской шпионской сети, состоявший на службе у испанского правительства¹⁴². Руководство колумбийской фаланги, конечно, не могло не знать о готовящемся убийстве. А Гомес, как всем было известно, являлся одним из ее основателей. Поэтому ему сначала пришлось скрываться в американском посольстве, затем в военном министерстве, а через несколько дней и вообще оставить Колумбию. Он направился в Испанию, где жил в качестве личного гостя Франко. Много лет спустя, во время расследования сенатом дела Рохаса Пинильи, эти подозрения подтвердились, когда консерватор Д. Валоис Арсе выступил с заявлением, что Л. Гомес лично следил за подготовкой покушения 9 апреля¹⁴³. Не осталось в стороне и Центральное разведывательное управление США. Его агенты буквально наводнили Боготу в связи с приездом туда Маршалла. И судя по тому, что писали впоследствии в американской прессе, им принадлежала, очевидно, далеко не последняя роль в организации убийства Гаитана. Так, журналист Дж. Стил в апрельском номере «Уорлд Аффферс» за 1948 г. сообщал любопытные детали о некоем «плане X», для которого ЦРУ первоначально выделило 30 млн. долл. Этот план имел своей целью избавиться от политических лидеров-коммунистов (Гаитана за его антиамериканские выступления также причисляли к коммунистам. Его обвиняли в связях с советским посольством и получении оттуда денег для «подрывной деятельности»). Все это подтвердил тогдашний шеф ЦРУ адмирал Хилленкоэттер в комиссии конгресса США, специально созданной для расследования причин апрельских событий 1948 г. Признания Хилленкоэттера стали известны в Колумбии, и 16 апреля 1948 г. «Эль Эспектадор» выступила со статьей «Откровения в США о том, что предшествовало событиям»¹⁴⁴.

Многие даже весьма консервативно настроенные люди в своем стремлении найти объяснение апрельской трагедии в Колумбии невольно обращались к работе IX Панамериканской конференции в Боготе. И действительно, между убийством Гаитана и ее работой имела тесная связь. Государственный секретарь США

¹⁴² «Jornada», 25.VIII 1948.

¹⁴³ M. Puentes. Historia del partido liberal colombiano, p. 649—650.

¹⁴⁴ «Voz Proletaria», 4.IV 1968.

Маршалл приехал в Боготу с целью прогнать на конференции антикоммунистическую декларацию¹⁴⁵ и добиться создания так называемой системы солидарности для осуществления американских планов закабаления Латинской Америки.

Однако начало работы конференции сложилось не совсем так, как предполагала американская делегация. Уже 2 апреля (конференция открылась 30 марта) ввиду возражений со стороны большинства делегаций, в том числе колумбийской, чилийцы вынуждены были снять с обсуждения свой проект резолюции о запрещении коммунистических партий в латиноамериканских странах¹⁴⁶. Вместо этого делегаты принялись обсуждать вопрос о ликвидации колониализма в Латинской Америке.

Представитель Аргентины настаивал на «неоспоримом праве» на Мальвинские острова, а делегация Гватемалы предъявила требование на Белиз (владения Англии)¹⁴⁷. Это ставило американскую делегацию в крайне щекотливое положение по отношению к Великобритании. Обсуждение экономических вопросов оказалось для США не менее неприятным. 8 апреля представитель кубинской делегации, отражая настроение большинства делегатов, заявил, что латиноамериканцы опасаются возвращения США к политике, направленной на получение особых привилегий для американского капитала. Его заявление было поддержано громом аплодисментов. Зато послание Трумэна было встречено гробовым молчанием присутствующих¹⁴⁸. Убийство Гаитана и последовавшие за ним события в Колумбии оказались как нельзя более кстати для американской делегации, которая использовала их, чтобы добиться осуществления своих планов. В обстановке антикоммунистической истерии конференция приняла большую часть американских предложений— была создана ОАГ, Межамериканский совет по обороне, принято решение не применять дискриминационных мер по отношению к иностранному капиталу и, наконец, антикоммунистическая декларация.

Таким образом, Маршалл добился своих целей только тогда, когда убийство Гаитана и последовавшие за ним

¹⁴⁵ С. А. Гонимонский. Указ. соч, стр. 180.

¹⁴⁶ G. Vieira. Sobre algunas experiencias del 9 de abril de 1948, p. 96.

¹⁴⁷ «Правда», 10.IV 1948.

¹⁴⁸ «Труд», 11.IV 1948.

события нарушили ход работы конференции и изменили настроения ее делегатов. Это заставляет предположить, что убийство Гаитана носило провокационный характер. Его целью было вызвать взрыв народного негодования, а затем потопить его в море крови. Такой оборот дела был без сомнения выгоден и правящим кругам США, и колумбийской реакции. Под предлогом «красной опасности» одни добивались осуществления своих далеко идущих гегемонистских планов в Латинской Америке, другие имели возможность расправиться с теми, кто мешал безраздельному господству консерваторов. Формально виновники преступления (за исключением его непосредственного исполнителя) до сих пор не раскрыты. 55 толстых папок с материалами расследования покрыты слоем пыли в архиве муниципального уголовного суда. Но история уже произнесла свой приговор. Она пригвоздила к позорному столбу колумбийскую реакцию и американский империализм, несущих ответственность за это подлое, провокационное убийство.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АПРЕЛЬСКИХ СОБЫТИЙ
ДЛЯ РАЗЖИГАНИЯ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИСТЕРИИ
В КОЛУМБИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ
АМЕРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА**

Реакционные силы в Колумбии и за рубежом постарались использовать колумбийские события в целях разжигания антикоммунистической истерии на американском континенте. Ничем не прикрытый антикоммунизм развязывал руки реакции, позволяя ей почти без помех творить черные дела.

Колумбийские ультра давно искали повода к разрыву дипломатических отношений с Советским Союзом. Создавшаяся в стране после 9 апреля обстановка показалась им подходящей для того, чтобы склонить правительство к такому шагу. Оспина Перес, который всегда был и до сих пор остается непримиримым противником любых отношений с нашим социалистическим государством, не колебался, решив удовлетворить требование своих соратников по партии¹⁴⁹.

¹⁴⁹ Еще за две недели до открытия IX Панамериканской конференции национальный съезд консервативной партии призывал президента разорвать дипломатические отношения с СССР («The New York Times», 17.III 1948).

С целью подготовки почвы для разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом 11 апреля было объявлено о поимке «двух русских агентов», якобы вызвавших восстание в Боготе. Президент Ospina Перес обвинил «международный коммунизм» во вмешательстве во внутренние дела Колумбии. На следующий день колумбийское радио трижды объявило о разрыве дипломатических отношений с СССР. И 13 апреля эту новость сообщали уже все газеты мира.

Однако директор колумбийского радио слишком поспешил принять желаемое за действительное. В напряженной обстановке тех дней правительство не решилось предпринять такой шаг, и 14 апреля министр иностранных дел Колумбии Сулета Анхел вынужден был опровергнуть это заявление¹⁵⁰.

В тот же день советские газеты опубликовали «Сообщение ТАСС», в котором заявлялось, что «всякие слухи об участии каких-то «советских» или «русских» агентов в событиях в Боготе являются нелепым вымыслом и распространяются во враждебных Советскому Союзу целях»¹⁵¹.

Дальнейшие события развивались следующим образом. 21 апреля, впервые после прекращения связи, вызванной восстанием в столице, от советского поверенного в делах Е. И. Федина поступило сообщение о том, что 12 апреля был совершен вооруженный налет на дом, где проживали сотрудники советской миссии. Они были подвергнуты обыску, а их документы, деньги и личное имущество захвачены и увезены лицами, участвовавшими в налете¹⁵².

В связи с этим 3 мая Советское правительство направило ноту протеста правительству Колумбии. В тот же день Е. И. Федину была вручена ответная нота колумбийского правительства, в которой заявлялось о «временном прекращении отношений» с СССР. Это решение мотивировалось «географической удаленностью» и трудностями, с которыми якобы пришлось столкнуться колумбийскому представительству в Москве при выполнении своих функций¹⁵³. Когда Маршаллу доложили, что

¹⁵⁰ «Правда», 16.IV 1948

¹⁵¹ «Правда», 14.IV 1948.

¹⁵² «Правда», 3.V 1948.

¹⁵³ M. Ospina Pérez. Op. cit., p. 69, 70.

колумбийское правительство разорвало дипломатические отношения с СССР, он сказал, что Ospina Перес может рассчитывать на 10 млн. долл. для восстановления Боготы¹⁵⁴.

Разрыв дипломатических отношений с Советским Союзом способствовал дальнейшему разжиганию антикоммунистической истерии не только в Колумбии, но и в других странах Латинской Америки. Реакционные круги латиноамериканских государств использовали колумбийские события для нового наступления на демократические завоевания в своих странах. Под предлогом борьбы с коммунизмом началось преследование прогрессивных сил по всей Америке.

Сразу же после событий в Боготе президент Чили Гонсалес Видела обратился к руководящим деятелям армии и полиции с призывом «немедленно принять оборонительные меры» против «коммунистического заговора», якобы назначенного на 1 мая.

Парагвайские власти также не заставили себя долго ждать. Представители полиции объявили, что в Парагвае «сорван» готовившийся коммунистический переворот¹⁵⁵.

Бразильская реакция, воспользовавшись удобной обстановкой, через неделю после начала восстания в Боготе провела через Верховный трибунал решение об объявлении вне закона бразильской компартии¹⁵⁶, а еще через несколько дней в Бразилии начались массовые аресты коммунистов и прогрессивных деятелей страны самых различных политических направлений. В эти дни был арестован Л. Карлос Престес и другие руководящие деятели бразильской компартии¹⁵⁷.

События в Колумбии застали США на пороге президентских выборов, отличавшихся от предшествовавших тем, что, помимо традиционных демократической и республиканской партий, стоявших на позициях «холодной войны», в избирательной кампании принимала участие

¹⁵⁴ «Voz Proletaria», 18.IV 1968. Американское посольство оценивало материальный ущерб, нанесенный стране в результате апрельских событий, в 570 млн. долл. и Боготе — в 171 млн. долл. (V. L. Fluharty. Op. cit., p. 101).

¹⁵⁵ «The New York Times», 11.IV 1948.

¹⁵⁶ «Правда», 17. IV 1948.

¹⁵⁷ «Правда», 21.IV 1948.

третья партия, кандидатом от которой был выдвинут Генри Уоллес. Бывший вице-президент при Ф. Д. Рузвельте, Г. Уоллес выражал стремление тех сил страны, которые по различным соображениям выступали за мирное сосуществование с Советским Союзом. Этим силам анти-советская антикоммунистическая истерия, усилившаяся после апрельских событий в Колумбии, нанесла значительный ущерб. Однако и противники традиционных партий не остались в долгу. В пылу избирательной полемики они разоблачали тайные пружины американской политики, вскрывали истинные цели антикоммунистической истерии.

В своей речи 21 апреля в Атлантик-Сити Г. Уоллес резко критиковал позицию государственного секретаря Маршалла, выступившего 12 апреля с заявлением о вмешательстве международного коммунизма в колумбийские события. Он осудил его попытки убедить американский народ, что трагедия в Боготе — результат «заговора красных». Касаясь положения колумбийских рабочих-нефтяников, находящихся в полной зависимости от «Тропикэл ойл» и получающих предельно низкую зарплату, он утверждал, что «в настоящее время они бастуют не потому, что хотят установить левую диктатуру, а потому, что хотят есть». Уоллес разоблачил намерение государственного департамента использовать крайнего реакционера Лауреано Гомеса для «создания в западном полушарии нового варианта антикоминтерновской оси». Он отмечал крайне вредные последствия антикоммунистической истерии для американского народа. «Нам вводят новую дозу вакцины против «красных», — заявил он, — чтобы заставить нас еще больше ограничить гражданские права в своей стране и расходовать наши деньги на вооружение для поддержки частных интересов за границей». Уоллес обвинял государственный департамент в том, что его политика «содействует укреплению фашизма в США и за границей»¹⁵⁸.

Эта весьма трезвая оценка деятельности американских правящих кругов имела под собой самую реальную почву: за несколько дней до упомянутого выступления Уоллеса комиссия американской палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности одоб-

¹⁵⁸ «The New York Times», 22.IV 1948; «The New York Herald Tribune», 22.IV 1948; «Правда», 24.IV 1948.

рила законопроект, требующий регистрации в министерстве юстиции компартии и организаций так называемого коммунистического фронта¹⁵⁹.

Критикуя американскую позицию на Панамериканской конференции в Боготе, Г. Уоллес показал, что последняя является интереснейшим примером того, каким образом «красная опасность» служила интересам международных монополий. Перед конференцией латиноамериканским странам обещали, что в Боготе будут обсуждены неотложные экономические проблемы. Однако они снова были сняты с повестки дня, потому что государственный секретарь США Маршалл счел «красную опасность» более важной проблемой¹⁶⁰.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ АПРЕЛЬСКОГО НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ. 1948—1949 ГГ.

РАСПРАВА ПРАВИТЕЛЬСТВА С УЧАСТНИКАМИ АПРЕЛЬСКИХ СОБЫТИЙ 1948 Г.

Поражение апрельского народного движения связало руки реакции. Удержавшись у власти благодаря поддержке правых либералов, Ospina Pérez использовал всю полноту своей власти, чтобы облегчить реакции расправу с прогрессивными элементами. Введение осадного положения предоставляло ему практически неограниченные возможности для издания декретов, по колумбийской конституции имевших силу закона впредь до его отмены. Едва оправившись от пережитого испуга, Ospina издал целую серию репрессивных декретов. Декреты № 1268, № 1270, № 1271 от 18 апреля 1948 г. предусматривали чистку полицейского аппарата, создание военно-полевых судов и установление цензуры над сообщениями прессы и радио¹⁶¹. На следующий день были изданы декреты о назначении представителей армии на гражданские посты в департаменте Бойяка, Сантандер и Топима, где положение казалось наиболее тревожным, и декреты о принятии чрезвычайных мер для восстановления порядка (№ 1274 и № 1280)¹⁶². Убедившись, что существовавшая

¹⁵⁹ «Правда», 17.IV 1948.

¹⁶⁰ «The New York Times», 20.IV 1948; «Правда», 22.IV 1948.

¹⁶¹ M. Ospina Pérez. Op. cit., p. 486.

¹⁶² Ibidem.

до 9 апреля полиция ни в коей мере не может служить опорой консервативному режиму, Оспина Перес вынужден был принять срочные меры для ее полной реорганизации (декрет № 1403 от 30 апреля)¹⁶³. Декреты № 1645 и 1646 от 17 мая относительно расширения полномочий департамента национальной безопасности и новых чрезвычайных мерах по сохранению общественного порядка свидетельствовали о том, что положение в стране все еще оставалось крайне напряженным. В конце июня в Картахене вновь возникли сильные волнения, вызванные убийством местного лидера либералов Энао Бланко. Убивший его лейтенант был тесно связан с консервативными кругами. Полиция отказалась участвовать в разгоне массовых демонстраций протеста, и полицейские функции были возложены на морскую пехоту¹⁶⁴. Чтобы избежать повторения апрельских событий, были предприняты новые репрессивные меры. К ним относился декрет от 2 июня¹⁶⁵ о чрезвычайных мерах для департамента Чокó, горняцкое население которого принимало активное участие в апрельских событиях. Чтобы предотвратить порчу оборудования, был издан специальный декрет № 2326 от 12 июля 1948 г., предусматривавший более строгое наказание для лиц, совершивших преступления против собственности¹⁶⁶. Опасаясь активизации борьбы за землю со стороны безземельного крестьянства, правительство декретировало создание сельской полиции для охраны помещичьей собственности (декрет № 2473 от 19 июля 1948 г.)¹⁶⁷.

Вместе с тем, чтобы отвлечь крестьян от соблазна захвата земель латифундистов, Оспина Перес издал декрет о создании Института по дроблению и колонизации земель и защите лесов (декрет № 1483 от 11 мая 1948 г.)¹⁶⁸. Он должен был посеять среди крестьян иллюзии, что можно получить землю законным путем. Об истинном назначении этого учреждения свидетельствовали весьма плачевные результаты его деятельности. Так, за годы правления Оспины Переса оно смогло

¹⁶³ Ibidem.

¹⁶⁴ «The New York Times», 22.VI 1948

¹⁶⁵ M. Ospina Pérez. Op. cit., p. 491.

¹⁶⁶ Ibidem.

¹⁶⁷ Ibid., p. 493.

¹⁶⁸ Ibid., p. 488.

приобрести лишь пять асьенд стоимостью в 3 млн. песо, которые затем были проданы желающим в кредит, причем первоначальный взнос составлял от 15 до 20 процентов стоимости участка. Таким путем смогли приобрести землю всего несколько сот человек, имевших для этой покупки необходимые деньги¹⁶⁹. И это из 1200 тысяч безземельных!

Но основную ставку в борьбе с народным движением правительство делало на репрессии. Аресты приобрели массовый характер. Тюрьмы не могли вместить всех арестованных. В Медельине — оплоте самой черносотенной реакции — даже школы были превращены в тюрьмы. Тысячи людей были брошены за колючую проволоку спешно построенных концлагерей, где их подвергали самым изощренным пыткам. В связи с этим газета «Хорнада» выступила с прямым обвинением властей, с помощью военных превративших Колумбию в концентрационный лагерь, подобно Испании Франко и Германии Гитлера¹⁷⁰. Одновременно происходила чистка государственного аппарата от прогрессивных элементов¹⁷¹. Тысячи людей были уволены с работы под предлогом участия в апрельских событиях.

Руководство либеральной партии фактически поддерживало репрессивную политику правительства. Министр юстиции либерал Аранго Велес выступил с заявлением, в котором оправдывал правительственные репрессии и предупреждал, что они будут продолжаться и в дальнейшем по отношению к лицам, участвовавшим или подстрекавшим к мятежу¹⁷².

Особенно бурную деятельность в первые месяцы после поражения апрельского восстания развил Д. Эчандиа. Он буквально давил на своих соратников по партии, добиваясь одобрения мероприятий правительства и угрожая каждый раз отставкой, если они этого не делают¹⁷³. Он принимал самое активное участие в реорганизации полиции, которую теперь обучали американские инструкторы¹⁷⁴. Когда на очередной сессии конгресса в

¹⁶⁹ H. Velasco. Op. cit., p. 245, 246.

¹⁷⁰ «Jornada», 11, 12. V 1948.

¹⁷¹ «Jornada», 1, 2. VI 1948.

¹⁷² «The New York Times», 21. V 1948.

¹⁷³ H. Velasco. Op. cit., p. 176.

¹⁷⁴ «The New York Times», 17. V 1948.

июле 1948 г. депутаты-либералы потребовали отмены осадного положения, облегчавшего колумбийским ультра расправу с прогрессивными элементами, Эчандиа использовал все полномочия, которые давал ему его высокий пост в партии, чтобы добиться одобрения правительственной политики. Осадное положение было сохранено¹⁷⁵.

Такая позиция лидера либеральной партии и всего руководства в целом вызывала недовольство и резкую критику со стороны многих рядовых членов партии, рассматривавших ее как измену гаитанистскому движению. Х. Урибе Маркес и Э. Каманчо Гамба, считавшие себя наиболее последовательными сторонниками Гаитана, попытались организационно оформить недовольных левых либералов. Они объявили о создании «левого руководства», независимого от официального руководства партии. Их группа успешно использовала газету «Хорнада» для резкой критики политики сотрудничества с реакционным правительством, которую проводило официальное руководство¹⁷⁶.

Однако в то время среди левых либералов не нашлось талантливых организаторов, способных направить по правильному руслу народное движение протеста против наступления реакции.

КРАХ ПОЛИТИКИ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА

Волна террора по отношению к рабочим и крестьянским руководителям продолжала нарастать. Не проходило дня, чтобы либеральные газеты не сообщали о новых фактах произвола и преследований прогрессивных элементов со стороны властей и действовавших под их покровительством консервативных банд. Почувствовавшая свою силу реакция больше не хотела мириться с присутствием либералов в правительстве. Она потребовала отставки Д. Эчандиа с поста министра внутренних дел, обвиняя его в покровительстве участникам событий 9 апреля. Когда осторожный Оспина Перес отказал в этом, в начале мая 1949 г. министры-консерваторы сложили свои полномочия¹⁷⁷.

¹⁷⁵ Оно было отменено лишь в декабре 1948 г. (J. D. Martz. Op. cit., p. 72, 77).

¹⁷⁶ J. D. Martz. Op. cit., p. 76.

¹⁷⁷ «The New York Times», 7.V 1949; «Noticias de Hoy», 10.V 1949.

Новое правительство, куда вошли более умеренные представители консервативной партии, едва просуществовало две недели, как разразился еще один правительственный кризис. Поводом к чему послужило распоряжение Оспины Переса о применении огнестрельного оружия в случае, если будет нарушен запрет на проведение предвыборных митингов (речь идет о подготовке к выборам 5 июня 1949 г. в конгресс, департаментские собрания и муниципалитеты). Министры-либералы заявили, что они не позволят скомпрометировать себя в глазах общественного мнения подобными действиями и уйдут из правительства, если подобное распоряжение не будет отменено. Когда Оспина Перес дал понять Эчандиа, что, несмотря на его протест, оно остается в силе, все министры-либералы 21 мая вышли в отставку¹⁷⁸. В этот же день руководство либеральной партии обратилось к народу с манифестом, в котором обвинило консервативную партию и Оспину Переса в провале политики национального союза¹⁷⁹. На следующий же день Оспина Перес утвердил состав нового, на этот раз однопартийного, кабинета, где важнейшие посты были отданы представителям армии — министром внутренних дел стал полковник Регуло Гаитан (однофамилец Х. Э. Гаитана), военным министром — генерал Р. Санчес Амайя и министром юстиции — генерал М. Сан Хуан¹⁸⁰.

В связи с созданием консервативного правительства исполком коммунистической партии обратился к народу с манифестом, в котором призывал организовать отпор наступающей реакции. Он квалифицировал создание нового кабинета как решительный шаг к террористической диктатуре, к использованию методов испанского фалангизма¹⁸¹. Первым мероприятием нового правительства был декрет, запрещающий все манифестации, а также ра-

¹⁷⁸ Очевидно, здесь также сыграли свою роль приближавшиеся президентские выборы. По колумбийской конституции член правительства не имеет права выставлять свою кандидатуру на пост президента. Это может сделать лишь тот, кто в течение полугода до выборов не входил в состав правительства. Так как руководство либеральной партии собиралось выставить кандидатуру Д. Эчандиа, то он должен был расстаться со своим министерским портфелем.

¹⁷⁹ «El Popular», 22.V 1949.

¹⁸⁰ «The New York Times», 23. V 1949.

¹⁸¹ «Vanguardia del Pueblo», 22—28. V 1949.

диопередачи на политические темы вплоть до выборов¹⁸². В этот же день, 24 мая, в Боготе состоялась массовая студенческая демонстрация протеста против включения в состав правительства военных и против первого декрета нового правительства. Демонстрация была разогнана полицией, открывшей по студентам ружейный огонь¹⁸³. В этой обстановке либеральное руководство призвало своих сторонников воздерживаться в дальнейшем от всяких манифестаций¹⁸⁴. Ушли в отставку все губернаторы-либералы и мэр Боготы, оставив поле деятельности консерваторам. Подобная тактика пассивного сопротивления перед лицом наступления реакции, не гнушавшейся использованием любых методов, лишь бы сохранить за собой власть, вряд ли может быть оправдана. И это становится ясным в свете тех событий, которые сопутствовали июньским выборам 1949 г. в конгресс, департаментские собрания и муниципальные советы. Орган компартии Колумбии «Вангвардия дель публо» разоблачал на своих страницах ту кампанию шантажа и угроз, к которой прибегала реакция, чтобы добиться своих целей. Типичным примером в этом плане может служить муниципалитет Виотá.

Обстановка в этом районе, где компартия на протяжении 12 лет получала большинство голосов, к моменту выборов была чрезвычайно напряженной. В течение нескольких месяцев против крестьян совершались насилия. С помощью войск многие семьи арендаторов были согнаны с обрабатываемых ими участков. Буквально накануне выборов 50 крестьянских активистов (и среди них коммунисты) были арестованы под предлогом нарушения общественного порядка. В день выборов, 5 июня, более 100 избирателей-коммунистов не могли проголосовать, так как их имена были в списках других округов или они были отмечены как умершие. Было много случаев, когда коммунисты не могли проголосовать из-за того, что их фамилии были неправильно записаны или их все не оказывалось в списках¹⁸⁵.

То, что происходило в Виотá, наблюдалось и во многих других местах, где избирателям всякими способами мешали голосовать за либералов и коммунистов.

¹⁸² «El Popular», 25.V 1949.

¹⁸³ «La Hora», 26.V 1949.

¹⁸⁴ «El Popular», 25.V 1949.

¹⁸⁵ «Vanguardia del Pueblo», 13—19.VI 1949.

В итоге консерваторам путем разного рода махинаций, организованных властями, запугивания избирателей и волны преступлений, совершенных бандами под покровительством полиции, удалось добиться изменения соотношения мест в палате представителей, сократив существовавший в пользу либералов разрыв с 15 до 6 мест, что при учете реакционных тенденций правых либералов делало либеральное большинство весьма неустойчивым¹⁸⁶.

Печальный опыт двух избирательных кампаний (1947 и 1949 гг.), когда консерваторы с помощью государственного аппарата добились новых мест в конгрессе, хотя это и не отражало влияния этой партии в массах, убедительно свидетельствовал о том, что консерваторы заставляют время работать на себя. Чтобы не дать им возможности укрепиться еще больше, либералы решили добиться перенесения срока президентских выборов с июня 1950 г. на ноябрь 1949 г. Обсуждение этого вопроса в конгрессе, где либералы еще сохраняли численное преимущество, сопровождалось многочисленными демонстрациями в столице под лозунгами «Долой консервативное правительство»¹⁸⁷. Когда решение о переносе срока выборов было, наконец, принято, Оспина Перес воспользовался своим правом вето. Во время обсуждения вето в конгрессе колумбийские ультра прибегли к крайним мерам. Они начали стрелять в депутатов-либералов и убили видного либерального деятеля департамента Бояка Г. Хименеса.

Конфедерация трудящихся Колумбии ответила на это провокационное убийство заявлением, в котором обвиняло в происшедших беспорядках колумбийских фалангистов. В заявлении говорилось, что с их помощью реакция ищет повода для роспуска конгресса. В ночь на 9 сентября у стен Капитолия, где находилось тело убитого, состоялась грандиозная манифестация протеста против произвола и насилий, царящих в стране. Власти вывели на улицы полицию и войска. Манифестанты были разогнаны. Подобные демонстрации состоялись и в некоторых других районах Колумбии. В местечке Галан, в 125 милях севернее Боготы, произошло кровавое столкновение между демонстрантами и посланными для рас-

¹⁸⁶ «El Popular», 5.VI 1949; «La Hora», 9, 19.VI 1949.

¹⁸⁷ «Noticias de Hoy», 5.VIII 1949.

правы с ними армией и полицией. В результате было убито около 50 человек. Особенно много жертв было в департаменте Боливар, где во время столкновений был полностью разрушен населенный пункт Ла-Райя. При этом погибло много жителей, в том числе женщины и дети. В самой Картахене противники Оспины Переса предприняли неудачную попытку захватить власть. Перестрелка между дованцами и полицией длилась два часа. Правительству пришлось срочно на самолетах перебросить в этот район войска. Столкновения между полицией и демонстрантами происходили также во многих местах в департаменте Бояка¹⁸⁸.

Когда Верховный суд отменил вето президента¹⁸⁹ и вопрос о перенесении срока выборов был таким образом решен в пользу либералов, Оспина Перес сделал очередную уступку крайне правому крылу консерваторов. Он ввел в свое правительство в качестве министра внутренних дел Л. Игнасио Андраде — явного ставленника фалангистов¹⁹⁰. С его помощью колумбийские ультра надеялись успешно провести избирательную кампанию.

В начале октября 1949 г. обе традиционные партии приступили к выдвижению кандидатур на пост президента. Кандидатом от либеральной партии был назначен Д. Эчандиа, от консервативной — Л. Гомес. Последний явно не пользовался популярностью в массах, считавших его организатором убийства Х. Э. Гаитана. Когда Гомес, возвратившись из своего добровольного изгнания в Испанию, выступал со своей первой речью на аэродроме, из толпы встречавших в него полетели камни. Полиция открыла огонь, чтобы дать ему возможность закончить свою речь¹⁹¹. Но Гомес был ловким политиком, и его поддерживали могущественные силы: латифундисты, верхушка католической церкви и военщины. Оставшееся до выборов время они использовали, чтобы еще более терроризировать массы. Участились нападения на коммунистов, либералов и их сторонников. Улицы таких городов страны, как Кали и Картахена, патрулировали солдаты. Проведение предвыборных митингов и собраний было запре-

¹⁸⁸ «Noticias de Hoy», 10.XI 1949; «La Hora», 10.XI 1949; «The New York Times», 15.IX 1949.

¹⁸⁹ «The New York Times», 23.IX 1949.

¹⁹⁰ «The New York Times», 28.IX 1949.

¹⁹¹ «Noticias de Hoy», 30.VI 1949.

щено. В такой обстановке 29 октября четыре бывших президента страны вышли из состава Центральной избирательной комиссии, обвинив правительство в подготовке фарса вместо выборов. Вслед за этим 31 октября, руководство либеральной партии выступило с заявлением, что оно не признает результатов выборов, так как правительство не может обеспечить свободное волеизъявление народа ¹⁹².

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В УСЛОВИЯХ НАСТУПЛЕНИЯ РЕАКЦИИ (1948—1949 ГГ.)

Чтобы во всей полноте представить расстановку классовых сил накануне президентских выборов 1949 г., необходимо также охарактеризовать положение и борьбу рабочего класса в этот период.

Подъем антиимпериалистического движения в первые послевоенные годы сопровождался ростом забастовочной борьбы трудящихся. Об этом свидетельствовали многочисленные стачки (их насчитывалось до 500 за 1946—1948 гг.). Положение не изменилось даже после усиления репрессий, последовавших за апрельскими событиями 1948 г. Забастовки нефтяников, текстильщиков, железнодорожников, рабочих шоссейных дорог, сельскохозяйственных рабочих на банановых плантациях, муниципальных служащих, учителей в 1948—1949 гг. следовали одна за другой. На далеком полуострове Гуахира начались волнения индейских племен, и правительство послало туда войска для их подавления ¹⁹³. Рабочие требовали повышения заработной платы и принятия мер против продолжавшихся насилий со стороны консервативных банд. Трудящиеся составляли основную массу участников проходящих повсеместно демонстраций и манифестаций под лозунгами борьбы за мир, за профсоюзные свободы и гражданские права, с требованием правительственных гарантий свободного проведения выборов. В двух самых массовых манифестациях, состоявшихся в Боготе в феврале и сентябре 1949 г., принимало участие несколько десятков тысяч человек ¹⁹⁴.

Конфедерация трудящихся Колумбии и входящие в нее профсоюзы проводили большую работу по организации

¹⁹² «The New York Times», 30.X, 1.XI 1949.

¹⁹³ «The New York Times», 28.VII 1949.

¹⁹⁴ «The New York Times», 9.II 1949; «La Hora», 10.IX 1949.

и воспитанию масс, выдвигая не только экономические, но и политические лозунги. Так, национальная конференция КТК, проходившая в августе 1948 г., высказалась в поддержку демократических принципов Всемирной федерации профсоюзов и Конфедерации трудящихся Латинской Америки и призвала все демократические силы страны поддержать проводимую Всемирной федерацией профсоюзов кампанию борьбы за мир, демократию и улучшение условий жизни неимущих классов в зависимых странах, подвергающихся бесчеловечной эксплуатации со стороны империализма и его агентов. Конференция потребовала национализации нефтепромыслов страны и установления над ними правительственного контроля при участии представителей рабочих. Участники конференции требовали улучшения условий труда, проведения аграрной реформы и отмены рабочего законодательства, лишаящего рабочих свободы организации¹⁹⁵.

8-я конференция трудящихся департамента Антиокия, состоявшаяся в мае 1949 г., одобрила резолюцию об активизации кампании борьбы за мир против подготовки к новой войне. Ее участники квалифицировали правительство Осипы Переса как правительство измены национальным интересам страны в пользу североамериканских капиталистов и призывали трудящихся усилить борьбу против него¹⁹⁶. Почти одновременно проходила 11-я конференция трудящихся департамента Валье дель Каука. Она сосредоточила внимание на антирабочей политике правительства, всячески помогающего раскольнической деятельности Союза трудящихся Колумбии, руководимого клерикальными элементами. В декларации, принятой участниками конференции, говорилось, что КТК борется не только против синдикализма, но и против религиозных убеждений колумбийских рабочих и поэтому она не может примириться с существованием католического профсоюзного центра, созданного к тому же в нарушение конституции, запрещающей существование параллельных организаций. Декларация предостерегала трудящихся, заявляя, что Союз трудящихся Колумбии создан с целью раскола профсоюзного движения и ликвидации завоеваний рабочего класса. Участники конференции разоблачали его финансовую

¹⁹⁵ «Noticiero de la C. T. A. L.», 9.IX 1948.

¹⁹⁶ «Vanguardia del Pueblo», 30.V — 5.VI 1949

зависимость от Американской федерации труда и, следовательно, от американских капиталистов. Они высказались в поддержку борьбы за единство колумбийских трудящихся¹⁹⁷.

Колумбийские нефтяники, как обычно, выступали застрельщиками борьбы против засилья американского империализма в экономике страны. Отражая антиамериканские настроения этой категории рабочих, общее собрание профсоюза американской «Колумбийан петролеум компани» опубликовало резолюцию, в которой говорилось, что растущий американский контроль над естественными богатствами Колумбии нарушает ее независимость и суверенитет. Она призывала трудящихся усилить борьбу против вторжения американского империализма, пытающегося найти выход из экономического кризиса в развязывании новой мировой войны¹⁹⁸.

Подобные же настроения характеризовали и работу национальной конференции трудящихся воздушного, морского и речного транспорта и рабочих-портовиков Барранкабермехи. Участники конференции также высказались в поддержку лозунгов о защите национальной независимости от происков американского империализма. Они выступили с резкой критикой политики правящих кругов США, направленной на развязывание новой мировой войны, в которой США рассчитывают использовать колумбийский народ как пушечное мясо, а богатейшие природные ресурсы Колумбии как сырье для своей военной промышленности. Отмечая опасность раскола профсоюзного движения перед лицом американских планов закабаления Колумбии, участники конференции призывали трудящихся усилить борьбу в защиту подлинной независимости рабочего движения, против агентов буржуазии и американского империализма в рядах профсоюзов¹⁹⁹.

Крайне обеспокоенное растущей политической активностью трудящихся, правительство использовало любые средства лишь бы помешать деятельности профсоюзов. Примером могут служить меры, принятые правительством относительно съезда железнодорожников. 6 июня 1949 г. был издан специальный декрет из 17 параграфов, един-

¹⁹⁷ «Noliciero de la C. T. A. L.», 8. V 1949.

¹⁹⁸ «Vanguardia del Pueblo», 26. VI—2. VII 1949.

¹⁹⁹ «Noticias de Hoy», 24. VIII 1949.

ственной целью которого было сорвать съезд. Декрет предусматривал роспуск профсоюзов, не проводящих регулярных собраний. Это положение предоставляло правительству большие возможности для роспуска наиболее активных профсоюзов под формальным предлогом нерегулярного проведения собраний, которое в условиях осадного положения, лишь незадолго до этого снятого, и продолжающихся репрессий против профсоюзных активистов было делом чрезвычайно сложным. Отныне на всех профсоюзных собраниях должен был присутствовать представитель правительства с правом голоса, что ставило профсоюз под его фактический контроль. Члены профсоюзов были лишены права обсуждать политические и религиозные вопросы и даже протестовать против роста стоимости жизни²⁰⁰.

Это ограничение профсоюзных прав шло параллельно с активной деятельностью правительства, представителей церкви и предпринимателей, направленной на раскол единства профсоюзного движения. С этой целью они всеми средствами поддерживали деятельность Союза трудящихся Колумбии. Благодаря их попечениям этот союз к июню 1949 г. уже насчитывал 380 первичных организаций, имел с десяток печатных изданий, две профсоюзные школы, готовившие для него руководящих деятелей, поддерживал связи с ЮНЕСКО, Международной конфедерацией свободных профсоюзов, ОАГ²⁰¹. Он развернул свою деятельность среди наиболее отсталых слоев рабочих, а также среди сельского пролетариата, где его демагогические лозунги социальной справедливости, народной культуры, морального обновления встретили поддержку²⁰². Вместе с тем руководители католических профсоюзов открыто призывали к отказу от политической борьбы, к укреплению христианской веры и предавали анафеме марксизм и материализм, обещая будущим поколениям рабочих лучшую жизнь²⁰³.

Раскол рабочего класса в условиях наступления реакции был явлением крайне опасным, так как лишал рабочих надежного оружия — единства.

²⁰⁰ «Vanguardia del Pueblo», 13—19.VI 1949.

²⁰¹ «Justicia Social». [Bogotá], 23.VI 1949.

²⁰² Ibidem.

²⁰³ Ibidem.

Положение осложнялось тем, что компартия вынуждена была тратить много сил на внутривнутрипартийные проблемы, среди которых борьба с последствиями влияния браудеризма занимала центральное место. В это время практически все здоровые силы партии были заняты этой борьбой. Благодаря их неустанной работе в партии наметился перелом, о чем свидетельствовал V съезд, состоявшийся в июле 1947 г. Съезду предшествовала широкая полемика в прессе и на открытых собраниях между марксистами-ленинцами и ревизионистами-оппортунистами. Эта борьба продолжалась и на съезде. Большинство делегатов съезда резко критиковало ревизионистские концепции и фракционную борьбу сторонников бывшего генерального секретаря партии Дурана, высказавшись за восстановление ленинских норм партийной жизни и прежнего наименования партии — «коммунистическая партия» — вместо «социал-демократическая». Оставшись в меньшинстве, группа Дурана покинула съезд и приступила к созданию группировки так называемого рабочего коммунизма, которую она назвала коммунистической рабочей партией. V съезд исключил из рядов компартии элементы, ответственные за подрыв единства²⁰⁴.

Таким образом, после V съезда в Колумбии оказались две партии, называвшие себя коммунистическими. Но если коммунистическая партия во главе с Х. Винойрой много работала над повышением идейного уровня членов партии, творчески овладевая богатым наследием марксизма, то так называемая коммунистическая рабочая партия, возглавлявшаяся Дураном, продолжала отстаивать свои ревизионистские концепции. Такое положение дел представляло большую угрозу для всего рабочего движения в целом, дезориентируя его. К счастью, колумбийская действительность быстро убедила в ошибочности концепций тех товарищей, которые лишь в силу недостаточного знакомства с марксизмом оказались в числе сторонников Дурана. Искренняя преданность интересам рабочего класса заставила их отказаться от своих заблуждений. Под нажимом тех, кто понимал необходимость единства действий, руководство так называемого рабочего коммунизма вынуждено было

²⁰⁴ «Treinta años de lucha...», p. 79, 80.

принять решение об объединении с коммунистической партией. Но потребовалась еще большая работа руководства компартии, чтобы это объединение прошло на марксистско-ленинской платформе. В результате исполком коммунистической рабочей партии 6 июня 1949 г. опубликовал манифест о самороспуске и индивидуальном вступлении своих членов в ряды коммунистической партии. Это были те условия, которые предлагались руководством компартии²⁰⁵. Большинство членов самораспустившейся группировки искренне раскаялись в своих заблуждениях и дальнейшей самоотверженной работой в партии доказали это. Лишь немногие, в их числе Дуран, действовали неискренне, публично отказавшись от прежних убеждений, а на деле продолжая фракционную деятельность. VI съезд компартии Колумбии, состоявшийся в конце августа — начале сентября 1949 г., подвел итоги большой работы по объединению партии. 250 делегатов, присутствовавших на съезде, выразили удовлетворение результатами этой работы и твердую уверенность в том, что партия извлечет из печального опыта раскола необходимый урок, который послужит ее дальнейшему идеологическому укреплению.

Особое место в работе съезда заняли анализ и оценка апрельских событий 1948 г. Делегаты пришли к выводу, что главный урок, который извлекли коммунисты из опыта 9 апреля, состоит в том, что «народ не может победить без организации, без сильной, опытной и дисциплинированной коммунистической партии»²⁰⁶.

Съезд уделил большое внимание также экономическим и внутривластным проблемам Колумбии. Его участники выразили озабоченность ухудшением экономического положения трудящихся, ростом безработицы и увеличением стоимости жизни. При рассмотрении вопросов, связанных с состоянием профсоюзного движения, съезд высказался за сохранение независимости профсоюзных организаций от влияния хозяев, как неперемогимого условия для сохранения их боеспособности. Оценивая внутривластное положение в стране, участники съезда отметили, что создание правительства с участием военных означает решительный шаг по пути к террори-

²⁰⁵ «Vanguardia del Pueblo», 26.VI, 2.VII 1949. «La Voz de México», 10. VII 1949.

²⁰⁶ G. Vieira. Algunas experiencias y lecciones del 9 de abril, p. 8.

стической диктатуре, что государственный переворот против демократических свобод и прав народа стал в порядок дня и поэтому трудящиеся должны быть готовы к борьбе, чтобы ответить всеобщей забастовкой в случае его осуществления. Вместе с тем съезд поставил своей задачей предпринять новые попытки объединения всех национальных сил, способных бороться против империализма за полное национальное освобождение.

Большое внимание было уделено также вопросам сохранения всеобщего мира. В дни работы съезда коммунисты организовали в Боготе многотысячную демонстрацию сторонников мира. Делегаты съезда приняли специальную резолюцию о защите мира²⁰⁷.

Съезд прошел с большим успехом, и это свидетельствовало об идейном и организационном укреплении рядов компартии.

Но колумбийским коммунистам оставалось слишком мало времени, чтобы в полной мере провести в жизнь принятые ими решения. Реакция, собрав все силы, вела страну к государственному перевороту, рассчитывая таким путем создать наиболее благоприятные условия, чтобы покончить с народным движением.

²⁰⁷ «Treinta años de lucha...», p. 87, 88; «Noticias de Hoy», 25.VIII, 4. IX 1949; «The New York Times», 27. VIII, 2. IX 1949.

**ДИКТАТУРА Л. ГОМЕСА —
Р. УРДАНЕТЫ АРБЕЛАЕСА
(1949—1953 ГГ.)**

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1949 Г.

Готовясь к президентским выборам, консерваторы стремились во что бы то ни стало свести на нет преобладающее влияние либеральной партии в массах. В консервативных кругах считали, что только режим диктатуры может помешать либералам вернуться к власти. В этих условиях инициатива перешла к крайне правому крылу консерваторов во главе с Л. Гомесом. Его сторонники в правительстве развернули бурную деятельность по подготовке государственного переворота и прежде всего в армии, откуда под разными предлогами были удалены многие демократически настроенные офицеры. Их заменили ставленники Л. Гомеса¹.

Коммунисты предвидели возможность переворота и призывали массы к бдительности. В манифесте Коммунистической партии Колумбии, опубликованном в начале ноября 1949 г., давалась оценка текущего момента и выдвигались конкретные лозунги борьбы. В манифесте говорилось, что ответственность за происходящие по всей Колумбии кровавые события лежит на руководстве обеих традиционных партий, что Гомес действует «в соответствии со зловещими планами американского империализма и его орудия — испанской фаланги, — направленными на уничтожение демократических свобод в Латинской Америке...»². Манифест призывал трудящихся объявить национальную забастовку, образовать нацио-

¹ «Noticias de Hoy», 26.X 1949.

² «Noticias de Hoy», 9.XI 1949.

нально-демократический фронт, чтобы помешать насильственному захвату власти Гомесом и подготовить условия для проведения свободных и честных выборов³.

В то время как коммунисты призывали народ к активному противодействию проискам реакции, руководство либеральной партии, опасаясь такой активности, предпочитало тактику пассивного сопротивления. Д. Эчандиа, например, снял свою кандидатуру, отказавшись от участия в президентских выборах, которые были назначены на 27 ноября. Руководство консерваторов использовало этот шаг, чтобы обвинить либеральное большинство в конгрессе и оппозиционные профсоюзы в подготовке восстания. Президент Осипа Перес 9 ноября издал декрет о введении осадного положения по всей стране и роспуске конгресса якобы в качестве ответной меры на подготовку восстания. В Боготе были введены войска. Они патрулировали улицы, на перекрестках установили пулеметы. Солдаты останавливали и обыскивали все автомашины в поисках оружия. Президентский дворец и Капитолий были оцеплены солдатами и полицией.

Одновременно были изданы декреты о роспуске всех департаментских ассамблей и муниципальных советов, о запрещении всех митингов и собраний, о введении комендантского часа и цензуры на сообщения печати и радио. Губернаторы получили чрезвычайные полномочия для поддержания общественного порядка⁴.

Эти меры президента Осипы Переса создали весьма благоприятную обстановку для действий крайне правого крыла консервативной партии, которое теперь, в условиях осадного положения, могло с наибольшей выгодой для себя использовать все средства репрессивного аппарата для подавления оппозиции.

В условиях обычной избирательной кампании консерваторы не рассчитывали получить большинства голосов, потому что, как показали парламентские выборы 1947 и 1949 гг., большинство избирателей голосовало за кандидатов либеральной партии. Введение же осадного положения поставило консервативную партию в привилеги-

³ «Noticias de Hoy», 9.XI 1949.

⁴ M. Puentes. Historia del Partido Liberal Colombiano. Bogotá, 1961, p. 619; V. L. Fluharty. Dance of the millions. Military rule and the social revolution in Colombia (1930—1956). Pittsburgh, 1957, p. 114.

рованное положение, позволив ей использовать все преимущества от введения цензуры, запрещения митингов и собраний и установления комендантского часа. К тому же осадное положение предоставляло властям поистине безграничные возможности для арестов всех неугодных им элементов под предлогом нарушения общественного порядка. В таких условиях власти могли запугать одних избирателей, лишить возможности участвовать в голосовании других и принудить голосовать в свою пользу третьих. Все это ставило либеральную партию в трудное и непривычное для нее положение, требующее изменения тактики в соответствии с создавшейся обстановкой. Однако руководство партии колебалось в выборе средств, выжидая новых шагов властей.

Введение осадного положения встретило осуждение в самых широких слоях колумбийского общества. Верховный суд, где большинство, так же как и в конгрессе, принадлежало либералам, во главе с председателем суда П. Кастильо Пинедой объявил действия Оспины Переса противоречащими конституции и заявил о своем несогласии с ними⁵.

Положение правительства, несмотря на возможность прибегнуть к грубой силе, оказалось весьма щекотливым. Опасаясь вовлечения масс в активную политическую борьбу на стороне либеральной партии, наиболее дальновидные консервативные политики предлагали правительству опираться не только на силу штыков. Поэтому власти одновременно прибегли к самой бессовестной демагогии. 13 ноября, напуганный слухами о готовящейся общенациональной забастовке в знак протеста против введения осадного положения, Оспина Перес выступил по радио с обращением к народу, в котором обещал увеличить заработную плату на 25 процентов⁶. Этот демагогический трюк был явно рассчитан на обман масс, потому что каждому здравомыслящему было ясно, что никакой предприниматель не пойдет на такое баснословное увеличение зарплаты своим рабочим. Вместе с тем власти спешили воспользоваться теми возможностями, которые предоставляло им осадное положение, чтобы расправиться со всеми оппозиционными элементами. Посыпались официальные сообщения о раскрытии антиправительст-

⁵ «The New York Times», 14.XI 1949.

⁶ Ibidem.

венных заговоров. Под этим предлогом в стране начались массовые аресты.

Так, только 16 ноября в городе Армения — важном железнодорожном центре страны — было арестовано, по официальным данным, 92 человека, якобы участвовавших в заговоре с целью свержения существующего правительства⁷. За первые десять дней осадного положения только в Боготе и Медельине было арестовано 500 человек, по признанию самого Оспины Переса⁸. Особенно массовый характер приняли аресты в столице. За один день, 19 ноября, там было арестовано 300 человек⁹.

Печатные органы либеральной партии были поставлены под строжайший контроль цензуры, сокращены их тиражи и даже закрыты некоторые издательства, в том числе известное издательство «Минерва», принадлежавшее сенатору-либералу Х. Морено.

В такой обстановке руководство либеральной партии приняло решение отказаться от участия в выборах. 21 ноября Д. Эчандиа обратился ко всем членам партии с призывом присоединиться к его решению бойкотировать выборы¹⁰. Представители левого крыла партии заявили, что они не только отказываются от голосования, но и не признают тот режим, который будет установлен в стране после «избрания» нового президента¹¹.

В ответ на это главнокомандующий колумбийской армией генерал Г. Рохас Пинилья (при подавлении народного движения 9 апреля 1948 г. в Кали он был всего лишь полковником) заявил, что армия готова помешать любой попытке свергнуть законное правительство¹². По стране прокатилась волна арестов. Был арестован поэт-демократ Леон де Грейф, бывший посол в Мексике, известный писатель и издатель прогрессивного журнала «Критика» Хорхе Саламеа, известный журналист и бывший редактор газеты «Хорнада» Алехандро Вальехо и др.

В этой ситуации руководство либеральной партии 22 ноября призвало трудящихся к трехдневной общенациональной забастовке в знак протеста против готовив-

⁷ «The New York Times», 17.XI 1949.

⁸ «The New York Times», 20.XI 1949.

⁹ «The New York Times», 21.XI 1949.

¹⁰ «The New York Herald Tribune», 22.XI 1949.

¹¹ «The New York Times», 22.XI 1949.

¹² Ibidem.

шихся президентских выборов. Забастовка должна была начаться 25 ноября¹³.

Компартия поддержала этот призыв¹⁴. Несмотря на то тяжелое положение, в котором оказалась партия после введения осадного положения (типография коммунистической газеты «Вангвардия дель пуэбло» была разгромлена полицией, многие коммунисты арестованы, руководство партии было вынуждено уйти в подполье), коммунистам удалось в кратчайшие сроки организовать подпольную типографию и напечатать там манифест с призывом к забастовке. Компартия призывала народ к бдительности, к созданию единого демократического фронта, чтобы помешать существующему правительству навязать народу диктатуру в лице профашиста и фалангиста Л. Гомеса.

Забастовка, начавшаяся 25 ноября, имела лишь частичный успех: было нарушено железнодорожное сообщение, бастовали рабочие на некоторых предприятиях в Боготе, Ибагэ и Хирардоте, прекратилась работа на нефтеперерабатывающем заводе в Барранкабермехе¹⁵. Но она не стала всеобщей из-за того, что правительство успело принять некоторые меры, в частности, накануне забастовки были проведены массовые аресты профсоюзных руководителей, коммунистов и левых либералов. Сказалась также позиция руководства либеральной партии, которое, оказавшись в сложной ситуации, требовавшей решительных действий, колебалось. И эта растерянность, неуверенность в своих силах передалась массам, которые были дезориентированы снятием кандидатуры Эчандиа и обмануты демагогическими обещаниями Оспины Переса. На позицию трудящихся немалое воздействие оказала также усилившаяся деятельность террористических банд. Так, в первый же день забастовки в Боготе был убит брат лидера либеральной партии — В. Эчандиа¹⁶. Это было явно политическое убийство. Оно должно было запугать либеральное руководство и массы.

В сельской местности консерваторы без всякого стеснения прибегали к грубой силе, чтобы заставить крестьян голосовать за своих кандидатов. Солдаты под козлом

¹³ «The New York Herald Tribune», 23.XI, 1949.

¹⁴ «Treinta años de lucha...». p. 89.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ V. L. Fluharty. Op. cit., p. 116.

доставляли сопротивлявшихся в избирательные комиссии и силой заставляли их регистрироваться как сторонников консервативной партии. Крестьянам раздавали фотостатьи Л. Гомеса, на которых с обратной стороны было написано, что ее предьявитель не принадлежит к либеральной партии. Это было своего рода охранным свидетельством на случай нападения консерваторов. Многие, напуганные террором и грабежами, соглашались брать эти фотографии¹⁷. Католическая церковь, тесными узами связанная с консервативной партией, также использовала все свое влияние на неграмотных и забытых крестьян, прибегая подчас к угрозе проклятия, чтобы заставить их голосовать за консерваторов.

В день выборов 27 ноября Богота была наводнена войсками. Избирательные участки охранялись солдатами. Но в столице, как и во всех остальных крупных городах Колумбии, либералы дружно бойкотировали их. Это означало, что четверть избирателей отказалась голосовать за Л. Гомеса¹⁸. Избирательные участки в столице были пусты. Зато многие приняли участие в похоронах убитого В. Эчандиа. Похоронная процессия превратилась по сути дела в своеобразную массовую демонстрацию протеста против существующего режима.

В сельской местности властям разными способами¹⁹ удалось заставить крестьян проголосовать за кандидата консерваторов. В результате Л. Гомес оказался избранным на пост президента. За него, по официальным данным, было подано 1140 тыс. голосов, против — всего 25. Но общее число избирателей, принявших участие в голосовании, по сравнению с президентскими выборами 1946 г., сократилось на 220 тыс.²⁰ Так, отказ руководства либеральной партии от участия в избирательной кампании и президентских выборах расчистил путь к власти ставленнику самой оголтелой реакции Л. Гомесу.

Оценивая итоги состоявшихся выборов, даже американская буржуазная печать, весьма дружелюбно

¹⁷ V. L. Fluharty. Op. cit., p. 113.

¹⁸ «The Manchester Guardian», 16.I 1950.

¹⁹ В западной буржуазной прессе появилось сообщение, что в Колумбии имелись случаи, когда участникам бойкота отрезали пятки, чтобы принудить противников Гомеса проголосовать за него. «Chicago Daily News», 28.VIII 1953.

²⁰ «Factores colombianos, 1957». Bogotá, 1957, p. 107.

настроенная к Оспине Пересу, вынуждена была отметить что они не отражают действительного мнения колумбийского народа из-за многочисленных случаев насилия и прямого принуждения. «Нью-Йорк геральд трибюн», например, подсчитала, что предвыборная кампания стоила жизни 500 человек²¹.

Через несколько дней после «выборов» 120 видных деятелей либеральной партии направили Оспине Пересу коллективное письмо, в котором они выражали свое сомнение относительно законности избрания Л. Гомеса на пост президента. Но оно, конечно, не могло изменить положения дел.

УСИЛЕНИЕ ЭКСПАНСИИ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

7 августа 1950 г., выступая с речью на торжественной церемонии по случаю своего вступления на пост президента страны, Л. Гомес заявил о своем восхищении «героическими усилиями США по спасению цивилизации», «демократии», «независимости народов», которым угрожает «коммунистическая тирания». Он заверил собравшихся в том, что колумбийское правительство не останется в стороне от этой кровавой борьбы, в которой «США являются авангардом»²². Таким образом, опасения правящих кругов США относительно антиамериканских настроений Гомеса, которыми он «грешил» в годы второй мировой войны, оказались напрасными. Старый профашист Гомес, приветствуя антикоммунистическую политику США, забыл о прежней критике американского империализма и заявил о дружбе с США.

В ответ на эти заверения американские монополии не могли не «отблагодарить» колумбийского президента, и Колумбия была включена в программу Трумэна, в программу так называемой помощи отсталым странам. 9 марта 1951 г. государственный департамент США и правительство Л. Гомеса подписали «общее соглашение по 4-му пункту» этой программы, и в Колумбии была создана смешанная комиссия для изучения экономики и руководства ею «с точки зрения координации ее с американской помощью по 4-му пункту». Так под контроль

²¹ «The New York Herald Tribune», 29.XI 1949.

²² «Chicago Tribune», 8.VIII 1950.

США были поставлены важные отрасли колумбийской экономики²³. Другим важным шагом на пути экономического закабаления страны американскими монополиями было заключение «договора о дружбе, торговле и транспортной связи» (25 апреля 1951 г.). Смысл этого договора как нельзя лучше выразил американский журнал «Ю. С. Ньюс энд уорлд рипорт», который не скрывал своего восторга от успеха американских дипломатов. Вот что он писал: «Бизнесмены США, действующие в Колумбии, будут теперь находиться в одинаковых условиях с колумбийскими бизнесменами. Этот договор охраняет американские капиталы от экспроприации без уплаты справедливой компенсации, гарантирует объективное посредничество в конфликтах по деловым операциям, обещает положить конец дискриминации американских товаров, выражающейся в обложении их налогами. В общем, новый договор рассматривается как образцовый, и дипломаты США очень довольны»²⁴. Таким образом, основное содержание экономической политики правительства Гомеса заключалось в обеспечении более благоприятных условий для иностранного капитала. Это мотивировалось тем, что экономическое развитие Колумбии в огромной степени зависит от притока иностранных капиталов, что без них правительство не имеет возможности обеспечить достаточное увеличение национального дохода и поддерживать равновесие между производством и потреблением²⁵.

Монополисты США, учитывая этот курс, предложили Гомесу разработать общий план экономического развития страны на ближайшие годы. Предложение было с радостью принято. И в течение полутора лет американская экономическая миссия «Международного банка реконструкции и развития» во главе с Л. Кюри, находящегося, как известно, под контролем американских монополий, изучала состояние колумбийской экономики. Это был беспрецедентный случай явной экономической разведки, проводившейся экономически мощной державой с разрешения и при покровительстве самих колумбийских

²³ В. В. Вольский. Латинская Америка, нефть и независимость. М., 1964, стр. 161.

²⁴ Там же.

²⁵ A. Silva, T. L. Caldas. Régimen legal de la industria en Colombia. Bogotá, 1956, p. 51.

властей. В результате работы этой миссии и появился так называемый план Кюри, который колумбийские коммунисты квалифицировали как «план империалистической колонизации» Колумбии. Они называли его «планом Маршалла», приспособленным к экономике слаборазвитой страны²⁶. Его основная цель заключалась не столько в том, чтобы содействовать экономическому развитию страны, бороться с нищетой, поднимать жизненный уровень населения, как об этом заявляли его составители, сколько в том, чтобы всемерно содействовать расширению колумбийского рынка для американских товаров, предоставить американскому капиталу выгодные сферы приложения. Программа экономического развития, разработанная миссией, предусматривала развитие второстепенных отраслей хозяйства, которые еще больше увеличили бы зависимость страны от американских монополий.

Коммунистическая партия Колумбии, отдавая себе отчет в том, какую опасность для страны представляет осуществление этого плана, развернула кампанию протеста против него. Используя легальные и нелегальные методы борьбы, коммунисты старались организовать широкое национальное движение против этого плана, разъясняя его колонизаторскую сущность и разоблачая корыстные цели американских империалистов. Компартия призывала массы организовать защиту национальных железных дорог, поддерживать строительство металлургического завода в Пас-дель-Рио, торговый флот «Великая Колумбия» и промышленное развитие Колумбии на основе покровительственных таможенных пошлин и контроля над импортом, для которых осуществление «плана Кюри» представляло серьезную опасность. В условиях фактического подполья компартии удалось опубликовать брошюру²⁷, в которой разъяснялась империалистическая сущность этого плана и его опасность для колумбийской экономики. Тем не менее реакционному правительству Гомеса удалось осуществить многие его рекомендации.

Прежде всего оно позаботилось об увеличении притока иностранных капиталов. Этой цели послужило

²⁶ R. H. Vaquero. Un plan de colonización imperialista. [Bogotá], 1951, p. 59.

²⁷ R. H. Vaquero. Op. cit.

новое законодательство, предоставившее иностранным дельцам большие возможности. Речь идет о декрете № 1625 от 3 августа 1951 г., который после утверждения его конгрессом 18 июля 1952 г. стал известен, как закон 8^a 1952 г.²⁸ Статья 3 этого закона гарантировала иностранным вкладчикам изъятие вложенных капиталов в любое время и беспрепятственный вывоз чистой прибыли с вложенных капиталов.²⁹

Новое законодательство оказалось настолько выгодным для иностранных монополий, что уже через несколько месяцев после опубликования декрета № 1625 приток иностранных капиталовложений, в основном североамериканских, увеличился в 12 раз³⁰.

Политика правительства в области нефти явилась другим, не менее важным свидетельством его антинационального курса, облегчавшего экспансию североамериканских капиталов. До прихода к власти Л. Гомеса действовавшее в стране нефтяное законодательство в какой-то мере обязывало концессионеров заниматься разработкой нефтяных богатств Колумбии. При получении концессии ее владелец обязан был пачать бурение не позже, чем через 2,5, в отдаленных местностях — через 4,5 года после ее получения. Если результаты бурения оказывались удачными, концессия могла быть предоставлена на срок не свыше 30 лет, после чего нефтепромыслы со всеми постройками и оборудованием должны безвозмездно перейти в собственность государства. Ввоз машин и другого оборудования для нефтепромыслов не освобождался от налогов. С началом промышленной эксплуатации владелец концессии должен был отдавать в распоряжение государства до 12 процентов добытой нефти³¹. Помимо этого, государство оставляло за собой право выступать в качестве арбитра в случае возникновения конфликтов между рабочими и администрацией концессий. Рабочие, используя свое право на забастовку, как правило, добивались выполнения своих требований повышения зарплаты, восстановления на работе уволенных рабочих и т. п.

²⁸ A. Silva, T. L. Caldas. Op. cit., p. 51, 54.

²⁹ Ibid., p. 52.

³⁰ С 1,1 млн. долл. в 1950 г. до 12,2 млн. в 1951 г. («Semana», 1957, 14—21. VI. p. 25).

³¹ «Neue Zürcher Zeitung», 27.I 1950.

Подобное законодательство, конечно, не могло удовлетворить иностранных дельцов, всеми средствами добивавшихся его изменения в свою пользу. Для этой цели использовалась пресса, распространявшая инспирированные нефтяными компаниями версии о неконкурентоспособности колумбийской нефти на мировом рынке, вызванной ее высокой себестоимостью, которая объясняется большими затратами на ввоз оборудования и неуклонно растущим фондом заработной платы³². Действовавшие в Колумбии иностранные нефтяные компании, в основном американские, намеренно сокращали добычу нефти, заявляя об истощении нефтескважин, и почти полностью прекратили разведку новых месторождений, добиваясь отмены невыгодного для себя законодательства.

Уступая требованиям иностранных компаний, правительство Урданеты Арбелаеса³³, бывшего адвоката американской «Стандард ойл компани», пренебрегая национальными интересами страны, пошло на изменение нефтяного кодекса. По новому законодательству³⁴ отменялись налоги с капиталовложений на разведку нефти, облегчалась амортизация вложенного капитала и уменьшались платежи за вновь полученные концессии. Под предлогом истощения скважин уменьшались налоги и для старых концессий. Срок концессий на эксплуатацию нефтепроводов был увеличен с 30 до 50 лет. Стало действовать новое правило, согласно которому концессионер имел право вернуть концессию правительству, не неся при этом никаких убытков, если он заявлял, даже не производя пробного бурения, что бурить невыгодно. Это облегчало возможность различного рода махинаций ради наживы, а вовсе не содействовало действительному увеличению нефтедобычи. Этой же цели служила отмена ограничений на право получения любого числа концессий.

Новый кодекс по сути дела отвечал самым дерзким мечтам иностранных монополий и свидетельствовал

³² «Neue Zürcher Zeitung», 27.I 1950.

³³ В октябре 1951 г. было объявлено, что Л. Гомес в связи с болезнью сердца не сможет выполнять свои обязанности. В таких случаях, по колумбийской конституции, президентом до очередных выборов становится его первый заместитель.

³⁴ Código del Petróleo.— «Boletín de petróleos», 1958, № 86—87, p. 3—42; «Neue Zürcher Zeitung», 27.I 1950.

о полном пренебрежении национальными интересами страны. В качестве доказательства справедливости такой оценки достаточно привести пример с американской концессией «Де Марес», владельцы которой ловко использовали новую «нефтяную» политику колумбийского правительства в своих интересах.

В августе 1951 г. истек срок этой концессии, и по условиям контракта она должна была перейти в собственность государства. Американским предпринимателям очень не хотелось терять такое богатое нефтяное месторождение (оно давало в тот период от одной трети до половины всей добываемой в Колумбии нефти)³⁵. Чтобы добиться продления этой концессии, были пущены в ход измышления о ее нерентабельности из-за истощения запасов нефти, было полностью прекращено бурение новых скважин и даже уволено несколько сот рабочих. Это должно было запугать правительство и вынудить его согласиться на продление концессии.

Но в борьбу, как говорилось выше, вступили рабочие (см. гл. I), и монополистам пришлось прибегнуть к обходным маневрам. Убедившись, что на прямое продление концессии рассчитывать нечего, они постарались удержать ее косвенными средствами. Когда подошел срок передачи концессии государству, добыча нефти и ее переработка на нефтеочистительном заводе в Барранкабермехе находились на самом низком после окончания войны уровне. Оборудование было изношено и требовало немедленной замены, завод нуждался в расширении, потому что не обеспечивал потребности страны в нефтепродуктах. Правительство Гомеса не стало требовать от концессионеров точного выполнения условий контракта, хотя оно имело на это юридическое право. Оно даже не поставило вопрос о передаче государству речного флота и самолетов, обслуживавших концессию (по условиям контракта они также должны были быть безвозмездно переданы повому владельцу). Оно заплатило за них валютой. Созданная правительством государственная компания «Колумбийское нефтяное предприятие» («Эмпреса коломбиана де Петролеос», сокращенно ЭКОПЕТРОЛЬ), поставленная перед необходимостью немедленной заме-

³⁵ «El Tiempo» [Bogotá], 19.IV 1950.

ны оборудования и расширения завода, подписала соглашение с той же компанией, которая эксплуатировала концессию, о передаче под управление компании нефтеочистительного завода, причем правительство брало на себя все расходы, связанные с его модернизацией. Сохранялся старый персонал концессии. Это соглашение явилось фактическим продлением старой концессии, причем на условиях весьма выгодных.

Таким образом, борьба колумбийских нефтяников за подлинную национализацию этого богатейшего нефтяного месторождения не увенчалась полным успехом из-за соглашательской политики правящих кругов страны, пошедших на сговор с американскими монополистами.

Экономическая экспансия монополий США, ставшая возможной вследствие попустительской политики колумбийского правительства в области экономики, сопровождалась ростом американского влияния и на его внешнеполитический курс. Растущая экономическая и финансовая зависимость страны от североамериканского империализма превращала ее в послушного сателлита на международной арене. Именно об этом свидетельствовала посылка колумбийских войск в Корею.

В июне 1950 г. американские империалисты начали преступную войну против корейского народа. Они пытались прикрыть ее флагом ООН. И колумбийское правительство, единственное на латиноамериканском континенте, согласилось принять непосредственное участие в этой позорной акции. В соответствии с декретом от 26 декабря 1950 г. в Корею был послан колумбийский фрегат «Адмирал Падилья» и батальон солдат³⁶, которым командовал Руис Новоа, принимавший участие в подавлении народного восстания в Боготе 9 апреля 1948 г.

Посылка колумбийских солдат в Корею не вызывалась национальными интересами страны. Между Кореей и Колумбией, разделенными Тихим океаном, никогда не было никаких конфликтов. Но, связанное экономическими узами с монополиями США, правительство не посмело отказаться от участия в этой преступной и бессмыс-

³⁶ 16 июня 1951 г. колумбийские войска высадились в порту Пусан (P. E. Torres Almeida. Colombia en la Guerra de Corea. Impresiones de un combatiente. Bogotá, s.a., p. 52, 53).

лённой авантюре. Колумбийские солдаты стали «пушечным мясом» в борьбе за чуждые им интересы³⁷.

Коммунистическая партия Колумбии в тяжелейших условиях подполья проводила большую работу против посылки колумбийских солдат в Корею. Она разоблачала антинародный режим Л. Гомеса, втянувший Колумбию в преступную войну на стороне США, известных своим участием во многих актах империалистического грабежа. За эту антиимпериалистическую патриотическую деятельность многие коммунисты были арестованы и замучены в тюрьмах, среди них М. Маруланда Велес, один из руководителей компартии Колумбии³⁸. Но их героическая борьба принесла свои плоды: часть солдат, направившихся в Корею, дезертировала и присоединилась к партизанам³⁹, чтобы бороться против правительства, предающего национальные интересы страны.

Выступления против участия в корейской авантюре стали той конкретной формой, которую приняло в Колумбии развернувшееся по всему земному шару движение сторонников мира. Даже в условиях осадного положения колумбийские борцы за мир собрали около 200 тыс. подписей под обращением о заключении Пакта мира⁴⁰. Признанием их больших успехов явилось присуждение Государственной международной премии мира колумбийскому писателю и общественному деятелю Бальдомеро Санин Кано (1954 г.).

Однако не только участие в преступной войне против корейского народа свидетельствовало о растущем влиянии США на внешнеполитический курс Колумбии. Об этом же говорят еще некоторые успешные шаги американской дипломатии, связавшей Колумбию выгодными для себя соглашениями. Среди них особое место занимает двусторонний военный пакт с США, заключенный 17 апреля 1952 г.⁴¹. Смысл этого документа вкратце

³⁷ За годы войны в Корею в составе батальона «Колумбия» находилось 4294 человека. Из них 650 были убиты и ранены. Батальон вернулся на родину в ноябре 1954 г. («Factores colombianos. 1964». [Bogotá, 1965], p. 335).

³⁸ «Treinta años de lucha...», p. 92, 93.

³⁹ «Neue Zürcher Zeitung», 28. X 1951.

⁴⁰ С. А. Гонимонский. Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. М., 1964, стр. 190.

⁴¹ US Treaties. Mutual defence assistance. Agreement between the United States of America and Colombia... Entered into force April 17, 1952. Washington, 1953.

сводился к следующему: в обмен на «техническую помощь» США и поставки оружия и других военных материалов колумбийское правительство брало на себя ряд кабальных обязательств. Например, «сотрудничать в усилиях по предоставлению вооруженных сил Объединенным Нациям» (иными словами предоставлять войска для участия в военных авантюрах США), «сотрудничать» с США «для укрепления западного полушария», принимать американские военные миссии, «гарантировать поставки стратегического сырья по разумным ценам», принимать «меры экономической защиты и торгового контроля в интересах обороны западного полушария». США также получали право контроля над использованием колумбийской стороной их военной помощи. Понимая, что такое соглашение не может не вызвать резкой критики оппозиции, колумбийское правительство не решилось ни опубликовать его, ни поставить на обсуждение конгресса, несмотря на то, что в его составе были только представители правящей консервативной партии. Однако правительству не удалось сохранить в тайне это соглашение. Сведения о нем проникли в печать и вызвали резкую критику⁴². Убедившись в том, что тайну сохранить невозможно, Вашингтон в 1953 г. опубликовал соглашение, но тогдашнее колумбийское правительство так и не рискнуло сделать это. Оно было впервые опубликовано в Колумбии через восемь лет после подписания, в 1960 г.

Коммунистическая партия Колумбии оказалась наиболее последовательной в своем разоблачении этого преступного сговора колумбийской реакции с американским империализмом. Она показала, что пакт нарушает национальные интересы страны, потому что ставит под контроль США колумбийскую армию, чтобы ее можно было без каких-либо помех использовать для нужд США во всякого рода агрессивных актах, вроде корейского. Именно к этому сводилась реорганизация колумбийских вооруженных сил, предусмотренная пактом. Она ставила армию под фактический контроль американских офицеров в лице военных советников. Компартия предупреждала, что пакт приведет к гонке вооружений, которая в свою очередь повлечет за собой увеличение палогово-

⁴² «Treinta años de lucha...», p. 99.

го гнета и рост экономической зависимости от США. Гонка вооружений превратит национальную экономику в придаток американской, поставив ее на службу военным нуждам США. Компартия предостерегала массы, что военный пакт неизбежно будет использован для еще большего подавления рабочего и демократического движения в Колумбии, потому что он предусматривал новые репрессивные функции армии в борьбе против народа⁴³.

Действительность подтвердила опасения коммунистов. Когда вскоре после подписания этого пакта колумбийский военный министр летом 1952 г. приехал в Вашингтон для ведения переговоров о покупке американских самолетов и другого оружия, он не скрывал, что оно будет использовано «для поддержания порядка»⁴⁴.

Военный бюджет 1952 г. в 150 млн. песо оказался самым большим в истории Колумбии⁴⁵. Он целиком пошел на переоснащение армии, строительство стратегических дорог, военных аэродромов, казарм и других военных сооружений. На этом нажились прежде всего американские монополии. Колумбийский солдат помимо американского оружия получил и новую форму, изготовленную американскими фирмами, так же как и все остальные крупные и мелкие предметы солдатского снаряжения вплоть до суповой ложки и туалетной бумаги. На всем стояло клеймо «Сделано в США»⁴⁶. И за все вынужден был расплачиваться из своего кармана колумбийский налогоплательщик.

ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ

В буржуазной литературе много писали о якобы существовавшем противоречии между анархией в политической жизни страны и ее экономическим процветанием в период пребывания у власти Л. Гомеса. На самом деле никакого парадокса не было, потому что не было экономического процветания. Ведь нельзя же говорить о процветании только на том основании, что удвоился

⁴³ «*Trienta años de lucha...*», p. 99.

⁴⁴ «*Los Angeles Times*», 20. XI 1952.

⁴⁵ *Ibidem*.

⁴⁶ E. Franco Isaza. *Las guerrillas del llano*. Bogotá, 1959, p. 180.

экспорт кофе и цены на него на мировом рынке поднялись. О каком экономическом процветании может идти речь, если в стране продолжалась инфляция, песо неуклонно падало в цене, а слухи о его девальвации были настолько упорны, что министр финансов в августе 1952 г. вынужден был их официально опровергать?⁴⁷ О каком процветании может идти речь, если стоимость жизни продолжала расти из-за вздорожания товаров первой необходимости?⁴⁸

Даже такой реакционный американский историк, как Флюхарт, вынужден был констатировать, что процветание касалось лишь высших классов колумбийского общества⁴⁹. Они наживались путем спекуляций на «черном рынке», они получали все выгоды от роста цен на кофе. А бедняки стали еще беднее, потому что на их долю достался лишь рост налогов, вызванный перевооружением армии и содержанием растущего репрессивного аппарата, да увеличение в связи с этим стоимости жизни⁵⁰.

В области внутренней политики Гомес начал свою деятельность с отказа созвать конгресс, отсрочки созыва департаментских ассамблей и возвращения церкви контроля над государственными школами⁵¹. Цензура, отмена права собраний, преследование демократических элементов и коммунистов прежде всего предоставляли буржуазии большие возможности для разного рода произвола по отношению к рабочим. Профсоюзного единства в рабочем классе не существовало уже с 1946 г., когда был создан католический Союз трудящихся Колумбии. Теперь усилия реакции сосредоточились на дальнейшем подрыве единства Конфедерации трудящихся Колумбии. Запрещение забастовок вызвало естественное недовольство трудящихся, которые таким образом лишились своего главного оружия в борьбе с наступлением на их жизненный уровень. Коммунисты, активно работавшие в КТК и имевшие большое влияние на некоторые профсоюзы, в частности нефтяников, повели активную кампанию за отмену осадного положения и возвращение всех ранее завоеванных рабочими профсоюзных прав. Поэтому правительство

⁴⁷ «The New York Times», 1. IX 1952.

⁴⁸ V. L. Fluharty. Op. cit., p. 123.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Ibid., p. 127.

⁵¹ А. Б. Томас. История Латинской Америки. М., 1960, стр. 461.

и предприниматели объединили свои усилия, чтобы добиться изгнания коммунистов из КТК. В дело пошли шантаж и клевета, подкупы и подлоги. Агенты американских профсоюзов постарались использовать создавшуюся в стране обстановку, чтобы отколоть колумбийские профсоюзы от Всемирной федерации профсоюзов (ВФП), от Конфедерации трудящихся Латинской Америки (КТЛА) и добиться присоединения к так называемым свободным профсоюзам, находившимся под контролем американских монополий. В мае 1950 г. состоялся X съезд КТК, который был разрешен, несмотря на осадное положение, потому что правительство рассчитывало использовать его в своих целях. В ходе работы съезда агенты правительства решили использовать обсуждение вопроса о взаимоотношениях КТК с ВФП и КТЛА для раскола Конфедерации. Дезориентированное руководством либеральной партии, стремившимся к расколу, чтобы «очиститься от коммунистов»⁵², и агентами правительства и АФТ, обманными путями попавшими на съезд, большинство делегатов приняло решение о выходе КТК из ВФП и КТЛА. Коммунисты, присутствовавшие на съезде, в знак протеста против этих решений покинули съезд и создали Независимый комитет конфедерации. В сложившейся в тот период ситуации это был ошибочный шаг, позволивший реакции изолировать коммунистов от значительной части временно дезориентированного рабочего класса. Эта ошибка догматического и сектантского характера, признанная впоследствии колумбийскими коммунистами⁵³, ослабила их влияние в профсоюзах, потому что они ушли из них вместо того, чтобы вести разъяснительную работу и добиваться единства рабочего движения⁵⁴.

Раскол в КТК и массовые аресты профсоюзных руководителей еще больше ослабили влияние этой организации в массах. Рабочих руководителей увольняли и арестовывали как нарушителей общественного порядка⁵⁵. Был арестован генеральный секретарь КТК Пуэнтес Ванегас⁵⁶. К руководству Конфедерацией пришли изменники делу

⁵² «Documentos Políticos», 1964, № 45, p. 15.

⁵³ «Treinta años de lucha...», p. 92.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ V. L. Fluharty, Op. cit., p. 125.

⁵⁶ «Tribuna Popular» [Caracas], 5.I 1960.

рабочего класса и прямые агенты правительства и хозяев. Престиж КТК падал. Усилилась деморализация рабочего класса, потерявшего веру в силу своей организации. Все это позволило правительству и предпринимателям активизировать наступление на права и жизненный уровень трудящихся.

Осадное положение использовалось в корыстных целях. Профсоюзы, лишённые права свободных собраний, больше не имели возможности участвовать в обсуждении вопросов, связанных с увольнением. Теперь стоило объявить какого-нибудь рабочего «агитатором», чтобы предприниматель имел полное право уволить его без всякого пособия и без пенсии. И владельцы предприятий часто прибегали к такому способу, чтобы избавиться от рабочих, проработавших на их предприятии по 15—20 лет и имевших право на пенсию⁵⁷.

Увольнения по политическим мотивам стали обычным явлением. За период 1951—1952 гг. только с национальных железных дорог было уволено около 5 тыс. рабочих потому, что они принадлежали к либеральной партии⁵⁸. Мало того, что рабочие были лишены права на забастовку; теперь даже пикетирование объявлялось коммунистическим методом борьбы. Когда в 1951 г. забастовали рабочие пивоваренных заводов, доведенные до отчаяния ростом дороговизны (только за год пребывания у власти Л. Гомеса стоимость жизни в столице поднялась почти на 9 процентов по сравнению с предшествовавшим годом), в них стреляли. Десятки людей были убиты, а раненые не получили медицинской помощи⁵⁹.

Правительство Гомеса жестоко расправилось с рабочими-нефтяниками. Пытаясь навсегда покончить с политической активностью этого отряда рабочего класса, неизменно выступавшего против господства американских нефтяных монополий за подлинную национализацию всех имеющихся в Колумбии нефтепромыслов, оно бросило в тюрьмы в сентябре 1951 г. более 20 профсоюзных руководителей нефтяников, в Барранкабермехе был зверски убит член ЦК Коммунистической партии Колумбии Аурелио Родригес⁶⁰.

⁵⁷ V. L. Fluharty. Op. cit., p. 126.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ Вычислено по данным V. L. Fluharty (op. cit., p. 126, 127).

⁶⁰ В. Вольский. Указ. соч., стр. 162.

Осадное положение ухудшило и без того тяжелое положение колумбийского крестьянства. Вооруженные банды из крайне правых элементов консервативной партии, сельская полиция, зависящая от местных латифундистов, и просто нанятые ими банды уголовников получили возможность действовать с полной безнаказанностью. Латифундисты, в основном по своей партийной принадлежности консерваторы, под предлогом политического соперничества захватывали крестьянские земли, сгоняли арендаторов, в большинстве своем либералов, с участков, которые они обрабатывали. Убийства крестьян-либералов приняли массовый характер. Банды реакционеров сжигали целые деревни, убивали всех без различия пола и возраста. Тысячи беженцев, бросив свои участки и имущество, бежали в города в поисках убежища. Обездоленные люди пополняли армию безработных в городах. Беженцев помещали в специальных лагерях, которые имели большое сходство с гитлеровскими концлагерями⁶¹.

Обезлюдели многие деревни. Вместо цветущих селений остались одни пепелища. Такова была судьба колумбийского селения Кокуй в департаменте Бояка. Полторы тысячи его жителей, в основном крестьяне-либералы, были убиты полицией, использовавшей танки и самолеты; почти все дома поселка были сожжены, три тысячи вдов и сирот остались без крова⁶².

Подобная же судьба постигла Либано. Его пять тысяч жителей — сторонников либеральной партии — были зверски убиты. Поводом к расправе послужила не причинившая ущерба бомба, брошенная в машину сына президента, совершавшего увеселительную прогулку⁶³.

Земли убитых и бежавших в города от преследования полиции и банд захватывались латифундистами. Таким образом террор стал тем широко распространенным средством, с помощью которого помещики округляли свои владения. Террор преследовал и еще одну цель. В 1946 г. истек указанный в аграрном законе 1936 г. десятилетний срок, после которого крестьяне и арендаторы могли требовать передачи в их собственность не обра-

⁶¹ «Neue Zürcher Zeitung», 28. X 1951.

⁶² «Tribuna Popular», 5.1 1950; M. Puentes. Op. cit., p. 633, 634.

⁶³ M. Puentes. Op. cit., p. 640.

ЖЕРТВА ВЬОЛЕНСИ

батызаемых в течение десяти лет помещичьих земель в случае, если размер всего землевладения превышал 300 га. Латифундисты, опасавшиеся проведения этого закона в жизнь, и прибегли поэтому к крайнему средству — террору, — чтобы запугать крестьянство, заставить его отказаться от своих требований.

Анализируя причины террора, генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Колумбии Х. Виейра впоследствии отмечал, что террор использовался латифундистами для захвата крестьянских земель, хозяева которых объявлялись «красными», для преследования крестьянских организаций и уничтожения их руководителей. Торговцам террор служил для повышения цен на предметы первой необходимости, а капиталистам — для создания рынка дешевой рабочей силы, потому что в города бежали тысячи крестьян, спасавшихся от преследования наемных банд⁶⁴.

Католическая церковь помогала использовать партийное соперничество в интересах правящих классов.

⁶⁴ Х. Виейра. Рост милитаризма в Колумбии и тактика Компартии.— «Проблемы мира и социализма», 1963, № 4, стр. 16.

Многие деревенские священники и даже епископ Антиокии, разжигая религиозный фанатизм, обвиняли либералов в связях с коммунистами и даже с нечистой силой⁶⁵. Целые районы были от них очищены. Одни убиты, другие бежали в города или ушли в сельву. Появились бандитские шайки, промышлявшие грабежом. Они пополнялись за счет деклассированных элементов и морально опустившихся людей. Нередко эти банды нанимались латифундистами для расправы с крестьянами.

Чтобы проиллюстрировать это ужасное положение, получившее название «виоленсии» (что в буквальном переводе означает насилие, произвол), нельзя не привести некоторых выдержек из письма одного деятеля либеральной партии военному губернатору департамента Антиокия. В письме говорится: «В деревнях и поселках Колумбии бросаются в глаза прежде всего враждебные лица, чужие люди, находящиеся на жалованье у правительства и проходящие подготовку у инструкторов, специально приглашенных из Испании. Они рыщут по долинам и горам, и, где бы они ни появились, они нападают на граждан либерального образа мыслей, оскорбляют их, отбирают у них удостоверения на право голосования, чтобы лишить их избирательных прав. Это фаланга в действии. Затем следуют грабежи... Полиция... появляется в деревнях, но не для восстановления мира, а с единственной целью мести, террора и разорения местечек и, наконец, безумного уничтожения жизней и имущества. Так убивают честных и мирных крестьян, скромных тружеников, которые не совершили иного преступления, кроме того, что придерживаются противоположного образа мыслей с теми, кто обладает силой... Так осуществляется заранее составленный план истребления. Кроме того, скромные люди — либералы — становятся жертвами жестокости и грабежей со стороны правительственных агентов. Последние расстреливают женщин, стариков и детей среди бела дня. Правительственные агенты захватывают хозяйства либералов, убивают их владельцев, реквизируют у них кошельки с деньгами, скот, все, чем кормились их семьи. То, что они творят, это грабеж и кровавая оргия». Автор письма был возмущен тем, что под покровительством высоких правительственных чиновников виновные оставались безнаказанными. Он ука-

⁶⁵ «Neue Zürcher Zeitung», 28. X 1951.

звал также, что все эти преступления «совершаются с именем бога на устах, с ладанками в кармане и без всякого угрызения совести. Главный участник этой кровавой драмы — полиция, поддерживаемая членами консервативной партии... Несмотря на многочисленные разоблачения этих печально известных полицейских деятелей, они все еще продолжают оставаться на своих постах, убивая и совершая всякого рода произвол»⁶⁶.

Введение осадного положения 9 ноября 1949 г. открыло дорогу к власти крайне правым элементам правящей консервативной партии. Они шли к установлению в стране диктатуры. Путем произвола и насилий стремились они покончить с демократическим движением, используя при этом старое знамя антикоммунизма. Помещения компартии в Боготе были заняты полицией, был отдан приказ об аресте всех членов ЦК, которые вынуждены были скрываться. Цензура запретила все публикации Коммунистической партии Колумбии, а разведка «открывала» один «заговор» за другим, пытаясь скомпрометировать коммунистов и иметь какие-то видимые основания, чтобы объявить компартию вне закона. Партия переживала тяжелые времена. Ряд партийных организаций на местах распался из-за многочисленных арестов, эмиграции и перемены местожительства, вызванной необходимостью скрываться от преследований⁶⁷.

Партии приходилось перестраивать свою работу в связи с фактическим переходом на нелегальное положение. Требовались новые формы и методы работы. Эта перестройка требовала известного времени и не обошлась без ошибок и жертв, хотя и оправдывавшихся отсутствием необходимого опыта нелегальной борьбы.

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

в 1949—1953 гг.

Партизанское движение, в основном по своему составу крестьянское, явилось стихийным ответом масс на политику террора, проводившуюся наиболее реакционной частью господствующих классов. Первые партизанские

⁶⁶ E. L. Herrera. Lo que el cielo no perdona. Bogotá, 1954, p. 80, 81, 271, 272 (цит. по: G. Guzman Campos. La violencia en Colombia, t. I. Bogotá, 1963, p. 93—95).

⁶⁷ «Treinta años de lucha...», p. 90.

отряды в Колумбии появились в конце 1949 г. в восточных льяносах, где огромные пространства и бездорожье позволяли надежно укрыться от преследования полиции и вооруженных банд. Пронзвол со стороны властей толкал людей к сопротивлению. Так, расправа с населением в поселке Кокуй имела следствием создание партизанского отряда, в который ушли все оставшиеся в живых мужчины этого селения⁶⁸. Террор во время президентских выборов 1949 г., когда крестьян под угрозой ареста и лишения имущества принуждали голосовать за ставленника крайней реакции Лауреано Гомеса, вызвал целую волну создания вооруженных отрядов.

К весне 1950 г. восточные льяносы фактически оказались под контролем многочисленных партизанских групп разных политических направлений. Одни находились под влиянием либералов, другие — коммунистов. Но вся беда состояла в том, что эти отряды действовали разобщенно, каждый на свой страх и риск⁶⁹. Бывали случаи, когда вместо того, чтобы совместно выступить против карателей, они пускали в ход оружие, разрешая таким путем возникшие между ними разногласия⁷⁰. Это, конечно, ослабляло партизанское движение. Однако уже тогда делались попытки наладить связь между отрядами, установить контакты с внешним миром, организовать выпуск газеты, поддерживать порядок в районах, контролируемых партизанами⁷¹. Инициаторами объединения отдельных небольших партизанских отрядов в более крупные всегда выступали коммунисты. Они вели большую работу в этом направлении. В дальнейшем при их участии в Боготе была создана специальная подпольная хунта, которая должна была координировать действия отрядов, снабжать их оружием, продовольствием и медикаментами.

Наряду с существованием партизанских отрядов, базировавшихся в льяносах, народные массы начинают прибегать к такой форме защиты от террора, как самооборона. Тактика самообороны возникла стихийно. Массы прибегли к ней, чтобы защитить свое имущество и жизнь от покушений разного рода банд, находившихся

⁶⁸ E. Franco I s a z a. *Las guerrillas del llano*. Bogotá, 1959, p. 18.

⁶⁹ *Ibid.*, p. 73, 74.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 84.

⁷¹ *Ibid.*, p. 84, 103.

на службе у латифундистов и действовавших при покровительстве, а нередко и при участии самой полиции. Тактика самообороны заключалась в поголовном вооружении всех жителей того или иного селения и участии в обороне от нападений полиции и банд. Отбив атаки нападающих, бойцы возвращались к своим обычным занятиям: пахали и сеяли, убирали урожай или занимались каким-либо другим трудом. И так до следующего нападения, когда жители вновь брались за оружие, чтобы отстоять свое право на жизнь и мирный труд.

Компартия Колумбии вскоре оценила все преимущества этой новой формы борьбы масс, ее подлинно демократический характер. Она увидела в ней практическое воплощение политики широкого демократического фронта, приводящей к сближению различных социальных слоев и политических течений, когда их непосредственные интересы в определенный момент совпадали⁷². Это позволяло сплотить в единой борьбе все силы, враждебные существующему режиму. В манифесте от 22 октября 1949 г. компартия выдвинула лозунг самообороны масс как основной тактический лозунг момента. О правильности и своевременности этого лозунга свидетельствовало широкое распространение этой формы борьбы среди крестьянства многих областей страны⁷³. Тактика самообороны отвечала конкретной исторической обстановке, соотношению сил и уровню политической зрелости широких народных масс на том этапе. Она служила прекрасной школой революционного воспитания масс на их собственном опыте, повышения их политической активности и сознательности.

Вопрос об использовании тактики самообороны масс в борьбе против реакционных банд стал предметом обсуждения XIII пленума ЦК Коммунистической партии Колумбии (конец 1950 г.). Пленум призвал народ защищаться, отвечая на насилия фалангистских банд организованным сопротивлением масс. Партия особо подчеркнула необходимость применения тактики самообороны, так как она позволяла организовать сопротивление самых широких масс наступлению реакции⁷⁴.

⁷² Х. Виейра. Рост милитаризма в Колумбии и тактика Компартии, стр. 17, 18.

⁷³ «Treinta años de lucha...», p. 93.

⁷⁴ Ibid., p. 93, 94.

После вступления Л. Гомеса на пост президента партизанские отряды и группы активизировали свою деятельность. Это объяснялось, с одной стороны, тем, что либералы считали партизанскую борьбу единственным средством лишить консервативную партию власти, а с другой — усилением террористической деятельности фалангистских банд, которые с приходом к власти Гомеса не без основания рассчитывали на полную безнаказанность.

Чтобы покончить с партизанским движением, Гомес решил направить в льяносы — основной район действия партизанских отрядов — специальную карательную экспедицию, во главе которой поставил военного министра Урданету Арбелаеса. Урданета бросил туда регулярные военные части с артиллерией, танками и самолетами. Среди летчиков, бомбивших мирных жителей, было немало испанских фалангистов⁷⁵. Начал действовать батальон «Варгас», обученный американскими «специалистами» по борьбе с партизанами в Юго-Восточной Азии. Но партизанские отряды, пользовавшиеся поддержкой местного населения, были неуловимы. Каратели никак не могли обнаружить главные партизанские силы⁷⁶. Тогда они направили весь удар на мирное население. Под предлогом борьбы с бандитами (а ими объявлялись все старше 16 лет, скрывающиеся от армии, нарушающие комендантский час или имеющие огнестрельное оружие без разрешения властей)⁷⁷ Урданета начал широкие операции, жертвой которых оказались ни в чем не повинные люди. С целью лишить партизан поддержки местных жителей он приказал очистить район, по площади равный Швейцарии. Все, кто там оставался, объявлялись вне закона и могли быть расстреляны, как только их обнаружат⁷⁸. Военные самолеты сбрасывали листовки с текстом этого приказа над населенными пунктами. Если к указанному в листовках сроку люди не успевали покинуть свои родные места, их безжалостно расстреливали. Убивали всех по принципу: «Мы не хотим свидетелей»⁷⁹. Особенными зверствами отличался

⁷⁵ С. А. Гонимонский. Указ. соч., стр. 189.

⁷⁶ V. L. Fluharty. Op. cit., p. 11.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ «Neue Zürcher Zeitung», 28. X 1951.

⁷⁹ E. Franco Isaza. Op. cit., p. 223.

уже упоминавшийся батальон «Варгас», которым командовал полковник Вильямисар. Солдаты, одетые в американскую военную форму, имели и оружие американского производства. На штыки с клеймом «Сделано в США» изувечены насаживали детей⁸⁰.

Террор против мирных жителей, постоянные бомбардировки вынудили партизан уйти в горы. Преследования, голод сломили неустойчивых. Среди партизан появились изменники, которые выдавали карателям местоположение своих отрядов⁸¹. Некоторые отряды были распущены, их участники бежали в Венесуэлу. Связь между оставшимися была нарушена. Положение осложнилось, когда агентам Лауреано Гомеса удалось спровоцировать вооруженное столкновение между отрядами, находившимися под влиянием коммунистов, и либеральными группами в Южной Толиме. Это сильно ослабило партизанское движение в этом районе⁸². Рассеянные в разных, часто удаленных друг от друга районах, партизанские группы не могли оказать серьезного сопротивления карателям. Авантюризм некоторых руководителей иногда приводил к тому, что отряды превращались по существу в бандитские шайки, что грозило дискредитировать партизанское движение в глазах широких народных масс. В то же время тактика самообороны, применяемая крестьянами во многих районах страны, продолжала себя оправдывать и в создавшихся условиях. Например, в муниципалитете Виота крестьяне под руководством коммунистов успешно применяли эту тактику и, отбив все атаки карателей, добились относительной передышки, обеспечив себе возможность заниматься мирным трудом⁸³.

В этой сложной обстановке у некоторых коммунистов и даже в ЦК начали проявляться экстремистские тенденции, выразившиеся в том, что главной и практически единственной формой борьбы объявлялась вооруженная борьба в сельской местности, партизанские действия. Сторонники этой точки зрения полагали, что при реакционной диктатуре коммунистам в городах нечего делать, что ЦК незачем вести там подпольную работу и

⁸⁰ E. Franco Isaza. Op. cit., p. 180.

⁸¹ Ibid., p. 153.

⁸² «Treinta años de lucha...», p. 95.

⁸³ Ibidem.

что его члены должны разъехаться по партизанским отрядам⁸⁴.

В создавшихся условиях вопросы партизанского движения, тактики самообороны масс требовали немедленного обсуждения для выработки правильной линии поведения всей компартии в целом. ЦК счел необходимым созвать специальный пленум.

XIV пленум приветствовал партизан как «героев народного сопротивления» и квалифицировал вооруженную борьбу как «выражение героического сопротивления народа террористическим репрессиям диктатуры и насилиям реакционных банд»⁸⁵.

Вместе с тем, учитывая реальную обстановку, сложившуюся в стране, и горький опыт перерождения отдельных партизанских групп в бандитские шайки, пленум счел нужным осудить экстремистские тенденции некоторых коммунистов, назвав их «крайне левыми и идеалистическими, искажающими действительность и пытающимися подменить работу с массами изолированными действиями партизанских групп»⁸⁶. Пленум обратил внимание на опасность, которую представлял для народа и для партии авантюризм некоторых товарищей, предлагавших в ряде мест перейти от крестьянской самообороны к созданию партизанских отрядов при условии, когда соотношение сил было явно не в пользу партизан и не могло принести ничего, кроме ненужных жертв.

Вместе с тем в решениях пленума отмечалось, что партизанское движение является важной формой борьбы против реакции⁸⁷.

Вопрос об отношении к партизанскому движению вызвал борьбу мнений и в либеральной партии, принявшую чрезвычайно острый характер в силу неоднородности ее классового состава. Одна часть левого крыла партии, представлявшая прогрессивную интеллигенцию и студенчество, не веря в силу народных масс, рассчитывала только на заговор и государственный переворот, на вооруженную борьбу отдельных групп смельчаков. Участие в заговорах, которые правительство

⁸⁴ «*Trienta años de lucha...*», p. 95.

⁸⁵ *Ibid.*, p. 94.

⁸⁶ *Ibid.*, p. 96.

⁸⁷ *Ibidem.*

постоянно раскрывало, а часто и само провоцировало, стоило левым либералам многих бессмысленных жертв. Другая часть левого крыла полагала, что единственным средством борьбы с реакционной диктатурой является партизанское движение, и в этом отношении рассчитывала только на крестьянство, явно переоценивая его возможности. И те и другие недооценивали подпольную работу среди городского населения, хотя в городе существовала реальная перспектива создания широкого фронта сопротивления разных социальных слоев — рабочего класса, мелкой и средней буржуазии, — по тем или иным причинам недовольных диктатурой.

Руководство либеральной партии, отражая точку зрения правого крыла, официально не поддерживало партизанского движения. Часть руководства считала, что нужно ждать нормализации положения от самого правительства, рассчитывая на его благоразумие, другая часть махнула на все рукой и пустила события на самотек. Такая позиция руководства чрезвычайно дезорганизовывала партизанское движение, в котором участвовало левое крыло партии. Командиры партизанских отрядов и групп по мере развития движения стали ощущать потребность в едином плане действий и неоднократно обращались к своему партийному руководству с просьбами об инструкциях и помощи оружием, продовольствием и медикаментами. Но руководство партии считало, что ему нечего вмешиваться в это дело, прикрываясь формулой: «Мы не разрешаем и не запрещаем партизанскую борьбу»⁸⁸. И в то время как правительственные силы добились временного успеха в борьбе с партизанами, покрыв страну сетью концентрационных лагерей, А. Лопес, возглавлявший тогда либеральную партию, выступил на партийном съезде в июне 1951 г. с так называемой платформой мира и национального согласия⁸⁹, которая призывала народ смириться с существующим положением дел.

Вопрос об отношении к партизанскому движению стал предметом многочисленных споров и в самой правящей, консервативной партии, которая не имела единой точки зрения относительно методов борьбы с ним.

⁸⁸ E. Franco Isaza. Op. cit., p. 153.

⁸⁹ Ibid., p. 291.

Крайне правое крыло консерваторов — сторонники Лауреано Гомеса — считало, что с партизанами можно покончить только путем применения силы: посылкой карательных экспедиций, созданием фалангистских отрядов в районах действия крестьянских групп самообороны. Они ратовали за строительство концентрационных лагерей и широкие превентивные аресты. Они жаждали посадить за колючую проволоку всех, подозреваемых в сочувствии партизанам, и поощряли методы физической расправы из-за угла с крестьянскими руководителями.

Более умеренные консерваторы, группировавшиеся вокруг М. Оспины Переса, не одобряли тактику лауреанистов. Они сомневались в ее эффективности и опасались, как бы она не привела к обратным результатам — к социальной революции. Они не одобряли широкого применения тактики террора против членов либеральной партии, полагая, что она подрывает силы господствующего класса. «Умеренные» выступали за переговоры с руководителями партизанских отрядов, чтобы таким путем добиться сдачи оружия и прекращения партизанских действий.

О том, что последняя точка зрения на некоторое время возобладала в партии, свидетельствует «пакт об умиротворении» и отказе от тактики террора в межпартийной борьбе, подписанный руководством консерваторов и либералов в октябре 1951 г.⁹⁰ К тому же времени относится и замена Л. Гомеса на посту президента страны Р. Урданетой Арбелаесом. У многих эти события вызвали надежды на изменение внутренней политики правительства. Большой резонанс в стране получило воззвание 23 отставных генералов, опубликованное в «Эль Тьемпо» в ноябре 1951 г., с призывом восстановить демократические свободы и возродить престиж Колумбии в мире⁹¹. Учитывая непопулярность Л. Гомеса, Урданета Арбелаес попытался создать впечатление, что он намерен проводить политику, отличную от политики своего предшественника. Он начал с обещаний нормализовать положение в стране и согласился вступить в переговоры с партизанами. Он рассчитывал, что на определенных усло-

⁹⁰ E. Franco Isaza. Op. cit., p. 296.

⁹¹ А. Б. Томас. Указ. соч., стр. 461.

виях ему удастся договориться с ними о добровольной сдаче оружия. Для переговоров был направлен А. Лопес — человек, который на протяжении многих лет руководил политикой либеральной партии и пользовался известным уважением среди демократически настроенных элементов. В декабре 1951 г. под охраной двух военных самолетов он прибыл в льяносы, чтобы уговорить партизан Касанаре и Мета сложить оружие⁹². Но партизаны не спешили с решением и выжидали. Тем временем лауреанисты продолжали давить на правительство, добиваясь возвращения к прежней тактике вооруженной борьбы с партизанским движением. Уступая им, Урданета Арбелаес отказался от дальнейших переговоров.

Террор по отношению к прогрессивным элементам возобновился, власти увеличили число военных гарнизонов в сельской местности. Вновь начались бомбежки мирного населения, подозреваемого в связях с партизанами. Каратели действовали со страшной жестокостью⁹³. Опять появилось много беженцев. Один из партизанских командиров определяет их число в 80 тыс. человек⁹⁴. В ответ на террор властей стали создаваться новые партизанские отряды. Они пополнялись не только людьми, потерпевшими от произвола властей, но и солдатами регулярной армии, не желавшими сражаться за чуждые им интересы американских монополий в Корее⁹⁵. Участились схватки с правительственными войсками. В бою под Вильявисенсио (1952 г.) последние потеряли около 100 человек⁹⁶. Партизанское движение снова начало вступать в полосу подъема. По признанию самого правительства, партизанские отряды и группы самообороны действовали в 11 из 16 департаментов страны⁹⁷. Господствующие классы, опасаясь растущей политической активности масс, заговорили о необходимости перемен в правительстве. Поползли слухи о подготовке военного переворота. Буржуазия ждала его с нетерпением, рассчитывая таким путем покончить с партизанским движением.

⁹² E. Franco Isaza. Op. cit., p. 261, 266, 292.

⁹³ Ibid., p. 169—270.

⁹⁴ Ibid., p. 287.

⁹⁵ Ibid., p. 285.

⁹⁶ «Правда», 25.I 1953.

⁹⁷ А. Б. Томас. Указ. соч., стр. 461.

В этой сложной и тревожной обстановке у коммунистов возникла настоятельная необходимость в немедленном созыве съезда партии.

Работа VII съезда проходила с 6 по 13 апреля 1952 г. в условиях строжайшей конспирации⁹⁸.

В центре работы съезда оказались два важнейших вопроса, касающихся внутривнутриполитического положения страны: о позиции партии в связи с угрозой военного переворота и об ее отношении к партизанскому движению.

Оба вопроса были тесно связаны друг с другом. Коммунисты считали, что только борьба масс способна предотвратить военный переворот. Вместе с тем делегаты съезда пришли к заключению, что «партизанская борьба станет решающим фактором в деле освобождения колумбийского народа только тогда, когда она сможет опираться на народное движение, т. е. на борьбу масс». А пока такого массового народного движения в стране нет, все усилия коммунистов должны быть направлены на организацию самообороны масс в ответ на политику виоленсии со стороны реакции⁹⁹. На съезде подверглись критике те, кто полагал, что все силы партии должны быть направлены на руководство крестьянством, которое якобы в Колумбии является авангардом революции. Съезд в своих решениях заявил, что только пролетариат и его партия способны играть организующую и руководящую роль в революции. Крестьянство является главным союзником пролетариата, но оно не может быть авангардом в силу своей неоднородности¹⁰⁰. Съезд особо подчеркнул необходимость проведения политики широкого демократического фронта, привлекая к борьбе с существующим режимом все оппозиционные силы.

Выполняя решения съезда о проведении политики широкого демократического фронта, коммунисты приняли активное участие в подготовке и проведении I национальной партизанской конференции, открывшейся в Сан-Хорхе 20 июля 1952 г.¹⁰¹ На ней присутствовали

⁹⁸ «Правда», 16.V 1952.

⁹⁹ «Treinta años de lucha...», p. 101.

¹⁰⁰ Ibid., p. 101, 102.

¹⁰¹ Ibid., p. 96; E. Franco Isaza. Op. cit., p. 287.

представители крупнейших партизанских отрядов разных политических направлений. Речь шла о лучшей организации борьбы, о разрешении проблем, связанных с экономической блокадой, которой были подвергнуты районы действия партизанских отрядов, об усилении деятельности подпольных организаций в городах. Серьезной критике подверглось руководство либеральной партии, чьи призывы к миру потерпели крах перед лицом насилий со стороны властей. Участники конференции высказались за пересмотр общего направления политики либеральной партии, считая, что ее прежняя политика не способствовала развитию революции в Колумбии ¹⁰².

Была разработана общая платформа борьбы. Она предусматривала «соединение партизанских действий с немедленным проведением демократической аграрной реформы и установлением народной власти, начиная с безотлагательного создания народных советов в контролируемых партизанами зонах» ¹⁰³. Вскоре после этого совещания, 11 сентября 1952 г., на основе выработанной платформы был принят так называемый «Закон Восточных льяносов», провозглашавший создание «администрации гражданской справедливости» с целью защиты революции, поддержания внутреннего порядка и борьбы против лиц, получающих доходы путем экономической эксплуатации ¹⁰⁴.

Таким образом, речь шла о настоящей социальной революции. Но жизнь показала, что эта программа не учитывала реальный уровень политической зрелости масс и их готовности к революции, так же как и характер партизанского движения, цели которого в основном ограничивались защитой жизни населения и его права на мирный труд. Последующие события показали, что только самые передовые в политическом отношении слои партизан пытались последовательно осуществить решения конференции. Основная же партизанская масса, находившаяся под влиянием либералов, не приня-

¹⁰² E. Franco Isaza. Op. cit., p. 287.

¹⁰³ X. Виейра. Крестьянское движение в Колумбии и Коммунистическая партия.— «Проблемы мира и социализма», 1961, № 5, стр. 35.

¹⁰⁴ G. Guzman Campos. La violencia en Colombia, t. II. Bogotá, 1964, p. 61—65.

ла их ¹⁰⁵. Внутри координационной хунты в Боготе усилились разногласия по вопросам тактики ¹⁰⁶. Ее работа была практически парализована.

Руководство либеральной партии высказалось против решений конференции. А. Лопес поспешил публично отмежеваться от них. С этой целью он написал письмо бывшему президенту-консерватору М. Осине Пересу, которое было опубликовано газетами «Эль Тьемпо» и «Эль Эспектадор». В этом письме Лопес прямо заявил, что «руководство либеральной партии не может позволить компрометировать партию участием в вооруженном мятеже... Мы не можем следовать за сеньорами Баутиста, Франко, Сальседо, Фонсека...» ¹⁰⁷ (командиры партизанских отрядов.— *Н. И.*). Вместе с тем Лопес возлагал на диктаторский режим ответственность за беспорядки и хаос, но по-прежнему видел единственный выход в умиротворении, в прекращении партизанской борьбы ¹⁰⁸.

Насколько наивны были тогда его призывы к миру, свидетельствует тот факт, что через два дня после публикации этого письма редакции «Эль Тьемпо» и «Эль Эспектадор» были разгромлены бандой консерваторов и агентами полиции, а его дом и дом К. Льераса Рестрепо (в то время возглавлявшего руководство либеральной партии) подожжены. Лопес и Льерас Рестрепо укрылись в венесуэльском посольстве, а затем эмигрировали ¹⁰⁹. Лопес обосновался в Лондоне, а Льерас Рестрепо в Мексике. За границей оказались и другие видные деятели либеральной партии: Эдуардо Сантос в Париже занимался журналистикой, А. Льерас Камарго работал в Организации американских государств, Д. Эчандиа, хотя и остался в Боготе, но отказался от участия в политической деятельности ¹¹⁰.

Таким образом, руководство либеральной партии оказалось не в состоянии возглавить борьбу демократических сил против диктаторского режима Гомеса — Урданеты Арбелаеса.

¹⁰⁵ «Treinta años de lucha...», p. 97; X. В и е й р а. Крестьянское движение в Колумбии и Коммунистическая партия, стр. 35.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Е. Франсо Исаза. *Op. cit.*, p. 290, 291.

¹⁰⁸ *Ibid.*, p. 290.

¹⁰⁹ *Ibid.*, p. 304.

¹¹⁰ *Ibid.*, p. 305.

Хотя поведение руководства либеральной партии и вызвало известное замешательство в рядах партизан, оно не поколебало решимости большинства партизанских отрядов продолжать борьбу до победного конца. Действовать приходилось в чрезвычайно сложных условиях. Постоянные бомбежки, нехватку продовольствия и голод могли вынести только самые стойкие. В результате происков правительственных агентов в междоусобной стычке были убиты опытные партизанские командиры братья Баутиста и Л. П. Парра¹¹¹. Но среди оставшихся в живых по-прежнему крепко стремление к объединению.

В начале июня 1953 г. состоялось совещание партизанских командиров с целью координации планов действий и создания единого командования¹¹². На этом совещании верховным главнокомандующим партизанских соединений был избран талантливый командир Г. Сальседо, а также создан генеральный штаб, в состав которого вошли Х. Гонсалес Оямос, Э. Франко Исаса, Х. Альвиар Рестрепо, Р. Сандоваль и К. Нейра¹¹³.

Создание единого командования в Восточных льяносах вызвало серьезное беспокойство правящих кругов, справедливо опасавшихся, что это событие послужит укреплению партизанского движения.

РАСКОЛ В ПРАВЯЩЕЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ И ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 13 ИЮНЯ 1953 Г.

Неспособность правительства покончить с партизанским движением, экономическая политика, ущемлявшая интересы колумбийской национальной буржуазии, сохранение осадного положения со всеми вытекающими отсюда последствиями послужили основными причинами возникновения недовольства режимом Гомеса -- Урдапеты в рядах самой правящей консервативной партии.

Проведение военных операций в районах действия партизанских отрядов, фактическая блокада этих областей мешали нормальному экономическому развитию

¹¹¹ E. Franco Isaza. Op. cit., p. 307—309.

¹¹² G. Guzman Campos. Op. cit., t. II, p. 79.

¹¹³ E. Franco Isaza. Op. cit., p. 314; G. Guzman Campos. Op. cit., t. II, p. 80.

страны. Отказ от протекционистской политики в угоду иностранным монополиям также вызывал растущее раздражение колумбийских предпринимателей. В консервативной партии, как известно, не однородной по своему социальному составу, обострилась фракционная борьба. Усилились разногласия относительно форм и методов управления страной.

Правительство продолжало свой реакционный курс на урезывание буржуазно-демократических свобод. Этой цели служили июльские декреты 1952 г., предоставившие губернаторам департаментов и мэрам муниципалитетов право назначения на все должности, бывшие прежде выборными. Все провинциальные университеты были поставлены под контроль правительства¹¹⁴. Эти меры не прибавили популярности режиму. Состоявшиеся в сентябре выборы в конгресс, которые либералы бойкотировали в знак протеста против продолжающихся репрессий, естественно, принесли победу консерваторам. Теперь они имели 111 мест в сенате и палате представителей, но 73 кресла, которые должны были занять депутаты оппозиционной партии, остались пустыми¹¹⁵.

Победа на выборах не упрочила положения правительства. Напротив, оно продолжало ухудшаться, и чем дальше, тем больше. Всеобщая атмосфера репрессий и насилий стала вызывать осуждение даже среди некоторых консервативных политиков, которые пришли к убеждению, что опыт двухпартийного правительства времен Оспины Переса больше отвечает интересам господствующих классов. Однако ни Гомес, ни Урданета Арбелаес и слышать не хотели о привлечении либеральных политиков к управлению страной. Напротив, они стремились еще более разжечь традиционную вражду между двумя партиями, надеясь таким путем отвлечь массы от классовой борьбы.

В подтверждение можно привести уже упомянутый разгром «Эль Тьемпо» и «Эль Эспектадор» 6 сентября 1952 г. Одновременно было подожжено помещение национального руководства либеральной партии.

Поводом к этим позорным действиям явились похороны пяти полицейских, убитых за несколько дней до этого в Ибагэ, почти за 80 миль от Боготы. Гомесовская

¹¹⁴ А. Б. Томас. Указ. соч., стр. 461.

¹¹⁵ Там же.

«Эль Сигло» в течение нескольких дней твердила, что полицейские были жертвами «либерального насилия»¹¹⁶. Убитых перевезли в Боготу и устроили им пышные похороны. После похорон группа консерваторов из 20 — 30 человек и осуществила задуманную провокацию. Все это происходило на глазах полиции, которая не подумала помешать поджогу. В этот же день нечто подобное происходило и в Букараманге, где банда консерваторов при участии секретных агентов полиции разгромила редакцию газеты «Вангвардия либераль»¹¹⁷.

Поджог «Эль Тьемпо» и «Эль Эспектадор» вызвал осуждение со стороны либеральной партии. От ее лица директор «Эль Тьемпо» Р. Гарсиа Пенья обвинил правительство в организации этого преступления¹¹⁸.

Этот инцидент получил широкую огласку не только в Колумбии, но и на всем американском континенте, причем общественное мнение было явно не на стороне колумбийского правительства. 7 сентября Межамериканская пресс-ассоциация осудила нападение на «Эль Тьемпо» и «Эль Эспектадор», обвинив в нем правительство¹¹⁹. Американский журнал «Нэйшн» также писал об ответственности колумбийского правительства, заранее позаботившегося об организации этого преступления¹²⁰, и высказывал предположение, что «за ним стояли некоторые консервативные группы в армии»¹²¹.

Разгром редакций таких влиятельных органов либеральной печати, совершенный при явном покровительстве, если не прямом участии властей, был встречен с осуждением и в рядах самой консервативной партии. Наиболее дальновидные консервативные политики, в том числе бывший президент М. Ospina Перес, осудили этот варварский акт, полагая, что он послужит обострению межпартийной борьбы вместо того, чтобы привести к консолидации сил господствующих классов перед лицом возможных социальных потрясений.

¹¹⁶ «The New York Times», 9, 10.IX 1952.

¹¹⁷ «The New York Times», 9.IX 1952.

¹¹⁸ Ibidem. Впоследствии Г. Леон Валенсия публично обвинил Х. Лейву, бывшего тогда министром общественных работ, в организации этого погрома (см.: P. M. Holt. Colombia today and tomorrow. London, 1964, p. 69).

¹¹⁹ «The New York Times», 9.IX 1952.

¹²⁰ «Nation», 1952, 8.XI, p. 423.

¹²¹ Ibid., p. 424.

События 6 сентября усугубили разногласия между отдельными группами консерваторов¹²², которые с разных позиций критиковали правительство. Сторонники бывшего президента Оспины Переса, отражая настроения деловых кругов, усилили критику режима Гомеса — Урданеты, так как убедились, что он не пойдет на примирение с руководством либеральной партии. А это означало продолжение партизанской борьбы и, следовательно, блокады зон военных действий, препятствующей нормальной деловой активности, не говоря уже о том, что партизанское движение могло перерасти в социальную революцию.

Помимо этой группировки — так называемых оспинистов, — в консервативной партии к концу 1952 г. оформилась другая группировка, во главе с Х. Альсате Авенданьо. Сторонники последнего не были согласны с точкой зрения оспинистов относительно необходимости привлечения либеральных деятелей к участию в правительстве, но они выступали в поддержку требования либералов об отмене цензуры печати. Альсатисты также были недовольны правительством, критикуя его за посылку войск в Корею и за политику тесного сотрудничества с США. Крайне правое крыло консерваторов-лауреанистов возглавляли Л. Гомес и его сын А. Гомес Уртадо, и только они являлись надежной опорой правительства Урданеты¹²³.

Разногласия между тремя группировками в консервативной партии начали приобретать все более острый характер после того, как лауреанисты задумали провести конституционную реформу. Образцом для нее служили фашистские конституции Франко и Салазара. Комиссию по подготовке конституционной реформы возглавил сам Л. Гомес. Разработанный ею проект реформы предоставлял большие полномочия президенту. Он становился фактическим диктатором. Всеобщее и прямое голосование отменялось, вместо него предполагалось голосование специальных выборщиков. Значительно сокращались полномочия департаментских собраний и муниципальных советов. Восстанавливались прежние

¹²² V. L. Fluharty. Op. cit., p. 129.

¹²³ А. Б. Томас. Указ. соч., стр. 462; «Nation», 1952, 8. XI, p. 425; «The New York Times», 13.V 1953; V. L. Fluharty. Op. cit., p. 128.

права католической церкви в управлении государством. Проект предусматривал запрещение деятельности «международных партий», к которым реакция относила Коммунистическую партию Колумбии. Что касается положения прессы, то проект новой конституции ставил ее под прямой контроль правительства. Одна из его статей, например, предусматривала конфискацию имущества лиц, ответственных за публикацию материалов, «нарушающих общественный порядок»: другая объявляла изменником того, кто опубликует что-либо враждебное правительству за границей¹²⁴.

Даже беглое знакомство с этим проектом не оставляло сомнения, что колумбийская реакция стремилась навязать стране такую конституцию, которая бы обеспечила сторонникам Л. Гомеса длительное пребывание у власти.

Однако этот проект вызвал резкую критику даже в среде самих консерваторов, не говоря уже о либералах. Консервативную оппозицию против конституционной реформы возглавил Оспина Перес. В начале января 1953 г. на массовом митинге в Кали он открыто выступил против Гомеса и его конституционной реформы. Лозунги умиротворения нации и возвращения политических беженцев, выдвинутые Оспиной, были встречены с большим сочувствием в самых различных слоях колумбийского общества, уставшего от политики террора и политических преследований¹²⁵. И когда в середине февраля гомесовский проект реформы был поставлен на обсуждение в конгрессе, он был провален оспинистами. Тогда через месяц правительство провело частичные перевыборы конгресса с единственной целью убрать оттуда недовольных консерваторов¹²⁶.

Раскол в правящей партии тем временем продолжал углубляться. В начале апреля 1953 г. Оспина Перес

¹²⁴ «Treinta años de lucha...», p. 104, 105; M. Puentes. Op. cit., p. 641; V. L. Fluharty. Op. cit., p. 131, 132.

¹²⁵ По подсчетам председателя Колумбийского Красного Креста Х. Бехарано, с 1948 по 1953 г. полиция и армия под командованием Г. Рохаса Пинильи сожгли около 12 тыс. жилищ, уничтожили 30 деревень, лишили крова более 80 тыс. человек, 100 тыс. человек стали жертвами террора и репрессий (см.: С. А. Голлп-онский. Очерки новой истории стран Латинской Америки, стр. 191).

¹²⁶ «Treinta años de lucha...», p. 103.

выставил свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах. Это было прямым вызовом Гомесу, но последний, чтобы затруднить Осине Пересу проведение избирательной кампании, ловко воспользовался теми декретами, которые издал сам Осина после введения осадного положения в 1949 г. Осине Пересу было запрещено проводить митинги, строжайшая цензура сделала невозможным использование прессы в целях пропаганды. Газетам было запрещено даже упоминать имя Осины Переса. За нарушение запретов то одна, то другая газета подвергались штрафам и конфискациям¹²⁷.

Против Осины Переса были мобилизованы все средства пропаганды — правительственная пресса и радио на все лады трубили о достижениях правительства в умиротворении страны, превознося роль Гомеса и его политику «сильной руки»¹²⁸. На Осину Переса посыпались обвинения в предательстве за поиски соглашения с руководством либеральной партии, что квалифицировалось как угроза колумбийской свободе¹²⁹. С таким обвинением по радио выступил сам Л. Гомес. Одновременно он спешил открыть заседания так называемой Конституционной ассамблеи, которая должна была решить вопрос о новой конституции. Большинство ее членов было специально подобрано Гомесом, чтобы обеспечить принятие конституции. Однако деятельность оппозиции, считающей, что сохранение старой конституции с некоторыми буржуазными свободами вовсе не мешает господству буржуазии, вынуждало лауреанистов откладывать открытие ассамблеи со дня на день.

В конце апреля 1953 г. ушел в отставку с поста генерального прокурора А. Копете, назначенный на эту должность самим Гомесом еще в июле 1951 г. Он заявил, что его отставка вызвана «недовольством политикой существующего правительства»¹³⁰. Это свидетельствовало о том, что кризис в правящих кругах начал принимать угрожающие размеры. Министры грозили Урданете отставкой, если Гомес будет настаивать на открытии заседаний Конституционной ассамблеи, и так как

¹²⁷ V. L. Fluharty. Op. cit., p. 136

¹²⁸ Ibid., p. 134.

¹²⁹ Ibid., p. 136.

¹³⁰ V. L. Fluharty. Op. cit., p. 136.

последний назначил новый срок ее открытия — 15 июня, то в начале мая весь кабинет в полном составе ушел в отставку. Урданете потребовался почти месяц, чтобы сформировать новое правительство¹³¹. Однако в его составе оказались некоторые участники зревшего антиправительственного заговора. К их числу принадлежал Л. Пабон Нуньес, занявший пост военного министра¹³².

Дело в том, что сторонники Оспины Переса, учитывая реальные возможности лауреанистов — своих главных политических противников — и враждебную позицию альсатистов — другой группировки в консервативной партии, — стали искать поддержки в армии, рассчитывая с ее помощью произвести государственный переворот и захватить власть. Эта идея пришла по душе некоторым представителям военщины, лелеявшим мысль об активном участии армии в политической жизни страны. Начальник генерального штаба Г. Рохас Пинилья возглавил подготовку к перевороту.

Необходимым условием его успешного осуществления было создание в стране такой обстановки, которая лишила бы массы всякой возможности принять участие в решении судеб нации. Поэтому реакционная военщина, готовя заговор против режима Гомеса — Урданеты, в то же время всячески поощряла и толкала его на расправу со всеми уцелевшими демократическими организациями. На компартию, находившуюся фактически на нелегальном положении, посыпались новые удары. Был совершен налет на типографию, где с большим трудом удавалось печатать орган партии «Вангвардия дель пуэбло» и некоторые книги. Типография была закрыта, а Ф. Барреро, руководивший изданием газеты, арестован. «Голос Америки» тогда хвастливо заявил, что идея нападения на типографию принадлежала американским военным советникам¹³³. За этим преступным актом последовали массовые аресты всех, кого подозревали в принадлежности к компартии, а также членов и руководителей профсоюзов в различных городах страны.

В конце февраля 1953 г. в Хирардоте был арестован старейший деятель рабочего движения, один из

¹³¹ «Neue Zürcher Zeitung», 28.V 1953.

¹³² Ibidem.

¹³³ «Treinta años de lucha...», p. 105.

основателей Коммунистической партии Колумбии, Анхель Мария Кано. Военный патруль в составе лейтенанта Эскаланте, сержанта — шофера Г. Рохаса Пинильи и одного солдата вывел арестованного за город, жестоко пытал его, убил, а затем обезображенный труп бросил в реку Сумапас¹³⁴. В это же время был арестован и предан военно-полевому суду Генеральный секретарь компартии Х. Виейра. Ему было предъявлено обвинение в «моральном соучастии в преступной ассоциации» крестьян Виоты. Организаторы этого позорного судилища пытались опорочить Генерального секретаря и всю компартию, приписав им участие в уголовных преступлениях. Однако они просчитались. Процесс стал средством разоблачения произвола властей против крестьян Виоты, вынужденных в связи с этим прибегнуть к организации самообороны. Судьи вынуждены были снять с них обвинение в бандитизме. Х. Виейра был оправдан¹³⁵. Но репрессии против компартии не прекратились. Служба безопасности, заслав в партию шпионов, обнаружила и разгромила подпольную типографию, где печаталась «Ла Вердад». Были захвачены важные партийные документы. Последовала новая волна арестов¹³⁶. Многие коммунисты оказались за решеткой в тот момент, когда реакционная военщина готовилась захватить власть.

Развитие событий было ускорено раскрытием так называемого заговора Эчаварриа в конце мая — начале июня 1953 г. Некий медельинский промышленник Ф. Эчаварриа подкупил одного сержанта с целью покушения на генерала Рохаса и еще нескольких деятелей консервативной партии. Но сержант рассказал обо всем Рохасу, и Эчаварриа был арестован. Дело получило широкую огласку. Так как было известно, что Гомес подозревал о симпатиях Рохаса Пинильи к его политическому противнику, сторонники Оспины Переса обвинили Гомеса в организации готовившегося покушения, полагая, что таким путем он стремился лишить Оспину Переса поддержки в армии.

И действительно, после ареста Эчаварриа Гомес и его сыновья всеми средствами пытались добиться ос-

¹³⁴ «Treinta años de lucha...», p. 106; «Voz de la Democracia» [Bogotá], 9. V 1959.

¹³⁵ «Treinta años de lucha...», p. 107.

¹³⁶ Ibid., p. 108.

Х. ВИЕЙРА

вобождения арестованного. Когда этого сделать не удалось, они объявили его сумасшедшим, чтобы помешать расследованию, начатому сторонниками Рохаса.

Лауреанисты в свою очередь развернули широкую кампанию против Рохаса, заявляя, что «заговор Эчаварриа» не что иное, как провокация, задуманная самим генералом Рохасом, чтобы опорочить Гомеса. Когда шум вокруг этой темной истории достиг угрожающих размеров, а до открытия заседаний Конституционной ассамблеи, которая должна была утвердить новую конституцию, оставалось несколько дней, Гомес потребовал от президента Урданеты и его военного министра Л. Пабона Нуньеса немедленной отставки генерала Рохаса с поста начальника генерального штаба. Пабон Нуньес — сторонник Рохаса — отказался выполнить это требование. Урданета Арбелаес побоялся противопоставить себя армии и также отказался выполнить это требование. Тогда взбешенный Гомес, забыв о своем больном сердце, заявил, что он возвращается к исполнению президентских обязанностей. Сместив таким образом Урданету, Гомес снял и непокорного военного министра, заменив его своим сторонником Х. Лейвой.

12 июня Лейва в сопровождении нескольких генералов отправился в батальон «Кальдас», расположенный в пределах столицы, потому что опасался, что он открыто выступит в поддержку Рохаса (там было много его сторонников). Подозрения Лейвы подтвердились. Командир батальона и другие офицеры отказались признать нового военного министра и арестовали его. Прибывший туда к этому времени генерал Рохас вызвал в город дополнительные войска. Ночью в Боготу вошли танки и окружили президентский дворец. На следующее утро, 13 июня 1953 г., без единого выстрела сторонники генерала Рохаса захватили резиденцию президента. Л. Гомес оказался под домашним арестом. Рохас объявил себя временным президентом страны¹³⁷. В состав его правительства вошли одни военные и по-прежнему только консерваторы. Важнейшие посты заняли министры свергнутого правительства Л. Гомеса (речь идет о министрах юстиции, финансов, горной и нефтяной промышленности). Министром внутренних дел стал бывший военный министр Л. Пабон Нуньес.

Такой состав правительства генерала Рохаса свидетельствовал, с одной стороны, о том, какие высокие сферы участвовали в заговоре против Гомеса, а с другой,— что никаких особых изменений в области внутренней политики не произойдет¹³⁸.

Между тем массам, не искушенным в политике и уставшим от многолетней межпартийной грызни и бесконечных преследований по партийным мотивам, генерал Рохас показался стоящим над партиями. Они поверили тому, что новое правительство положит конец террору и преследованиям, и приветствовали нового президента с его демагогическими лозунгами: «Не будет больше крови! Не будет больше грабежей!»¹³⁹

Так без лишнего шума и главное без участия масс одна группировка господствующих классов сменила другую у кормила государственной власти.

¹³⁷ «Neue Zürcher Zeitung», 15.VI 1953; «The New York Times», 15.VI 1953; «Newsweek», 1953, 22.VI, p. 46; E. Franco Isaza. Op. cit., p. 314, 315; M. Puentes. Op. cit., p. 642; V. L. Fluharty. Op. cit., p. 137, 138.

¹³⁸ «Neue Zürcher Zeitung», 16. VI 1953. Л. Пабон Нуньес, будучи военным министром в правительстве Урданеты Арбелаеса, бросил армию на подавление партизанского движения.

¹³⁹ E. Franco Isaza Op. cit., p. 315.

**БОРЬБА ОППОЗИЦИОННЫХ СИЛ
ПРОТИВ ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ
Г. РОХАСА ПИНИЛЬИ (1953—1957 ГГ.)**

Свержение правительства Л. Гомеса не было неожиданностью для американских правящих кругов. Они были в достаточной степени осведомлены о растущей непопулярности его внутривластного курса, переставшего пользоваться поддержкой даже среди влиятельных кругов консервативной партии. Такое положение явно свидетельствовало о том, что дни Гомеса сочтены. В этих условиях государственному департаменту США не имело смысла продолжать кампанию восхваления гомесовского режима в прессе, как это делалось раньше. Тон американской печати резко изменился. Она вдруг заговорила о существовании в Колумбии настоящей диктатуры, о преследованиях демократов, об отсутствии каких-либо гарантий для жизни и имущества колумбийских граждан. Интересно, что 13 июня 1953 г., в день военного переворота в Боготе, «Нью-Йорк таймс» выступила со статьей, в которой пожелавший остаться неизвестным автор не постеснялся в выражениях при характеристике гомесовского режима. Он откровенно сожалел, что дружественная США нация, единственная, пославшая свои войска в Корею, вынуждена жить в условиях «фанатичной диктатуры Лауреано Гомеса, осадного положения, строжайшей цензуры, настоящей гражданской войны в некоторых районах и всеобщей атмосферы репрессий и насилия»¹.

¹ «The New York Times», 13.V 1953.

В заключение статьи, как будто с целью подготовки читателей к переменам в колумбийском правительстве, говорилось: «Те, кто хочет вновь видеть Колумбию демократической страной, должны надеяться, что Оспина Перес или кто-то другой одержит победу»².

Когда стало известно, что Гомес смещен со своего поста генералом Рохасом Пинильей, которого в США считали своим человеком³, американская печать в весьма благожелательном тоне прокомментировала это событие. Она подчеркивала бескровный характер переворота и отмечала заявление нового правительства о том, что Колумбия будет уважать свои международные обязательства. Приветствие, посланное Рохасом Пинильей колумбийским войскам в Корею⁴, было с удовлетворением встречено в государственном департаменте, который расценил этот шаг как первое подтверждение намерения колумбийского правительства сохранить прежний, проамериканский курс. Располагая определенным влиянием в колумбийской армии, государственный департамент рассчитывал даже, что новый режим пойдет на дальнейшее укрепление связей с США. И действительно, американскому правительству удалось добиться заключения с Колумбией очень выгодных для себя военных и экономических договоров.

Уже в ноябре 1954 г. вступило в силу соглашение об американских военных миссиях в колумбийской армии⁵.

Отныне Пентагон и ЦРУ могли получать практически любые интересующие их сведения о состоянии вооруженных сил Колумбии. Однако и этого им показалось мало, потому что штат таких миссий был все-таки ограничен.

Тогда 13 июля и 16 сентября 1955 г. были заключены новые соглашения об американских военных советни-

² «The New York Times», 13.V 1953.

³ Рохас Пинилья получил военное образование в США, входил в Межамериканский совет обороны и был тесно связан с кругами, проводившими проамериканскую политику в Колумбии (С. А. Гонионский. Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. М., 1964, стр. 191).

⁴ «Newsweek», 1953, 22.VI, p. 46.

⁵ US Treaties. Naval, army, and air missions to Colombia. Agreement between the United States of America and Colombia... Entered into force november 4, 1954. Washington, 1955.

ках в колумбийской армии⁶, которые значительно расширили поле деятельности американской разведки.

Завоевав столь важные позиции в колумбийской армии, американский империализм добился значительных уступок и в экономической области. После длительных переговоров колумбийское правительство согласилось гарантировать американские капиталовложения от национализации⁷. Таким образом заветное желание американских дельцов, осуществления которого не удалось добиться ни при Ospina Perese, ни при Л. Гомесе, было, наконец, осуществлено при Рохасе Пинилье.

Многочисленные соглашения о техническом сотрудничестве в отдельных отраслях экономики, в области здравоохранения, гражданской авиации и даже метеослужбы наряду с уже заключенными ранее увеличивали зависимость колумбийской экономики от американских монополий, не говоря уже о том, что они предоставляли США неограниченные возможности для разного рода шпионажа.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА Г. РОХАСА ПИНИЛЬИ

Колумбийская буржуазия на первых порах приветствовала военный переворот. Она рассчитывала, что генерал Рохас обеспечит ей политическую стабильность, которой не смог добиться Л. Гомес. И действительно в первое время новый режим достиг некоторых успехов в умиротворении страны. Это создавало известный престиж правительству. Заявления генерала Рохаса о покровительстве иностранному капиталу наравне с национальным⁸ были встречены с удовлетворением колумбийской буржуазией и американскими деловыми кругами. Однако содержание разбухшего государственного аппарата, увеличение армии и ее перевооружение сразу же потребовали много денег. Правительство, стремясь решить эту проблему, а заодно создать себе

⁶ US Treaties. Military assistance advisory group. Agreement between the United States of America and Colombia... Signed at Bogotá July 13 and September 16, 1955. Washington, 1956.

⁷ US Treaties. Guaranty of private investments. Agreement between the United States of America and Colombia... Signed at Washington, July 14 and 18, and November 18, 1955. Washington, 1955.

⁸ «Chicago Daily News», 31.VIII 1953.

авторитет защитника народных интересов, уже в октябре 1953 г. увеличило налоги на крупные промышленные предприятия почти на 25 процентов⁹. Промышленники были буквально потрясены этой мерой.

Выступая с речью в Национальной конституционной ассамблее в августе 1954 г., Рохас Пинилья вновь коснулся вопроса о введении новых налогов и принудительных займов для крупных налогоплательщиков¹⁰. Правительство постоянно нуждалось в деньгах, ибо на содержание военно-бюрократической машины уходили баснословные суммы. Дорвавшаяся до власти военная камарилья спешила набить карманы за государственный счет. В многочисленных правительственных магазинах, полностью освобожденных от налогов, «представители власти, полиции, правительства и «крысиный хвост их друзей и знакомых могли снабжаться всем, начиная от булавки до кадильяка, по ценам, которые не были ни в каком соответствии с непрерывно растущей стоимостью жизни для простых смертных»¹¹. В результате уже в конце 1954 г. валютный резерв Банка республики полностью истощился и была приостановлена уплата долгов и выплата дивидендов¹².

Весь следующий, 1955 год прошел под знаком борьбы с финансовым кризисом. Уже в феврале были введены ограничения на импорт. Товары, разрешенные к импорту, делились на шесть категорий, каждая из которых облагалась определенными очень высокими пошлинами.

И все же итоги 1955 г. были плачевны. Задолженность американским экспортерам возросла с 13 млн. долл. на конец 1954 г. до 183 млн. долл. на 1 января 1956 г. В течение десяти месяцев 1956 г. она увеличилась еще на 100 млн. и достигла 285 млн. долл.¹³ Недовольные введением ограничений на импорт, американские монополии решили прибегнуть к экономическому давлению, чтобы заставить правительство генерала Рохаса отказаться от этих мер. Они потребовали ликвидации в течение года всей колоссальной задолженности американским экспортерам. Эта экономическая диверсия дорого стоила ко-

⁹ «The Christian Science Monitor», 12.X 1953.

¹⁰ «Neue Zürcher Zeitung», 24.VIII 1954.

¹¹ «Neue Zürcher Zeitung», 2.III 1955.

¹² Ibidem.

¹³ «Wall Street Journal» [New York], 1956, 7.XI; «Journal of Commerce», 1956, 6.IV.

лумбийской экономике. В течение 1956 г. ее буквально лихорадило из-за поспешных мер, предпринятых правительством Рохаса, чтобы избежать финансового краха. За год сменилось несколько министров экономики. Одни мероприятия следовали за другими. Но общее направление экономической политики правительства заключалось в резком сокращении импорта. Был введен новый список запрещенных к ввозу товаров. Он достиг 454 наименований и включал автомобили, некоторые виды железа и стали, химические продукты, одежду, фармацевтические товары, изделия электрической промышленности и все предметы роскоши. Правительство заявило, что оно сократит военные закупки в США и заключит соглашения о товарообмене с другими странами, чтобы иметь сбалансированный бюджет¹⁴. На 900 групп товаров были введены высокие налоги¹⁵. Все эти меры, конечно, не могли не вызвать недовольства у деловых кругов США, колумбийский рынок для которых фактически сильно сокращался.

Чтобы расплатиться с долгом, правительство решило кое-что переложить и на колумбийскую буржуазию. Банк республики отказался обменивать песо на доллары по официальному курсу, и колумбийским импортерам пришлось покупать доллары на «черном» рынке по цене, доходившей до пяти—семи песо за доллар при официальном курсе обмена в два с половиной песо. Таким путем крупной буржуазии пришлось выплатить 70 млн. долл.¹⁶, что, конечно, сильно ударило по ее карману. Кроме того, было введено правило, в силу которого при получении лицензии на импорт какого-либо товара импортер обязан был внести залог в размере 40—60 процентов от стоимости товара. Залог возвращался лишь через пять-шесть месяцев при его получении. Это давало правительству возможность распоряжаться на протяжении полугода суммой приблизительно в 200 млн. песо¹⁷.

Помимо этого правительство заявило, что будут приняты меры для возвращения в страну более 250 млн. долл.,

¹⁴ «Wall Street Journal», 1956, 7. XI.

¹⁵ «Journal of Commerce», 1956, 22. XI.

¹⁶ «The New York Times», 15. XI 1956.

¹⁷ «Neue Zürcher Zeitung», 21. VI 1956.

помещенных колумбийскими гражданами за границей в иностранные банки¹⁸. Все это вызывало недовольство крупной колумбийской буржуазии, и так чрезвычайно раздраженной ростом налогов на капитал (были увеличены налоги на капиталы с доходом свыше 12 тыс. песо и введены налоги для филиалов банков и страховых компаний в провинциях)¹⁹.

Введение лицензий на импорт привело к спекуляциям и контрабанде, на которой обогащались друзья и родственники Рохаса Пинильи. Впоследствии либеральный еженедельник «Семана», включившись в кампанию по разоблачению деятельности бывшего президента, приводил баснословные цифры взяток, которые, по его сведениям, получили члены семьи генерала Рохаса за сокрытие фактов контрабанды и заключение выгодных контрактов. Этот же журнал писал также, что и сами члены семьи Рохаса наживали целые состояния на контрабандном вывозе кофе и скота, не брезговали приобретением недвижимости по явно заниженным ценам, укрываем от налогов и т. п.²⁰

В результате состояние Рохаса Пинильи и его семьи только за два с половиной года его пребывания у власти увеличилось с 194,5 тыс. песо на 31 декабря 1952 г. до 2738 тыс. песо на 31 декабря 1955 г., т. е. в 14 раз²¹.

ОБОСТРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В СТРАНЕ

Массы, уставшие от засилья консерваторов и дезориентированные позицией руководства либеральной партии и правых социалистов, связывавших с установлением военного режима решение всех колумбийских проблем, не выступили против военного переворо-

¹⁸ «Journal of Commerce», 1956, 17. X.

¹⁹ V. L. Fluharty. Dance of the millions. Pittsburgh, 1957, p. 237, 238.

²⁰ «Semana» [Bogotá]. 1957, 12—19. VII, p. 7.

²¹ «Semana» [Bogotá], 1958, 22. VII, p. 17. Вскоре после бегства Рохаса Пинильи из Колумбии, в мае 1957 г., мексиканская газета «Эксельсиор» писала, что в различных банках у его семьи лежит около 80 млн. долл. (см. М. В. Данилевич. Рабочий класс в освободительном движении народов Латинской Америки. М., 1962, стр. 30).

та. Рохас Пинилья показался им стоящим вне партийной борьбы, жертвой которой, по подсчетам бывшего президента страны А. Лопеса, стали к 1953 г. 240 тыс. колумбийцев²². Они поверили обещаниям нового правительства покончить с преследованиями по политическим мотивам, восстановить в стране мир и порядок. Однако события показали, насколько власти были далеки от выполнения своих обещаний. Многолетняя ожесточенная межпартийная борьба не могла не оказать влияния на колумбийскую молодежь и прежде всего студенчество. Его вовлечение в политическую жизнь страны было неизбежным. И к середине 50-х годов оно стало фактом.

Студенты выступали с такими общеполитическими требованиями, как свобода слова, прекращение преследований по политическим мотивам. Они протестовали против расовой, социальной и религиозной дискриминации, требовали восстановления в учебных заведениях практики замещения должностей по конкурсу, что лишило бы власти возможности изгонять из университетов демократически настроенных преподавателей. Студенчество чрезвычайно волновала такая острая для Колумбии проблема, как неграмотность населения. Она грозила принять еще большие размеры, потому что почти половина детей школьного возраста в те годы оставалась вне школы. Студенты возлагали вину за такое положение на правительство, не выполнявшее 41-ю статью конституции об обязательном начальном образовании, и предпринимателей, уклонявшихся от выполнения трудового кодекса, который обязывал владельцев предприятий с капиталом свыше 800 тыс. песо иметь технические курсы для рабочих и школы для их детей.

Растущая политическая активность студенческой молодежи начала беспокоить колумбийскую реакцию, которая ждала случая, чтобы нанести удар по студенческому движению. Он скоро представился.

8 июня в Колумбии считается днем траура в память жертв студенческой демонстрации, расстрелянной в Боготе по приказу диктатора Абадиа Мендеса в 1929 г. Ежегодно в этот день проводятся студенческие митинги и траурные шествия. Такое шествие с разрешения вла-

²² G. Guzman Campos. La violencia en Colombia, t. I. Bogotá, 1963, p. 292, 293.

стей происходило и 8 июня 1954 г. Оно прошло без всяких инцидентов, однако после полудня в университетский городок Боготы явно с провокационной целью прибыла полиция и потребовала, чтобы студенты оставили его. Они отказались это сделать. Тогда офицер приказал открыть огонь. Один студент был убит, а несколько ранены. Весть о применении огнестрельного оружия против безоружных студентов быстро распространилась по городу. О ней сообщили все вечерние и утренние газеты. Тогда, чтобы замять этот инцидент, генерал Рохас выразил сожаление по поводу случившегося и принял на казенный счет похороны убитого юноши. Но были приняты и другие меры. Когда на следующий день мирная студенческая демонстрация направилась к президентскому дворцу, чтобы выразить протест против убийства своего товарища, она была встречена армейским заслоном, в состав которого, очевидно не случайно, вошли солдаты, только что вернувшиеся из Кореи²³. Для них расправа с мирным населением стала делом привычным. И когда по требованию офицера студенты отказались разойтись, загрели выстрелы. Солдаты в упор расстреливали безоружных студентов. Тринадцать человек были убиты, 23 ранены²⁴.

В момент расправы с участниками демонстрации сам Рохас Пинилья находился в нескольких минутах ходьбы от места расстрела, а военный министр Габриэль Парис наблюдал происходящее из окна дома в нескольких метрах от места действия. Но ни тот, ни другой и не подумали вмешаться, чтобы остановить кровопролитие. В докладе, представленном генералу Рохасу, Парис утверждал, что студенты первые напали на солдат, и последние применили огнестрельное оружие якобы в целях самозащиты²⁵.

Однако сотни людей, оказавшихся свидетелями кровавой трагедии, своими глазами видели, как все происходило, и поэтому попытки властей снять с себя ответ-

²³ M. Puentes. Historia del Partido Liberal Colombiano. Bogotá, 1961, p. 644. Речь идет не об отзыве колумбийских войск из Кореи, а о простой замене состава.

²⁴ L. E. Agudelo Ramirez, R. Montoya y Montoya. Los guerrilleros intelectuales. Cartas, documentos informaciones que prohibió la censura. Medellín, 1957, p. 17—21; «Neue Zürcher Zeitung», 15.VI 1954.

²⁵ M. Puentes. Op. cit., p. 643.

ственность за это кровавое злодеяние только усилили возмущение против правительства.

А власти прибегли к давно испытанному средству, объявив, что ответственность за этот инцидент несут коммунисты и лауреанисты, якобы спровоцировавшие столкновение студентов с войсками. Абсурдное обвинение коммунистов было немедленно подхвачено реакционной прессой, особенно американской, которая, захлебываясь от восторга, писала о репрессиях против КП Колумбии²⁶.

Некоторые европейские газеты, напротив, ссылаясь на слабое влияние коммунистов в массах, выражали сомнение в справедливости обвинений компартии. Так, например, швейцарская «*Нойе цюрхер цайтунг*» писала, что предположение о вине коммунистов «кажется маловероятным», и возлагала ответственность на сторонников Л. Гомеса²⁷. Для этого утверждения были достаточные основания, учитывая широкоизвестную террористическую деятельность лауреанистов. Однако то, что ни Рохас Пинилья, ни его военный министр не вмешались, чтобы остановить кровопролитие, предоставив событиям развиваться своим чередом, и то, что Рохас Пинилья отказался расследовать преступление, оставив виновных безнаказанными²⁸, наводит на мысль, что само правительство или тесно связанные с ним люди были замешаны в этом деле и поэтому оно не хотело, чтобы компрометирующие его факты стали достоянием гласности. Чтобы ее избежать, была введена строгая цензура на сообщения газет и радио²⁹. Но было уже поздно. О кровавой расправе со студентами уже знали повсюду. И везде этот произвол вызывал всеобщее осуждение. О нем говорили в среде интеллигенции и буржуазных политиков и в рабочих кварталах. В знак протеста против произвола властей ушел в отставку ректор Национального университета. Его заменил полковник действительной службы — и это было весьма символическое назначение.

Ушел в отставку член Верховного суда Аранго Велес, правый либерал, активно поддерживавший Оспину Пе-

²⁶ «*New York Journal-American*», 11. VI 1954; «*Daily Mirror*» [New York], 17. VI 1954.

²⁷ «*Neue Zürcher Zeitung*», 15. VI 1954.

²⁸ M. Puentes. *Op. cit.*, p. 644.

²⁹ «*Neue Zürcher Zeitung*», 15. VI 1954.

реса после апрельских событий 1948 г. Но в сложившейся ситуации даже он предпочел отставку. 13 июня, ровно через год после «славного, бескровного переворота» весь кабинет министров подал в отставку, чтобы снять с себя ответственность за расправу над студентами. Однако Рохас не принял отставки правительства³⁰. Но сам факт чуть не возникшего правительственного кризиса всего через год после прихода к власти нового режима весьма показателен, — ведь среди членов правительства были только представители военщины и консерваторы.

Таким образом, события 9 июня 1954 г. имели для Рохаса Пинильи самые неожиданные последствия. Как справедливо отмечала швейцарская пресса, «расстрел 9 июня уменьшил преданность народа генералу»³¹. Иллюзии относительно миротворческой роли армии начали рассеиваться. Диктатура показала свое истинное лицо, и оно оказалось малопривлекательным. Расстрел 15—17-летних юношей вызвал законное возмущение во всех слоях колумбийского общества.

Варварская расправа с безоружными студентами по времени почти совпала с реакционным переворотом в Гватемале. Колумбийская пресса много писала о нем, причем либеральные газеты не скрывали своего разочарования позицией Вашингтона и «Юнайтед фрут» в этом деле. Швейцарская печать отмечала, что «широкие круги колумбийской общественности верят во вмешательство США в гватемальские дела. Воскрешается призрак империализма янки»³². Это, на первый взгляд, не имевшее никакого отношения к колумбийским делам событие оказало известное влияние на отношение общественности к режиму Рохаса Пинильи, с момента прихода к власти постоянно подчеркивавшего свою дружбу с США. Поэтому тень от той неблагоприятной роли, которую сыграл американский империализм в гватемальских делах, пала и на Рохаса Пинилью. Общественное мнение начало складываться не в его пользу. Почувствовав первые признаки этой смены настроений, Рохас и не подумал изменить свою политику. Напротив, при первом же удобном случае он решил продемонстрировать всю мощь своего режима. С этой целью в годов-

³⁰ «Neue Zürcher Zeitung», 28. VII 1954.

³¹ Ibidem.

³² Ibidem.

щину своего избрания на пост президента Рохас приказал провести военные маневры. В Боготу были введены воинские части. Жителям столицы было запрещено появляться на улицах, было введено всеобщее затемнение, телефон выключен, а войска заняли все радиостанции. И хотя это длилось всего полчаса³³, однако должно было послужить красноречивым предупреждением тем, кто начал проявлять недовольство правительством.

А положение складывалось так, что Рохасу Пинилье было над чем задуматься. Консервативную партию, которая, казалось, должна была бы быть верной опорой его правительству, раздирали противоречия. В их основе лежало недовольство той части крупной буржуазии, которая прежде получала свои прибыли от импорта, а теперь в связи с его резким сокращением потеряла их. Уничтожение всех прежде выборных органов самоуправления в департаментах и замена их чиновниками, назначенными самим генералом Рохасом, также вызывали раздражение даже привилегированных слоев общества методами военно-полицейского государства.

«Умеренные» круги консервативной партии, выступавшие против лауреанистов и на первых порах поддерживавшие Рохаса Пинилью, теперь раскололись на две фракции. Оспинисты во главе с бывшим президентом страны М. Оспиной Пересом перешли в оппозицию к Рохасу Пинилье, недовольные его экономической политикой и разочарованные его нежеланием сотрудничать с представителями либеральной партии в правительстве. Самостоятельной фракцией оказалась та часть консерваторов, которая осталась верной военному режиму. Ее возглавлял министр внутренних дел в правительстве Рохаса Л. Пабон Нуньес³⁴, и она имела свое особое руководство в лице Национального комитета консервативного союза. К лауреанистам и оспинистам, перешедшим в оппозицию к правительству Рохаса, присоединились и альсатисты, недовольные уничтожением местных органов самоуправления и усиливающейся цензурой.

Положение в либеральной партии через некоторое время после военного переворота напоминало ситуацию,

³³ «The New York Times», 16.IX 1955.

³⁴ «Semana» [Bogotá], 1957, .11. II, p. 11; «The New York Times», 27. II 1955; V. L. Fluharty. Op. cit., p. 128.

сложившуюся у консерваторов. Сначала они приветствовали переворот. Находившиеся за границей либеральные деятели вернулись в Колумбию и заявили о поддержке нового режима, полагая, что с прежним произволом по отношению к членам либеральной партии будет покончено и что либеральные лидеры смогут принять участие в правительстве. Однако ни один либерал в него не попал, и это было первым разочарованием. Тем не менее иллюзии относительно военного правления оказались настолько живучими, что еще на протяжении длительного времени в либеральной партии оставалось много сторонников Рохаса Пинильи, влияние которых было настолько сильным, что они смогли захватить руководство партией. Это руководство неизменно выступало в поддержку всех мероприятий Рохаса. Даже зверская расправа со студенческой демонстрацией в Боготе 9 июня 1954 г. не вызвала у него иной реакции, кроме сожалений, которые были высказаны вслед за лицемерным заявлением Рохаса. Руководство партии оставалось на этих позициях примерно еще год после кровавых событий 1954 г. Об этом красноречиво свидетельствовал манифест, опубликованный в феврале 1955 г. В манифесте руководство призывало всех либералов к сотрудничеству с правительством Рохаса Пинильи. Однако к этому времени эта позиция сотрудничества уже пришла в столкновение с мнением некоторых влиятельных кругов либеральной буржуазии, разочарованных экономической политикой генерала Рохаса и его упорным нежеланием привлечь руководящих деятелей либеральной партии к участию в правительстве. Свидетельством таких разногласий явились статьи в газете «Эль Эспектадор», серьезно критиковавшие деятельность правительства в экономической области³⁵. Они знаменовали собой начавшуюся переориентацию самой массовой партии, которая, правда, еще не затронула ее руководства. Об этом говорит майское заявление 1955 г., где партийные лидеры приветствовали начало карательных операций против крестьянских отрядов самообороны в департаменте Толима³⁶. Однако оппозиционные настроения в среде либералов приобретали все большие размеры по мере

³⁵ «The New York Times», 24.II 1955.

³⁶ V. L. Fluharty. Op. cit., p. 273.

того, как становились ясными цели и методы действия военщины.

Сознавая, что его правительство не сможет долго удержаться у власти, не имея опоры среди гражданского населения, Рохас Пинилья пытался преодолеть растущее недовольство господствующих классов путем создания антикоммунистического блока. Стремясь опорочить компартию, власти взвалили на нее ответственность за расстрел мирной студенческой демонстрации 9 июня 1954 г. Выполняя указания генерала Рохаса, Конституционная ассамблея, выполнявшая функции парламента, в августе 1954 г. утвердила Законодательный акт № 6 о запрещении деятельности компартии. Но при его обсуждении даже в таком заведомо реакционном учреждении раздались голоса о недемократичности подобной меры. В ответ на это компартия распространила «Открытое письмо Конституционной ассамблее», которое получило большой резонанс. В этом документе говорилось, что объявление компартии вне закона касается не только коммунистов, но и всех колумбийских демократов и патриотов, потому что этой мерой создается прецедент преследования по идеологическим мотивам³⁷. Либеральная буржуазия прекрасно понимала это. «Эль Тьемпо», никогда не славившаяся своими прокоммунистическими симпатиями, в связи с этим писала, что запрещение компартии «следует отнести за счет влияния из США и что таким образом приходится опасаться, что истерия Маккарти станет заметной и в Колумбии»³⁸.

Убедившись, что антикоммунистическая политика отнюдь не содействовала сплочению сил традиционных партий и что рассчитывать на их поддержку в дальнейшем не приходится, генерал Рохас Пинилья попытался использовать массы в качестве опоры для своего режима. Чтобы привлечь их на свою сторону, правитель-

³⁷ «Treinta años de lucha...», p. 122.

³⁸ «Neue Zürcher Zeitung», 20.X 1954. В феврале 1955 г. декрет № 0434 устанавливал тяжелые наказания для лиц, подозреваемых в сочувствии коммунистическим идеям и в защите пролетарской идеологии в любой форме. На основании этого декрета были арестованы тысячи людей и среди них многие руководящие деятели компартии, которые были преданы военно-полевому суду. Компартия вынуждена была уйти в глубокое подполье («Treinta años de lucha...», p. 125).

ство наряду с подачками прибегло к самой беззастенчивой демагогии. Представители и сторонники нового режима выступили с проповедью идей об особой роли армии в колумбийских условиях. Они заявляли, что военный переворот якобы положил начало «социальной, политической и экономической революции и осуществлению политических и социальных систем, основанных на христианской справедливости, избавлении от классовой борьбы...»³⁹ и т. п.

По примеру Перона в Колумбии в сентябре 1954 г. был создан Национальный секретариат социальной помощи (СЕНДАС) во главе с дочерью генерала Рохаса. На широко разрекламированной пресс-конференции в феврале 1955 г. в присутствии 150 журналистов дочь президента изложила цели и задачи этой организации. Она заявила, что СЕНДАС создан для борьбы с нищетой широких слоев колумбийского народа, для заботы о детях, изучения и применения новых форм в социальном обеспечении беднейших классов страны, организации госпиталей и пунктов здоровья, для оказания помощи пострадавшим от виоленсии⁴⁰. Однако широковещательные декларации имели весьма скромные последствия. Так, для возмещения ущерба жертв виоленсии, который сам СЕНДАС определил в 10 млн. песо, было ассигновано всего лишь 180 тыс. песо⁴¹.

В апреле 1955 г. Рохас торжественно заявил, что правительство ассигнует средства на строительство 10 тыс. дешевых домов для бедняков Боготы. Однако первым, кто получил непосредственную выгоду от этого обещания, оказался зять самого Рохаса. По сведениям либерального еженедельника «Семана», он получил огромную взятку от одной компании, которой при его содействии были отданы подряды на это строительство⁴².

Для ведения демагогической пропаганды правительство с успехом использовало правых социалистов вроде А. Гарсиа. К этому времени социалистическая партия, когда-то пользовавшаяся влиянием в массах, оконча-

³⁹ V. L. Fluharty. Op. cit., p. 192.

⁴⁰ «Tiempo» [México], 1955, 21.II; V. L. Fluharty. Op. cit., p. 192.

⁴¹ «Tiempo» [México], 1955, 21.II.

⁴² «Semana» [Bogotá], 1957, 12—19. VII, p. 7.

тельно изжила себя и пришла к полному банкротству. Ее лучшие представители стали коммунистами, правые социалисты — сторонниками военного режима генерала Рохаса. Правые социалисты дошли до того, что обещания Рохаса Пинильи объявили ни больше, ни меньше, как программой революции⁴³. Эти утверждения были как нельзя более кстати для режима, поневоле изображавшего себя защитником народных интересов. Поэтому, преследуя коммунистов, Рохас Пинилья в то же время постарался создать более благоприятные условия для деятельности социалистов, рассчитывая воспользоваться их демагогией. С этой целью он разрешил провести социалистический съезд, состоявшийся 30 апреля — 1 мая 1955 г. На нем было учреждено так называемое Народно-социалистическое движение с А. Гарсиа во главе. Последний недвусмысленно заявил, что новая политическая организация направлена против коммунизма и традиционных партий⁴⁴.

Вместе с тем правительство отдавало себе отчет в том, что одним социалистам не справиться с задачей. Учитывая опыт правительства Перона в Аргентине, Рохас Пинилья попытался опереться на профсоюзы. Он задумал создать новый профсоюзный центр, который бы верно служил правительству, — Национальную конфедерацию трудящихся (НКТ).

Предполагалось, что это будет массовая организация вместо запрещенной еще Л. Гомесом Конфедерации трудящихся Колумбии, находившейся под влиянием либералов, и пользовавшегося большим влиянием католического профцентра — Союза трудящихся Колумбии. В создании правительственных профсоюзов приняли активное участие некоторые «левые» и «независимые» либералы, отколовшиеся от либеральной партии, часть консерваторов, выступающих на стороне нового режима, а также сторонники А. Гарсиа⁴⁵.

Новые профсоюзы должны были стать составной частью другой, еще более массовой организации, так называемой третьей силы, или Движения национального действия (МАН). Организаторы движения заявляли, что

⁴³ «*Trienta años de lucha...*», p. 113.

⁴⁴ «*Tiempo*» [México], 1955, 9.V, p. 25.

⁴⁵ *Ibid.*, 1955, 24.I, p. 27.

МАН — не политическая партия, а всего лишь «стихийное выражение народной симпатии» правительству Рохаса Пинильи. Однако заинтересованность правительства в такого рода «стихийных проявлениях симпатии» невозможно было скрыть. Стало известно, что в министерстве внутренних дел были проведены совещания по вопросу о создании МАН. В них участвовали министр внутренних дел Л. Пабон Нуньес, ряд консервативных политиков, поддерживающих Рохаса Пинилью, некоторые либералы и социалисты из группы А. Гарсиа. Чтобы привлечь в эту организацию массы, выдвигались лозунги борьбы с олигархией и неопределенные обещания улучшить положение трудящихся. С этой же целью пытались использовать иллюзии народа относительно последователей Гаитана.

Чтобы представить МАН преемницей идей Гаитана, 10 апреля 1955 г. было организовано многотысячное траурное шествие в память о погибшем. «Большая пресса» — крупнейшие консервативные и либеральные газеты устроили «заговор молчания», продемонстрировав этим, насколько неприятны им воспоминания об этом человеке. Через несколько дней после демонстрации консервативная пресса писала, что МАН не что иное, как возрождение гаитанистского движения.

Таким образом, еще организационно не оформившись и не успев заручиться народной поддержкой, МАН уже встретила противодействие со стороны традиционных партий, опасавшихся, что новая организация создаст угрозу их существованию. Хотя Рохас и отрицал, что МАН является политической партией, в действительности она должна была стать таковой, чтобы отвлечь массы от либеральной и консервативной партий, перешедших в оппозицию к его режиму (были напечатаны тысячи членских карточек, которые не успели раздать, потому что замыслам генерала Рохаса не суждено было осуществиться).

13 июня 1956 г. на многотысячном митинге на стадионе в Боготе в честь третьей годовщины своего прихода к власти генерал Рохас принес присягу МАН. Но это вызвало бурную реакцию не только со стороны традиционных партий, но и со стороны духовенства, с неодобрением отнесшегося к заигрыванию Рохаса с массами. Еще на IV съезде католического Союза трудящихся

Колумбии столичного департамента Кундинамарки в ноябре 1955 г. в присутствии специального представителя кардинала К. Луке — примаса Колумбии — было осуждено создание новых профсоюзов, которые якобы строятся на ошибочной основе и противоречат целям синдикализма ⁴⁶.

Создание МАН было встречено еще более резкой критикой. В письме к генералу Рохасу от 16 июля 1956 г. ⁴⁷ кардинал Луке открыто обвинял МАН в «устремлениях, недопустимых с точки зрения церковного учения и принципов закона природы». Он не скрывал своего возмущения по поводу того, что «среди лидеров МАН находятся люди, ранее осужденные колумбийской церковной иерархией». Кардинал имел в виду некоторых социалистических деятелей вроде А. Гарсиа и представителей так называемого рабочего коммунизма ⁴⁸, чьей демагогией решил воспользоваться Рохас Пинилья в надежде сделать эту организацию массовой. Кардинал заявлял, что МАН представляет серьезную угрозу профсоюзному движению, руководимому епископальными властями и приспособившему свою деятельность к католической социальной доктрине ⁴⁹. Не располагая серьезной народной поддержкой, Рохас не рискнул пойти на открытый конфликт с духовенством, и о МАН больше не упоминалось. Однако не позиция духовенства оказалась решающей в крахе этой организации, как это пытаются представить апологеты генерала Рохаса, а отношение к ней широких народных масс, которые довольно равнодушно отнеслись к этой затее правительства.

Широковещательные заявления президента Рохаса о том, что его правительство служит непривилегированным классам, на деле не подтверждались. Когда в декабре 1954 г. могущественная табачная компания повысила цены на сигареты на пять сентаво за пачку, не увеличив при этом заработной платы рабочим, на чем последние настаивали, Рохас Пинилья ограничился лишь словесным осуждением решения компании ⁵⁰. Бюд-

⁴⁶ «Tiempo» (México), 1955, 28.XI.

⁴⁷ L. E. Agudelo Ramírez, R. Montoya y Montoya. Op. cit., p. 138—143.

⁴⁸ «Treinta años de lucha...», p. 117.

⁴⁹ «The New York Times», 23.VIII 1956.

⁵⁰ G. Pérez Ramírez. El campesinado colombiano. Bogotá. 1959, p. 124; V. L. Fluharty. Op. cit., p. 248.

жетные ассигнования министерству труда с каждым годом становились все мизернее, в то время как на содержание армии тратились колоссальные суммы. Так, например, по бюджету 1955 г. министерство труда получило всего лишь 37,5 млн. песо (военное министерство — 252 млн.), которых едва хватило на строительство здания Национального совета профсоюзов⁵¹.

Апологеты Рохаса Пинильи, пытаясь изобразить его защитником народных интересов, выдвигали на первый план налоговую политику по отношению к крупным предпринимателям. Они заявляли, что эта политика якобы была направлена на перераспределение доходов в пользу неимущих классов. Однако дело обстояло совсем не так. Новые налоги шли на содержание армии и военно-бюрократического аппарата. Достаточно сказать, что при Рохасе численность армии увеличилась в четыре раза и составляла 40 тыс. человек⁵². Особенно возросли расходы на содержание военно-полицейского аппарата и президентского дворца, что видно из следующей таблицы⁵³.

Год	Расходы (млн. песо)		
	военного министерства	полиции и службы безопасности	президентского дворца
1953	155,3	29	1,2
1955	187	65	—
1957	260	73	29

Однако не следует думать, что возросшие расходы на армию и бюрократию покрывались лишь путем увеличения налогов на богатых. Налоги на трудящихся по-прежнему составляли основную массу поступлений в государственную казну. Например, введенный 1 октября 1954 г. налог на пиво затрагивал прежде всего трудящихся. В соответствии с новым положением каждый покупающий пинту пива обязан был заплатить налог в

⁵¹ «Visión» [Santiago de Chile], 1955, 7.I; V. L. Fluharty. Op. cit., p. 252.

⁵² «Chicago Daily News», 2.XI 1955.

⁵³ Таблица составлена по данным: «Semana» [Bogotá], 1957, 9—16.VIII, p. 23; «Tiempo» [México], 1955, 17.X, p. 64; G. Pérez Ramírez. Op. cit., p. 124.

размере 7,5 сентаво и 10 сентаво, если он покупал литр. Это нововведение правительства настолько увеличило налоговые поступления, что в 1955 г., когда его финансовое положение значительно ухудшилось, оно вновь прибегло к испытанному средству, обложив налогом уже каждые полпинты пива⁵⁴. Всего за годы правления генерала Рохаса Пинильи налоги возросли более чем в 11 раз⁵⁵.

Помимо роста налогов правление генерала Рохаса принесло трудящимся и другие лишения. Цены на продукты питания в Боготе только за первый год его пребывания у власти возросли на 30 процентов по сравнению с 1953 г.⁵⁶ Количество бумажных денег в обращении за тот же период времени, по данным Банка республики, увеличилось на 12 процентов⁵⁷. В дальнейшем положение продолжало ухудшаться. Дороговизна увеличивалась. Индекс стоимости жизни для рабочих в 1955 г. достиг 442,5 (за 100 принимается 1937 г.)⁵⁸.

Последние месяцы правления Рохаса Пинильи ознаменовались быстрым ростом цен. В Боготе в марте 1957 г. они возросли по сравнению с январем того же года на патоку — на 60,7 процента, картофель — на 50, сливочное масло — на 42,8, кукурузу — на 33,4 процента⁵⁹. Такое положение вызывало недовольство самых широких городских слоев.

Следует также учитывать, что введение ограничений на импорт машин и сырья ударило не только по буржуазии, но и по рабочим. Многие предприятия из-за нехватки импортного сырья сокращали производство и даже совсем закрывались, что, естественно, увеличивало безработицу.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

10 июня 1953 г., накануне военного переворота открылось совещание партизанских командиров. Оно приняло большие и важные решения в целях дальнейшего

⁵⁴ A. Silva, T. L. Caldas. Régimen legal de la industria en Colombia. Bogotá, 1956, p. 236.

⁵⁵ С. А. Гонимоский. Указ. соч., стр. 191.

⁵⁶ «Neue Zürcher Zeitung», 8. VI 1954.

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ V. L. Fluharty. Op. cit., p. 257.

⁵⁹ «Semana», 1957, 19—26.IV, p. 27.

укрепления партизанского движения. Было создано единое командование. Не менее знаменательным событием этого совещания оказалось обсуждение и принятие так называемого Второго закона Восточных льяносов под названием «Закон об организации революции в Восточных льяносах Колумбии»⁶⁰. Его 224 статьи представляли собой своего рода конституцию для районов, находившихся под контролем партизан. В них говорилось о правах и обязанностях граждан, определялись полномочия конгресса, который предполагалось созвать после победы партизан, функции генерального штаба, командующих зонами, народной полиции и революционных хунт на местах. Специальный раздел закона посвящался организации вооруженных сил, причем основное внимание уделялось укреплению дисциплины⁶¹.

Переворот в Боготе, в результате которого ненавистный народу Лауреано Гомес был отстранен от власти, внес раскол в ряды партизан. Желая как можно скорее покончить с партизанским движением, вступившим в новый, более организованный этап своего существования, правительство генерала Рохаса поспешило принять меры, которые должны были создать видимость отказа от прежней политики по отношению к партизанам. Ровно через неделю после переворота 13 июня в печати был опубликован приказ бригадного генерала Дуарте Блума об амнистии партизан, добровольно сдавших оружие властям⁶². Что касается амнистии политзаключенных, то 22 июня 1953 г. был опубликован специальный декрет № 1546. В нем излагались условия амнистии. О полной амнистии не было даже и речи. Декрет предусматривал лишь сокращение на одну четверть срока заключения, причем и это сокращение не распространялось на всех политзаключенных. Оставался в силе старый срок наказания для тех, кто пытался бежать или «плохо вел» себя в тюрьме. Не подлежали амнистии также военные, дезертировавшие из армии и присоединившиеся к партизанам⁶³.

⁶⁰ G. Guzman Campos. La violencia en Colombia, t. II. Bogotá, 1964, p. 79.

⁶¹ Ibid., p. 83—151.

⁶² «Diario de Colombia», Bogotá, junio 20 de 1953 (цит. по: G. Guzman Campos. Op. cit., t. I, p. 99).

⁶³ G. Guzman Campos. Op. cit., t. I, p. 100.

Таким образом, декрет практически предоставлял властям право применять его так, как это было им выгодно. Полностью были амнистированы лишь участники реакционного военного путча 1944 г.⁶⁴

Условия амнистии, предусмотренные декретом, ни в какой мере не отвечали требованиям партизан, о чем свидетельствовало обращение партизанского отряда братьев Фонсека, направленное Рохасу Пинилье 22 июня 1953 г.

В этом обращении говорилось, что партизаны согласны сложить оружие лишь при условии, что новое правительство гарантирует колумбийскому народу всю полноту гражданских прав, объявит полную амнистию политзаключенных, находящихся в тюрьмах с 9 апреля 1948 г., облегчит возвращение на родину всех политэмигрантов, предоставит кредиты для экономического восстановления районов, пострадавших от виолентии⁶⁵.

Условия, выдвинутые отрядом братьев Фонсека, отражали настроения большинства партизан. Они нашли свое воплощение в той программе, которая была поставлена на обсуждение партизанской делегацией во время переговоров с представителями Рохаса Пинильи в пограничном с Венесуэлой городке Пуэрто-Карреньо (переговоры в непосредственной близости от венесуэльской границы были далеко не лишней предосторожностью, так как сразу же после переворота 13 июня почти весь партизанский генштаб вместе с только что выбранным главнокомандующим Г. Сальседо был арестован солдатами генерала Дуарте Блума, но вскоре все были освобождены, потому что Рохас испугался, как бы этот арест не помешал добровольной сдаче оружия всеми партизанскими отрядами, на что он первоначально сильно рассчитывал)⁶⁶.

Переговоры в Пуэрто-Карреньо (август 1953 г.) закончились полным провалом по вине представителей генерала Рохаса, которые вели себя весьма вызывающе и отказались обсуждать предложения партизан.

Однако, несмотря на это, основная партизанская масса хотела прекращения борьбы во что бы то ни стало.

⁶⁴ Декрет № 2184 от 21.VIII 1953 г. (G. Guzman Campos. Op. cit., t. II, p. 357—358).

⁶⁵ G. Guzman Campos. Op. cit., t. I, p. 99; t. II, p. 168.

⁶⁶ Ibid., t. II, p. 166, 171.

Усталость от почти пятилетней партизанской войны и большие надежды, возлагавшиеся на генерала Рохаса, который казался массам стоящим над партиями, сделали свое дело. И в сентябре 1953 г. началась добровольная сдача оружия партизанами. В течение сентября — октября основная масса крестьян-партизан, обманутая демагогическими обещаниями нового правительства прекратить преследования по политическим мотивам и провести в жизнь земельную реформу и соглашательской позицией руководства либералов, сложила оружие. Коммунистическая партия тогда же предостерегала народ, что щедрые обещания нового режима восстановить «мир, свободу и справедливость для всех без различия» являются всего лишь ловким демагогическим приемом с целью обмана масс⁶⁷.

Коммунисты призывали партизан сохранить оружие и отряды самообороны. Этим призывам последовали лишь партизаны южной части департамента Толима. Забрав свои семьи, партизаны под руководством Х. Фриаса Алапе, Сиро Трухильо и П. Антонио Марина ушли в сельву и у подножия центральных Кордильер на стыке трех департаментов — Каука, Толима и Уила — основали колонии «Риочикито» и «Маркеталия». Больших трудов стоило освоить новые земли. Обрабатывали их сообща. Совместный труд приносил хорошие плоды. В колониях строились дома для крестьян и школы для их детей. Отряды самообороны надежно охраняли мирный труд людей от нападений банд и репрессий властей.

Но мир царил лишь на этом маленьком, только что отвоеванном у природы островке. Положение крестьянства в основных районах страны после военного переворота практически не изменилось.

О земельной реформе не было и речи. Стоп крестьян-арендаторов с их участков продолжался. Прекратившиеся на некоторое время убийства крестьянских руководителей возобновились и приняли даже еще более массовый характер. Правительство смотрело сквозь пальцы на деятельность террористических групп, созданных матифундистами для расправы с крестьянами. Было известно, что руководит деятельностью этих групп И. Андраде⁶⁸ — бывший министр внутренних дел в прави-

⁶⁷ «Treinta años de lucha...», p. 110.

⁶⁸ «Neue Zürcher Zeitung», 15.VI 1954.

тельстве Л. Гомеса, обосновавшийся в департаменте Уила. Но власти не препятствовали ему.

Убедившись, что новый режим не спешит с выполнением своих обещаний относительно мира и земли, крестьяне начали проявлять недовольство правительством Рохаса Пинильи. Департамент Толима, где был еще с 30-х годов накоплен большой опыт по организации крестьянской борьбы за землю, стал застрельщиком новых крестьянских выступлений. Крестьяне Вильярики начали организовывать демократические комитеты и крестьянские лиги для борьбы за землю. Они требовали проведения в жизнь закона 1936 г. о передаче в собственность безземельных крестьян пустующих в течение 10 лет земель.

Правительство генерала Рохаса ответило на эти требования посылкой войск в Вильярику в ноябре 1954 г. Крестьянские вожаки были арестованы, в том числе Исауро Иоса — один из руководителей партизанского движения 1949—1953 гг. В течение месяца его подвергли жестоким пыткам в концлагере Кундай⁶⁹. Другой партизанский руководитель Толимы Д. Агудело Капильо, известный как «капитан риунфанте», был убит⁷⁰. Крестьяне ответили на произвол и реквизиции, напоминая грабеж, созданием групп самообороны.

В конце 1954 и в первой половине 1955 г. происходили многочисленные вооруженные столкновения с войсками. Иногда это были настоящие сражения, например в местечке Гуанакас, где крестьянские отряды в течение трех дней успешно выдерживали натиск 1,5 тыс. солдат, вооруженных минометами, танками и самолетами⁷¹.

4 апреля 1955 г. был опубликован правительственный декрет, объявивший департамент Толима зоной военных операций⁷². За ним последовали систематические бомбардировки и минометные обстрелы мирных деревень⁷³.

⁶⁹ «Documentos Políticos», 1957, № 6, p. 43; «The Worker» [New York], 26.II 1956.

⁷⁰ G. Guzman Campos. Op. cit., t. I, p. 102.

⁷¹ «Documentos Políticos», 1957, № 6, p. 43; G. Guzman Campos. Op. cit., t. I, p. 106.

⁷² «Treinta años de lucha...», p. 117.

⁷³ «Documentos Políticos», 1957, № 6, p. 43; G. Guzman Campos. Op. cit., t. I, p. 106.

1 мая начались широкие военные операции в районе Вильярики (департамент Толима) под кодовым названием «Операция Хиросима»⁷⁴. Против крестьянских отрядов самообороны было брошено 6 тыс. солдат регулярной армии при поддержке авиации, танков и артиллерии. В операции участвовали американские «специалисты» по борьбе с партизанами в Юго-Восточной Азии. Каратели встретили упорное сопротивление со стороны крестьянских отрядов самообороны. Попытка правительственных войск установить экономическую блокаду Вильярики привела к распространению вооруженной борьбы на весь Верхний Сумапás и другие муниципалитеты Восточной Толимы. Солдаты начали грабить крестьян, и последние уходили в горы, где создавали партизанские отряды⁷⁵.

Через полтора месяца армия начала новое наступление. 9 тыс. солдат, 30 самолетов, несколько десятков танков и броневиков в течение 10 дней теснили крестьянские отряды. Советники американской военной миссии вновь принимали участие в этих операциях⁷⁶.

Тысячи крестьянских семей вынуждены были покинуть свои дома и бежать в горы или сельву, спасаясь от напалма.

В сентябре 1955 г. было проведено еще одно наступление регулярной армии против крестьянских отрядов самообороны⁷⁷. И снова тысячи беженцев потянулись туда, где их не могли настичь правительственные войска. Число убитых только за один 1955 г. достигло 10 тыс. человек⁷⁸.

Несмотря на огромные потери, крестьянское движение против диктатуры ширилось. Преследования и убийства заставили бывших партизанских командиров Ф. Тафура («Чалеко») и О. Рейеса вновь поднять знамя борьбы против правительства. Появились новые парти-

⁷⁴ «Voz de la Democracia», 21. I 1960.

⁷⁵ «Documentos Políticos», 1957, № 6, p. 44; G. Guzman Campos. Op. cit., t. I, p. 107.

⁷⁶ Х. Вейра. Крестьянское движение в Колумбии и Коммунистическая партия.— «Проблемы мира и социализма», 1961, № 5, стр. 36; G. Guzman Campos. Op. cit., t. I, p. 108; «Documentos Políticos», 1957, № 6, p. 44.

⁷⁷ «Documentos Políticos», 1957, № 6, p. 45.

⁷⁸ «The Worker» [New York], 26. II 1956.

И. ИОСА

занские отряды под руководством Х. Фриаса Алапе («Чарро Негро»), М. Маруланда Велеса (П. Литолио Марин), Х. Трухильо и других⁷⁹. Крестьяне героически сопротивлялись карателям.

Состоявшийся в конце 1955 г. XVIII пленум ЦК КП Колумбии отмечал, что открылась перспектива роста вооруженного сопротивления народа и партизанского движения, которое горячо приветствуют рабочий класс и трудовой народ⁸⁰. Однако коммунистической партии, влияние которой на партизанское движение становилось преобладающим, все же не удалось окончательно объединить партизанское движение и координировать его в масштабах всей страны. Осуществление этой задачи затруднялось тем, что различные отряды были связаны с разными политическими силами. Кроме того, дело осложнялось действиями многочисленных бандитских шаяк. И тем не менее партизанское движение в центральной части страны ширилось⁸¹. Оно шло под лозун-

⁷⁹ G. Guzman Campos. *Op. cit.*, t. I, p. 109.

⁸⁰ X. Виейра. Указ. соч., стр. 37.

⁸¹ X. Виейра. Указ. соч., стр. 36, 37.

гами: «Нет осадному положению!», «Долой диктатуру!», «Долой солдатский сапог!», «За единство!»⁸²

В начале 1956 г. сам Рохас Пинилья вынужден был признать, что в департаментах Толима, Кундинамарка, Уила, Каука, Кальдас и Валье (наиболее густо населенные районы страны) продолжается деятельность повстанческих групп⁸³. Правительство отвечало на нее созданием концентрационных лагерей и тюрем. Их можно было сравнить лишь с гитлеровскими застенками. Концлагерь в Аракура на Амазонке вблизи бразильской границы называли «зеленым адом». Труднопереносимый климат, бесчеловечное обращение в два-три года доводили заключенных до могилы. В концлагере Кундай арестованных расстреливали каждую ночь. В Боготе была создана специальная тюрьма для женщин, мужа которых подозревали в партизанской деятельности⁸⁴.

Наряду с тактикой террора правящие круги, напуганные размахом партизанской борьбы в Толиме (особенно удачно действовали отряды в Сумапасе, где движением руководил известный деятель крестьянского движения Х. де ла Крус Варела), продолжали прибегать к беззастенчивой демагогии, чтобы не допустить возобновления партизанской войны в льяносах. Пытаясь внушить народу, что путем переговоров с правительством можно добиться разрешения любых вопросов, Рохас Пинилья пошел на созыв специальной конференции в Сан-Педро де Аримена (ноябрь 1956 г.), в которой приняли участие представители армии, а от бывших партизан — Г. Сальседо, У. Паредес, А. Парра, В. Кастрильон и др.⁸⁵

Основным вопросом конференции было обсуждение положения в Восточных льяносах. Партизаны вручили представителям Рохаса протест против преследований бывших партизан властями. В нем также говорилось, что обещания, данные правительством 13 июня 1953 г. о мире, о земле и об освобождении политзаключенных, не выполняются⁸⁶.

В ответ представитель Рохаса пытался переложить вину на самих репрессированных, а затем изложил ши-

⁸² G. Guzman Campos. Op. cit., t. I, p. 214.

⁸³ «Semana» [Bogotá], 1957, 7. I, p. 9.

⁸⁴ «The Worker» [New York], 26.II 1956.

⁸⁵ G. Guzman Campos. Op. cit., t. II, p. 179.

⁸⁶ Ibid., p. 179, 180.

М. МАРУЛАНДА ВЕЛЕС

рокую программу развития льяносов, где предусматривалась электрификация, строительство школ и медицинских учреждений, помощь в развитии сельского хозяйства. Программа была насквозь демагогична, потому что правительство не располагало средствами для осуществления такой коренной перестройки этого отсталого в экономическом отношении района⁸⁷.

Когда жители льяносов убедились, что конференция была пустой говорильней и никаких практических шагов по осуществлению изложенной на ней программы помощи не предпринимается, в феврале 1957 г. состоялась новая встреча бывших партизанских командиров⁸⁸.

На этот раз обсуждался вопрос о переходе к вооруженному сопротивлению в ответ на насилие со стороны властей и консервативных банд. «На насилие следует отвечать насилием», — говорилось на совещании⁸⁹. Оценивая итоги партизанского движения других районов страны, его участники особо отметили департамент Толима и заявили о своей солидарности с борьбой партизан в Сумапасе под руководством Х. де ла Крус Варелы⁹⁰.

⁸⁷ Ibid., p. 182, 183.

⁸⁸ Ibid., p. 201.

⁸⁹ Ibid., p. 202.

⁹⁰ Ibid., p. 201.

Таким образом, политика «умиротворения», о которой столько кричали сторонники генерала Рохаса, завершилась полным провалом. За четыре года пребывания у власти военщине не удалось покончить с политической нестабильностью и добиться подавления партизанского движения. Это и явилось одной из причин того, почему крупная буржуазия отказала Рохасу Пинилье в поддержке.

УСИЛЕНИЕ ОППОЗИЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ И СОЗДАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ФРОНТА

Преследование буржуазной прессы стало другим фактором, сплотившим различные социальные слои колумбийского общества в оппозиции к правительству генерала Рохаса.

Цензура прессы, введенная еще Л. Гомесом, при Рохасе Пинилье была усилена. В ответ на разоблачения, сделанные в Конституционной ассамблее по случаю расстрела студенческой демонстрации, он издал декрет № 2835, в силу которого практически запрещалось критиковать действия правительства. Виновный подвергался штрафу на сумму от 200 до 2 тыс. песо. Сумма могла быть увеличена в 50 раз, если эта критика содержалась в прессе или радиопередачах, и увеличивалась вдвое, если она затрагивала офицера или должностное лицо⁹¹.

Декрет № 2835 вызвал резкую критику и либеральной и консервативной прессы, открыто обвинившей Рохаса в установлении диктаторского режима. Деятельность террористических групп и участвовавшие случаи убийства крестьян и прогрессивных деятелей стали постоянной темой выступлений печати. Газеты осуждали позицию молчаливого попустительства актам террора со стороны властей. А. Галиндо — бывший издатель «Эль Либераль» — обвинил армию в методическом уничтожении крестьян-либералов. Тогда, на основании вышеупомянутого декрета, командующие армией, полицией, ВВС и флотом возбудили процесс против Галиндо и «Эль Тьемпо», опубликовавшей это обвинение⁹². Этот процесс получил широкий отклик по всей стране и усилил атмо-

⁹¹ «Neue Zürcher Zeitung», 12.XII 1954.

⁹² V. L. Fluharty. Op. cit., p. 267, 268.

сферу недовольства полицейскими мерами Рохаса Пинильи.

Его заявление, что только «правительство имеет право на формирование общественного мнения» и что оно «помешает всеми возможными средствами, чтобы народ дезориентировали и превратили в жертву политика-нов»⁹³, вызвало всеобщее возмущение, что, однако, не помешало Рохасу Пинилье проводить свою линию. Была создана специальная Государственная служба информации и пропаганды, которая должна была служить единственным каналом получения информации для прессы⁹⁴. Но новые распоряжения правительства постоянно нарушались. За публикацией статьи Х. Лосано-и-Лосано в «Эль Тьемпо» о положении в Вильярике, свидетельствующем о нарушении всяких человеческих прав, последовал новый декрет о введении тюремного заключения для журналистов, выступающих с обвинениями против армии, которые они не могут подтвердить⁹⁵.

Репрессиям подверглась и консервативная пресса, в частности газета «Ля Република», принадлежавшая бывшему президенту М. Осине Пересу, за публикацию сообщений и фотографий о режиме в концлагере Кундай и положении в Вильярике, где армия вела настоящие сражения с партизанами⁹⁶.

Однако, несмотря на принятые меры, то одна, то другая газета продолжали помещать материалы, критикующие деятельность правительства. Тогда 24 июля 1955 г. был издан новый декрет о прессе, сделавший цензуру еще более строгой. Отныне на всю информацию, которую собирались публиковать, нужно было получить предварительное разрешение цензоров из Государственной службы информации и пропаганды⁹⁷.

В этих условиях строжайшей цензуры, полицейской слежки и обыска корреспондентов⁹⁸ закрытие крупнейшей либеральной газеты «Эль Тьемпо» вызвало настоящий скандал. Оно было встречено с возмущением не только в Колумбии, но и во многих странах Латинской

⁹³ «Tiempo» [México], 1955, 21.III, p. 23.

⁹⁴ «Tiempo» [México], 1955, 18. IV, p. 21.

⁹⁵ «Tiempo» [México], 1955, 9.V, p. 25.

⁹⁶ Ibidem.

⁹⁷ «Tiempo» [México], 1955, 8.VIII.

⁹⁸ «The New York Times», 22.VIII 1956.

Америки⁹⁹ и имело серьезные последствия для правительства Рохаса Пинильи. Недовольство экономической политикой диктаторского режима, отсутствием политической стабильности и, наконец, новыми репрессивными мерами против наиболее влиятельного буржуазного органа печати поставило Рохаса Пинилью перед лицом оппозиции со стороны как либералов, так и консерваторов, забывших на время о партийной розни.

Поводом к закрытию «Эль Тьемпо» послужили следующие события. Находившийся с официальным визитом в Эквадоре президент Рохас провел 31 июля 1955 г. в Кито пресс-конференцию, на которой ему было задано много вопросов относительно цензуры в Колумбии. В своих ответах президент пытался представить дело таким образом, будто бы цензура касается только четырех газет и среди них назвал либеральные «Эль Тьемпо» и «Эль Эспектадор». Рохас Пинилья обвинил их в том, что они своей информацией якобы способствовали подрыву существующего режима. В подтверждение он сослался на то, как освещалось в «Эль Тьемпо» одно из последних убийств двух либеральных деятелей. Он утверждал, что убийство не носило политического характера и что виновные наказаны. 1 августа отчет об этой пресс-конференции был опубликован крупнейшей газетой Кито «Эль Комерсио»¹⁰⁰.

Директор «Эль Тьемпо» Р. Гарсиа Пенья немедленно послал в «Эль Комерсио» опровержение, в котором утверждал, что виновники преступления не наказаны, хотя они и известны властям.

«Эль Комерсио» опубликовало это опровержение под заголовком «Президент Колумбии лжет!». Взбешенный Рохас приказал немедленно применить санкции против «Эль Тьемпо». 3 августа директор газеты Р. Гарсиа Пенья был вызван к начальнику генерального штаба генералу Р. Кальдерочу Рейесу, который предложил ему в течение 30 дней печатать на первой полосе «Эль Тьемпо» отречение от своих слов. Гарсиа Пенья, конечно, отказался принять это оскорбительное условие, и 4 августа 1955 г. без всякого предупреждения помещения редак-

⁹⁹ L. E. Agudelo Ramírez, R. Montoya y Montoya. Op. cit., p. 30—37.

¹⁰⁰ «Tiempo» [México], 1955, 15.VIII, p. 27.

ции и типографии были заняты полицией¹⁰¹. Заведующий редакцией Э. Сантос Кастильо, племянник влиятельнейшего человека в Колумбии Э. Сантоса — владельца газеты, — в течение нескольких часов находился под арестом.

Закрытие старейшей и самой массовой газеты Колумбии вызвало бурю негодования во всех слоях общества. На улицах Боготы начали собираться стихийные митинги протеста. Полиция разгоняла их. Начались аресты среди прогрессивных деятелей. Правительство приказало всем губернаторам департаментов лично проследить, чтобы сообщения о закрытии «Эль Тьемпо» не попали в местную печать. По этой причине даже столичная «Эль Эспектадор» не могла сообщить об этом своим читателям. Однако в дело вступила «настенная пропаганда». В Боготе, даже в центре города, не осталось стены, где бы черной или красной краской не был написан лозунг в защиту свободы прессы¹⁰².

Закрытие либеральной «Эль Тьемпо» было встречено с явным неодобрением даже многими консерваторами. В знак протеста против подобной политики Рохаса Пинильи ушли в отставку министр общественных работ К. Харамильо Аррубла и посол в Вашингтоне бывший министр иностранных дел в правительстве М. Осипы Переса Э. Сулета Анхел¹⁰³.

Национальная пресс-ассоциация, состоявшая из известных журналистов обеих партий, в лице директора «Эль Тьемпо» Р. Гарсиа Пеньи, бывшего издателя «Эль Либераль» А. Галиндо, Б. Эрнандес де Осипа — жены бывшего президента, издающего консервативную газету «Ля Република», и других, направила петицию в Межамериканскую пресс-ассоциацию с просьбой о вмешательстве¹⁰⁴. Скандал таким образом все разрастался. 10 августа в Боготе при огромном стечении народа состоялась женская демонстрация протеста против цензуры прессы и закрытия «Эль Тьемпо». В ней приняли участие даже представительницы «высшего общества». Участницы демонстрации при огромном стечении народа,

¹⁰¹ «Tiempo» [México], 1955, 15.VIII, p. 27; 29.VIII, p. 25; V. L. Fluharty. Op. cit., p. 286, 287.

¹⁰² «Tiempo» [México], 1955, 22.VIII, p. 23.

¹⁰³ «Tiempo» [México], 1955, 15.VIII, p. 27.

¹⁰⁴ «Tiempo» [México], 1955, 22.VIII, p. 23.

выражавшего им свою решительную поддержку, направились к площади Боливара, но здесь были остановлены полицейскими, которые применили слезоточивые газы и шланги с водой, чтобы разогнать манифестантов¹⁰⁵.

Об этой враждебной Рохасу Пинилье манифестации много писали в американской и латиноамериканской прессе, осуждая меры, предпринятые колумбийским правительством. Поэтому Рохас запретил продажу таких широко распространенных в Латинской Америке изданий, как «Тайм» и «Висьон». Выступая 21 августа по радио, он заявил, что его правительство и впредь сохранит цензуру и считает закрытие «Эль Тьемпо» лучшим способом защиты интересов страны. Он сказал, что осуждение мер, предпринятых его правительством по отношению к «Эль Тьемпо», является вмешательством во внутренние дела Колумбии¹⁰⁶.

Все последующие действия правительства свидетельствовали о том, что оно не намерено и впредь считаться с общественным мнением. Вновь созданная организация, ведавшая распределением бумаги, поспешила использовать свои полномочия, чтобы еще более осложнить положение оппозиционных режиму изданий. Вскоре после закрытия «Эль Тьемпо» крупнейшей либеральной газете «Эль Эспектадор» из-за недостатка бумаги пришлось отказаться от воскресных приложений¹⁰⁷. Последовавший вслед за этим декрет о прессе от 21 сентября 1955 г. вводил новые ограничения. Запрещалась публикация информации, карикатур, рисунков или фотографий, прямо или косвенно свидетельствующих о неуважении к президенту республики или к главе государства дружественной нации. За нарушение был установлен штраф до 10 тыс. песо¹⁰⁸. Новый декрет вызвал резкую критику как со стороны либеральных газет — «Эль Эспектадор» (Богота), «Эль Эральдо» (Барранкилья), «Вангвардия либераль» (Букараманга), — так и со стороны консервативных — «Ля Република» и «Диарио Графико» (Богота), «Эль Колумбиано» (Медельин). К ним присоединился даже орган католи-

¹⁰⁵ «Tiempo» [México], 1955, 22.VIII, p. 24; «Visión», 1955, 2.IX, p. 13; L. E. Agudelo Ramirez, R. Montoya y Montoya. Op. cit., p. 40, 41.

¹⁰⁶ «Visión», 1955, 2.IX, p. 13; «Tiempo» [México], 1955, 29.VIII, p. 27.

¹⁰⁷ «Tiempo» [México], 1955, 12.IX, p. 33.

¹⁰⁸ «Tiempo» [México], 1955, 10.X, p. 21.

чешской церкви «Эль Католицисмо», также высказавшийся против этого декрета ¹⁰⁹.

Однако правительство, твердо встав на путь преследования оппозиционной прессы, считало, что у него достаточно сил, чтобы продолжать следовать по нему. Под разными предлогами (нарушение декретов о пресесе, ограничения на потребление бумаги, отказ в лицензиях и т. д.) продолжалось закрытие оппозиционных газет и журналов. Так, только в главном городе департамента Северный Сантандер Оканья за одну неделю действия нового декрета о пресесе было закрыто пять изданий ¹¹⁰.

Прошло несколько месяцев, и в феврале 1956 г. правительство оказалось в центре нового скандала. На этот раз это была массовая отвратительная драка на стадионе во время боя быков, учиненная полицией и военными, переодетыми в штатское ¹¹¹. А вызвана она была тем, что «на предшествовавшей корриде публика освистала дочь президента Рохаса, ее мужа и нескольких высших военных чинов и членов правительства и оскорбила генерала Л. Э. Ордоњеса — шефа секретной полиции» ¹¹². Число пострадавших было столь велико, а причастность властей столь очевидна, что замять происшедшее не было никакой возможности. Скандал принял такие размеры, что даже примас Колумбии кардинал Луке счел своим долгом в самых резких выражениях осудить действия правительства. В ответ на это Рохас Пинилья высказал свои лицемерные сожаления в связи с «неприятным инцидентом», однако виновные и на этот раз не были наказаны ¹¹³.

Таким образом, правление Рохаса Пинильи с его атрибутами военно-полицейского государства с каждым днем приносило Колумбии все новые и новые жертвы. В столкновениях с армией, полицией и террористами гибли сотни людей. Тысячи людей стали в прямом смысле слова жертвами милитаризации страны. Так, большой

¹⁰⁹ «Тьерро» [México], 1955, 17.X, p. 64.

¹¹⁰ «Тьерро» [México], 1955, 7.XI, p. 19.

¹¹¹ L. E. Agudelo Ramírez, R. Montoya y Montoya. Op. cit., p. 45—47.

¹¹² «Treinta años de lucha...», p. 125; M. Puentes. Op. cit., p. 644.

¹¹³ M. Puentes. Op. cit., p. 644; V. L. Fluharly. Op. cit., p. 296, 297.

резонанс в Колумбии получил грандиозный взрыв семи вагонов с динамитом в рабочем районе города Кали (август 1956 г.). Взрыв произошел из-за нарушения элементарных правил перевозки взрывчатых веществ. В результате — 1800 убитых, несколько тысяч раненых и тысячи оставшихся без крова. Матеральный ущерб оценивался в 300 млн. песо¹¹⁴. Власти попытались снять с себя ответственность, обвинив коммунистов, либералов и консерваторов в организации диверсии¹¹⁵. Однако широкие круги колумбийской общественности возлагали всю вину на военщину.

Недовольство правительством Рохаса Пинильи стало всеобщим. Американские правящие круги, разочарованные его экономической политикой и растущей непопулярностью его правления в глазах колумбийской и латиноамериканской общественности, фактически отказались от дальнейшей поддержки генерала Рохаса. Печать США резко изменила курс по отношению к колумбийскому президенту. Она начала обвинять его в диктаторских методах управления, откровенно высказывала свои сомнения в прочности существующего в Колумбии режима и предсказывала новый переворот, который заменит Рохаса Пинилью военной хунтой¹¹⁶.

Крупная колумбийская буржуазия с большой радостью встретила известие о свержении правительства Перона в Аргентине (19 сентября 1955 г.). Оно казалось ей счастливым предзнаменованием того, что и режим генерала Рохаса, который, как говорили, старался ему подражать, также потерпит поражение. 23 сентября в лучшем столичном отеле Такендама состоялось демонстративное чествование владельца закрытой 4 августа либеральной газеты «Эль Тьемпо» Эдуардо Сантоса. В нем приняло участие более 1200 человек¹¹⁷. Здесь были известные деятели обеих традиционных партий. Выступавшие на приеме ораторы призывали к единству действий, чтобы добиться отмены цензуры.

¹¹⁴ «Treinta años de lucha...», p. 126; L. E. Agudelo Ramírez, R. Montoya y Montoya. Op. cit., p. 81; «Tiempo» [México], 1956, 13.VIII, p. 37; 20.VIII, p. 21, 22.

¹¹⁵ «Treinta años de lucha...», p. 126.

¹¹⁶ «The New York Times», 22.VIII 1956.

¹¹⁷ «Tiempo» [México], 1955, 3.X, p. 31; V. L. Fluharty. Op. cit., p. 290.

На следующий день предполагалось организовать массовое шествие по улицам Боготы, но оно было запрещено властями.

Учитывая печальный урок Перона, Рохас решил уступить в вопросе о прессе. В феврале 1956 г. он разрешил Льерасу Камарго издание «Эль Индепендьенте» вместо закрытой месяц назад «Эль Эспектадор», хотя у правительства не было никаких сомнений в оппозиционности нового издания. В мае этого же года было разрешено издание «Эль Тьемпо», правда, под другим названием («Эль Интермедю»). Газету возглавил брат Эд. Сантоса Энрике Сантос¹¹⁸.

Обе газеты, выступавшие с критикой правительства, постоянно подвергались штрафам. Чтобы выплачивать их, устраивались сборы денег среди населения. Это вовлекало в политическую кампанию все более широкие круги общественности.

В июле 1956 г. в Бенидорме (Испания) состоялась встреча представителей двух в прошлом враждующих партий. Теперь они оказались в одном лагере противников Рохаса Пинильи. Во встрече приняли участие Л. Гомес и А. Льерас Камарго. Бенидормский пакт¹¹⁹, подписанный в результате их переговоров, положил начало созданию Гражданского фронта для борьбы против существующего правительства. 20 марта 1957 г. в Боготе руководство обеих партий подписало новое соглашение¹²⁰ в дополнение к Бенидормскому пакту, которое окончательно оформило Гражданский фронт. Его кандидатом в президенты на 1958—1962 гг. был выдвинут известный деятель консервативной партии Г. Леон Валенсиа. В конце апреля кандидат оппозиции начал предвыборную поездку по стране. Это ускорило развитие событий.

Коммунистическая партия Колумбии по тактическим соображениям приветствовала подписание пакта между консерваторами и либералами с целью совместной борьбы против диктатуры Рохаса Пинильи. Но она тогда же подчеркивала опасность для демократических сил стра-

¹¹⁸ V. L. Fluharty. Op. cit., p. 301.

¹¹⁹ Текст см. в кн.: L. E. Agudelo Ramirez, R. Montoya y Montoya. Op. cit., p. 144—147.

¹²⁰ Текст см. там же, стр. 199—210.

ны принятого решения о чередовании у власти традиционных партий. Это решение означало сознательное исключение компартии из политической жизни. Коммунисты считали, что необходимо активное участие самых широких масс народа в борьбе против диктатуры и создание Национально-демократического фронта. Эти вопросы обсуждались на XIX пленуме ЦК КП Колумбии, состоявшемся нелегально в конце августа 1956 г.¹²¹

Пленум призвал колумбийских коммунистов к активизации борьбы против милитаристского режима и принял решение об издании теоретического органа партии журнала «Документос политикос», первый номер которого вышел в свет в декабре 1956 г.

Однако компартия, хотя и выступавшая против военной диктатуры с первых дней ее существования, не смогла возглавить широкое движение протеста. Она была ослаблена постоянными преследованиями на протяжении последних 10 лет.

Буржуазия, между тем, поспешила принять меры, обеспечивающие ее собственное руководство движением протеста против диктаторского режима, и сделала все возможное, чтобы не допустить активного вовлечения масс в политическую борьбу. Скопления народа на улицах приводили ее в ужас. Поэтому буржуазные партии стремились к тому, чтобы добиться отставки Рохаса Пинильи, не прибегая к помощи масс. Они рассчитывали, что одной буржуазной оппозиции будет достаточно для этого. При этом принималось в расчет, что к оппозиции примкнуло высшее духовенство, недовольное заигрыванием Рохаса с рабочим классом. Оно расценило создание Национального секретариата социальной помощи как бесцеремонное вмешательство генерала в благотворительную деятельность, издавна считавшуюся прерогативой «святой» церкви. Еще большее недовольство церковных иерархов вызвала попытка Рохаса создать собственные профсоюзы среди рабочих в противовес католическому профцентру. Церковь увидела в этом подрыв своего влияния в массах и наложила «вето» на этот проект.

¹²¹ «Treinta años de lucha...», p. 129.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ НА СЛУЖБЕ У ВОЕНЩИНЫ

Рохас Пинилья пытался противопоставить все усиливающейся оппозиции в разных слоях колумбийского общества укрепление позиций военщины во всех звеньях государственного аппарата. Повсюду важнейшие посты захватывали его сторонники. Представители военной камарильи вытеснили буржуазию в лице ее либеральных и консервативных политиков из Государственного совета, из Банка республики, заняли посты губернаторов департаментов и городских алькальдов. Даже ректором Национального университета стал военный.

Когда Рохас Пинилья пришел к власти, он заявил, что единственным желанием армии является возвращение страны к привычным институтам. Он обещал отменить осадное положение и провести всеобщие президентские выборы в конгресс, как только это будет возможно. Однако он не торопился выполнять свои обещания. Осадное положение, введенное еще в ноябре 1949 г. Оспиной Пересом, продолжало существовать со всеми своими последствиями — цензурой, эрзац-парламентом в лице Конституционной ассамблеи — детища Л. Гомеса, правительственными назначениями на бывшие ранее выборными должности и т. п. Военщину вполне устраивало такое положение дел, потому что давало возможность бесконтрольных действий. Поэтому в новогоднем послании к стране по случаю наступления 1955 г. Рохас открыто заявил, что осадное положение не будет снято. Это заявление вызвало недовольство у самых широких слоев колумбийской общественности, для которой существование институтов буржуазной демократии на протяжении многих десятилетий превратилось в традицию. Даже Верховный суд отнесся неодобрительно к этому решению генерала Рохаса. В знак протеста один из членов суда, в свое время назначенный Рохасом, подал в отставку¹²². Столкнувшись с противодействием Верховного суда, Рохас Пинилья решил реформировать его, чтобы превратить в послушное орудие в свих руках. Узнав о готовящейся реформе, члены суда заявили, что они уйдут в отставку, если такая реформа будет

¹²² V. L. Fluharty. *Op. cit.*, p. 281.

проведена в жизнь. Несмотря на это, Рохас Пинилья 28 июля 1956 г. подписал декрет о реорганизации Верховного суда. Реформа предусматривала увеличение числа членов суда с 16 до 20 (стало известно, что Рохас Пинилья предполагал использовать это увеличение, чтобы ввести туда своих ставленников) и создание новой палаты по конституционным делам в составе восьми судей. Этой палате должно было принадлежать последнее слово в случае, если правительство и Конституционная ассамблея не придут к единому мнению¹²³. В знак протеста против этой реорганизации весь старый состав суда за исключением четырех человек подал в отставку. Вместо ушедших генерал Рохас назначил новых судей из своих приверженцев¹²⁴.

Обеспечив себе таким образом контроль над Верховным судом, Рохас решил заняться тем эрзац-парламентом, который достался ему в наследство от Л. Гомеса. На первых порах это учреждение относилось к генералу вполне благожелательно, но в дальнейшем положение начало меняться. Еще в 1954 г. Рохас предусмотрительно пополнил его своими сторонниками. Среди них был правый социалист А. Гарсиа и некоторые бывшие гаитанисты вроде Дарио Сампера и Хорхе Падилья. Привлечение этих деятелей «Эль Тьемпо» расценила как ловкий ход генерала Рохаса с целью отвлечь массы от либеральной партии и обеспечить поддержку своему правительству в народе¹²⁵. Либералов в Конституционной ассамблее по-прежнему не было. Либеральное руководство, первоначально рассчитывавшее провести в нее некоторых своих представителей, было крайне разочаровано тем, что предложенные генералу Рохасу кандидатуры были отвергнуты. Тогда в знак протеста руководство запретило принимать мандаты тем, кто все-таки был пропущен Рохасом.

Столкнувшись с оппозицией в либеральной партии, а также с засильем лауреанистов в Конституционной ассамблее (что было, конечно, вполне естественным, учитывая, что она была созвана еще Л. Гомесом), Рохас Пинилья в течение двух лет не собирал даже и

¹²³ «The New York Times», 19.VIII 1956.

¹²⁴ Ibidem.

¹²⁵ «Neue Zürcher Zeitung», 24.VIII 1954.

этого эрзац-парламента. Однако ввиду приближения окончания срока своего пребывания у власти он вынужден был все же собрать его в октябре 1956 г. На этой сессии генерал Рохас рассчитывал провести решение о реформе конституции во франкистском духе с тем, чтобы придать видимость законности своему длительному пребыванию у власти¹²⁶. Однако за два года расстановка политических сил в стране значительно изменилась, и Рохас столкнулся с еще более сильной оппозицией, чем два года назад. Теперь против него выступали не только лауреанисты и либералы, но и оспинисты и альсатисты. Они открыто обвиняли Рохаса в том, что он принуждает Конституционную ассамблею оправдать присвоение им функций законодательной власти¹²⁷.

Столкнувшись с оппозицией в ассамблее, Рохас Пинилья стал угрожать ей роспуском. В интервью корреспонденту «Нью-Йорк таймс» 1 ноября 1956 г. он недвусмысленно заявил, что Конституционная ассамблея будет распущена и заменена новой, если она и в дальнейшем будет проявлять себя врагом правительства¹²⁸.

Тем не менее Рохасу не удалось добиться решения о реформе конституции. Работа ассамблеи была прервана. Однако военщина не отказалась от кампании за переизбрание Рохаса. В конце января 1957 г. высшее офицерство приняло решение добиться переизбрания Рохаса Пинилья на пост президента. Генерал Габриэль Парис открыто заявил об этом¹²⁹. Через несколько дней Национальный комитет консервативного союза, состоявший из прямых ставленников генерала Рохаса, заявил, что он одобряет это решение, потому что Рохас Пинилья отвечает идеалам консерватизма¹³⁰.

Правые социалисты и бывшие гаитанисты в Конституционной ассамблее также выступили за переизбрание Рохаса¹³¹.

Однако диктатор не надеялся, что большинство депутатов ассамблеи выступит за его переизбрание. Поэто-

¹²⁶ Колумбийская конституция запрещает переизбрание президента.

¹²⁷ «The New York Times», 2.XI 1956.

¹²⁸ Ibidem; «The Christian Science Monitor», 11.XI 1956.

¹²⁹ «Semana» [Bogotá], 1957, 11.II, p. 11.

¹³⁰ Ibidem.

¹³¹ Ibidem.

му он прибег к явной демагогии, неоднократно заявляя, что, так как консервативные лидеры в ассамблее не представляют народ, необходимо изменить ее состав путем включения представителей профсоюзов и армии¹³².

20 марта 1957 г. Конституционная ассамблея собралась вновь. В ее состав по личному приказу генерала Рохаса было включено 25 новых депутатов. Старого президента ассамблеи Оспину Переса за его враждебные выступления по адресу президента сменил верный ставленник Рохаса Пинилья — Л. Пабон Нуньес. Эти меры должны были обеспечить одобрение реформы конституции и переизбрание генерала Рохаса еще на один срок. Однако они только усилили оппозицию. Через два дня после открытия сессии часть депутатов покинула зал заседаний в знак протеста против подобной тактики правительства¹³³. Работа ассамблеи была практически сорвана.

Тогда Рохас Пинилья объявил данный состав Конституционной ассамблеи распущенным. Было заявлено, что в новый состав ассамблеи войдут 90 депутатов — 60 представителей от партий и профсоюзов и 30 будут назначены самим Рохасом¹³⁴.

Когда собранная в пожарном порядке новая ассамблея начала свои заседания 24 апреля, она состояла уже из одних сторонников Рохаса: он решил во что бы то ни стало добиться своего переизбрания.

ПАДЕНИЕ ДИКТАТУРЫ Г. РОХАСА ПИНИЛЬИ

Тем временем обстановка в стране становилась все более напряженной. В Кали начались открытые антиправительственные выступления. Демократические слои города на протяжении последнего десятилетия дважды испытали на себе железный кулак генерала. 9—10 апреля 1948 г. Рохас Пинилья, тогда еще мало кому известный полковник, руководил подавлением движения протеста против реакционного режима Оспины Переса¹³⁵.

¹³² «Semana» [Bogotá], 1957, 15—22.III, p. 12.

¹³³ «Semana» [Bogotá], 1957, 29.III—5.IV, p. 11, 12.

¹³⁴ «Semana» [Bogotá], 1957, 5—12.IV, p. 8.

¹³⁵ «Semana» [Bogotá], 1957, 18.II, p. 8.

а через год он же устроил побоище в Доме либералов¹³⁶, жертвой которого стали десятки ни в чем не повинных людей, в том числе женщины и дети.

Местные промышленники, торговцы и банкиры, недовольные налогами и ограничениями на импорт, введенными Рохасом, присоединились к демократически настроенным слоям интеллигенции и студенчества, выступившим против произвола военной диктатуры. Поэтому, когда в город 28 апреля 1957 г. прибыл символический кандидат Гражданского фронта Г. Леон Валенсия, совершающий нечто вроде предвыборной поездки по стране, деловые люди Кали встретили его с восторгом. 28—29 апреля в его честь было дано несколько банкетов, на которых ораторы консервативной и либеральной партий выступали с осуждением диктаторского режима. Чтобы положить конец крамольным выступлениям, уже на следующий день, 30 апреля, городские власти посадили Валенсия под домашний арест. Ему было отказано в праве выезда из города. Губернатор запретил проведение всех собраний и встреч в Социальном клубе, которые за несколько дней до этого сам же разрешил. Были закрыты все клубы города вплоть до теннисного. Эти меры, предпринятые с целью не допустить каких-либо антиправительственных выступлений в момент ожидавшегося приезда в Кали Рохаса Пинильи в сопровождении венесуэльского диктатора Переса Хименеса, только подлили масла в огонь.

1 мая студенты университета Кали объявили забастовку в знак протеста против произвола диктаторского режима. К ним присоединились ученики многих колледжей. В городе начались повальные аресты. Среди задержанных оказались довольно влиятельные люди: богатый сахарозаводчик Г. Эдер — казначей руководства либеральной партии, Л. Э. Сарди — брат старейшего депутата Конституционной ассамблеи, К. У. Кайседо — племянник миллионера Кайседо, приходский священник Х. Б. Гарсиа и др. Это еще более усилило недовольство в городских «верхах». На следующий день, 2 мая, стало известно, что 4 мая в городе состоится манифестация «для заглаживания вины перед президентом Рохасом». Правительственные чиновники объезжали департамент, вербуя се участников. Однако к губернатору направи-

¹³⁶ «Documentos Políticos», 1957, № 6, p. 28.

лись многочисленные делегации с требованием отменить этот спектакль; среди протестующих оказались даже два епископа. Местная газета «Релятор» получила целый поток писем протеста, но власти запретили печатать их. Тогда в центре Кали состоялась большая студенческая демонстрация. Студенты несли лозунги протеста и распевали национальный гимн. Их сопровождали дамы из высшего общества. Полиция применила слезоточивые газы, чтобы разогнать демонстрантов. Это усилило всеобщее возмущение в городе. 3 мая, чтобы как-то разрядить атмосферу, Г. Валенсии было разрешено вылететь в Боготу. Эта первая маленькая победа вызвала грандиозную студенческую и женскую демонстрацию под лозунгом отмены верноподданнической демонстрации, намеченной на 4 мая. Студенты распространяли в рабочих районах письмо епископов с выражением протеста против этой демонстрации. На следующий день с утра готовилась стихийная манифестация протеста. Тем временем в город прибывали автобусы с «демонстрантами». В 12 часов дня деловая жизнь в городе замерла. Пять тысяч «верноподданных» прошли под охраной полиции по центральным улицам города, как по живому людскому коридору. По их адресу не раздалось ни одного приветствия. Люди стояли молча. Эта молчаливая манифестация 60 тыс. горожан свидетельствовала об угрожающем провале «демонстрации».

Воскресенье 5 мая прошло в подготовке дальнейших антиправительственных выступлений. Священники в своих воскресных проповедях призывали прихожан не повиноваться распоряжениям генерала Рохаса, представители деловых кругов на званых обедах и ужинах согласовывали вопрос о всеобщей забастовке с понедельника 6 мая. Уже с утра на следующий день многие промышленные предприятия города прекратили работу. Остановился транспорт. Опустели строительные площадки. Начали закрываться магазины. Во второй половине дня забастовка стала почти всеобщей. Студенты университета и учащиеся всех колледжей активно включились в забастовку. Ректор одного из колледжей недалеко от университета вызвал полицию для наведения «порядка» в своем учебном заведении. На помощь учащимся бросились студенты и оказавшиеся на улице прохожие. В результате столкновений с полицией

несколько человек были убиты. В городе было введено осадное положение¹³⁷.

7 мая в Кали вновь начались антиправительственные студенческие манифестации. Епископ Кали отлучил от церкви офицеров, ответственных за убийство студентов. Духовенство открыто включилось в борьбу за свержение диктатуры.

8 мая состоялись похороны студента, убитого во время столкновений с полицией 6 мая. Они превратились в мощную антиправительственную манифестацию, в которой участвовало не менее 50 тыс. человек. На этот раз трудящиеся приняли в ней самое активное участие. На следующий день, 9 мая, несмотря на то что в город были стянуты войска и сельская полиция со всего департамента, в похоронах убитого полицией рабочего участвовало около 200 тыс. человек. В процессе было много рабочих. В Кали не осталось буквально ни одной стены, где не было бы какого-нибудь антиправительственного лозунга. В этот же день стало известно о «перезибрании» Рохаса Пинильи президентом на следующий срок. В знак протеста на улицах города состоялась грандиозная демонстрация.

События в Кали получили мощный отклик по всей стране. 5 мая в столице в знак солидарности с жителями Кали не вышла ни одна оппозиционная газета. В течение дня в Боготе неоднократно возникали враждебные правительству манифестации. Все университеты столицы (в том числе и иезуитский) прекратили занятия. Ночью Богота патрулировалась солдатами. Танки, броневики и солдаты с минометами заняли позиции у президентского дворца, Капитолия и других общественных зданий¹³⁸. 6 мая начавшаяся в Кали всеобщая забастовка перекинулась и в Боготу. Национальная федерация торговцев выступила с призывом прекратить всякую деятельность. Стали закрываться магазины. Хотя Национальная ассоциация промышленников не приняла никакой резолюции, многие фабрики и заводы прекратили работу по решению своих владельцев или директоров. Во второй половине дня закрылись крупнейшие банки столицы и биржа.

¹³⁷ «Acción» [Montevideo], 7.V 1957.

¹³⁸ «Acción» [Montevideo], 6.V 1957.

Подобная же ситуация складывалась в других городах страны.

В такой напряженной обстановке в ночь с 6 на 7 мая Рохас Пинилья выступил по радио с заявлением о том, что вооруженные силы «предпримут все необходимые меры», чтобы помешать всеобщей забастовке против правительства. Он сказал, что забастовочное движение проводится предпринимателями, а не рабочими и поэтому незаконно. Рохас зачитал послание командования вооруженных сил, в котором говорилось о единстве с президентом и о готовности умереть, если это будет необходимо для спасения Колумбии¹³⁹. Утром в Боготе начались многочисленные аресты. Студенты столицы отказались от манифестаций по призыву официальных руководителей Гражданского фронта — А. Льераса Камарго и Г. Л. Валенсии. Было официально объявлено о забастовке 15 важнейших промышленных предприятий города¹⁴⁰. В этот день исполком Коммунистической партии Колумбии обратился ко всем трудящимся с манифестом, призывавшим поддержать движение протеста, начатое студентами. Манифест выдвигал конкретные лозунги борьбы: отмена осадного положения, демократические свободы и народные выборы, немедленное освобождение всех политзаключенных и снижение дороговизны жизни за счет военных расходов, увеличение ассигнований на образование и университетская автономия. Вместе с тем манифест предостерегал против террористической тактики и призывал быть начеку перед возможными провокациями со стороны реакции¹⁴¹.

Чтобы показать прочность режима военной диктатуры, реакционная военщина утром 8 мая устроила демонстративное «переизбрание» Рохаса Пинильи на следующий президентский срок (1958—1962 гг.).

Но даже специально подобранные правительством депутаты Конституционной ассамблеи не сумели инсценировать единодушие в этом вопросе. За «переизбрание» проголосовало 76 человек (из 90), один депутат проголосовал против, а 13 демонстративно покинули зал во время голосования. Чтобы создать хоть какую-то видимость народной поддержки, на центральных улицах Боготы

¹³⁹ «Acción» [Montevideo], 7.V 1957.

¹⁴⁰ «Acción» [Montevideo], 8.V 1957.

¹⁴¹ «Documentos Políticos», 1957, № 6, p. 51, 52.

была организована демонстрация сторонников диктатора под лозунгами: «Да здравствует правительство! Долой политическую олигархию!»

После своего «переизбрания» Рохас попытался прежде всего добиться возобновления работы банков. Он вызвал к себе для переговоров управляющих банками, но эта встреча оказалась безрезультатной. Тогда Рохас объявил всех банковских служащих военнообязанными и приказал им немедленно вернуться к работе. Он издал специальный декрет, в силу которого все бастующие банки после 10 мая должны платить 6 процентов неустойки по текущим счетам. Вместе с тем он выступил с демагогическими обещаниями и заявлениями, стараясь отвлечь рабочих от участия в забастовке. Он заявил, что его правительство будет служить интересам трудящихся классов. Вновь повторив, что только олигархия несет ответственность за забастовку, он сказал, что, если промышленники имеют столько денег, чтобы оплачивать незаконную забастовку, они должны иметь их и для того, чтобы повысить заработную плату. Он пытался запугать обывателей классово-борьбой, которую якобы развязала олигархия, и вместе с тем успокоить буржуазию обещанием не предпринимать никаких новых шагов в экономической области. Он обещал не применять огнестрельного оружия, а только воду и газы при столкновении полиции и войск со студентами¹⁴².

Испугавшись антиправительственных выступлений церковников, Рохас пытался представить их следствием недоразумений. Он заявил, что войскам приказано не приближаться к церквям во избежание возможных провокаций и что он удовлетворил просьбу католического примаса Колумбии кардинала Луке об отмене назначенной на 11 мая манифестации своих сторонников¹⁴³.

Вечером 8 мая была предпринята еще одна попытка сорвать забастовку. По радио было объявлено, что правительство возместит весь ущерб шоферам и частным транспортным компаниям, если они будут поддерживать нормальную работу транспорта. Но никто не откликнулся на этот призыв¹⁴⁴.

¹⁴² «Acción» [Montevideo], 9.V 1957.

¹⁴³ Ibidem.

¹⁴⁴ Ibidem.

9 мая вся деловая жизнь страны была парализована. Кардинал Луке открыто обвинил вооруженные силы в убийстве студентов в воскресенье 5 мая. Это обвинение было опубликовано в официальном органе колумбийской церкви «Эль Католисиомо». Епископ Кали Х. Кайседо грозил отлучением от церкви всех виновных¹⁴⁵. Повсюду проходили антиправительственные манифестации. Не хватало ни солдат, ни полиции, чтобы разогнать их. Даже на далеком полуострове Гуахира в Маикао антиправительственные демонстрации закончились столкновением с полицией. Несколько человек были убиты¹⁴⁶. Участие трудящихся в антиправительственных демонстрациях становилось все более массовым. Буржуазия и ее политики начали опасаться, не зашли ли они слишком далеко. Военщина также поняла необходимость уступок буржуазии, чтобы не потерять власть. В ночь с 9 на 10 мая в президентском дворце в присутствии Рохаса Пинильи состоялось совещание высшего офицерства. Столица не спала. На рассвете улицы стали заполняться народом. Демонстранты направлялись в центр города к президентскому дворцу с лозунгами: «Долой диктатора! Да здравствует свободная Колумбия! Долой солдатский сапог! Долой Конституционную ассамблею!» К 6 часам утра у дворца собралось около 300 тыс. человек. Кто-то сбросил с балкона Капитолия два больших портрета Рохаса. Их немедленно разодрали в клочья. Патрули исчезли. Требовалась немедленная уступка, чтобы не допустить дальнейшего развития событий. На совещании высших офицеров было решено, что Рохас Пинилья официально передаст власть военной хунте в составе пяти человек. В нее вошли: генерал-майор Г. Парис — бывший военный министр, генерал-майор Д. Фонсека — шеф национальной полиции, бригадный генерал Р. Навас Пардо — командующий сухопутными вооруженными силами, бригадный генерал Л. Э. Ордоньес — шеф секретной полиции и контр-адмирал Р. Пьедраита — бывший министр общественных работ¹⁴⁷.

В семь часов утра огромная толпа, предусмотрительно собравшаяся на аэродроме, помешала бегству бывшего диктатора. Ему пришлось вернуться во дворец.

¹⁴⁵ «Acción» [Montevideo], 11.V 1957.

¹⁴⁶ «Acción» [Montevideo], 9.V 1957.

¹⁴⁷ «Semana» [Bogotá], 1957, 17—24.V, p. 6, 7; «Acción», 11.V 1957.

Официальное радио поспешило объявить, что генерал Рохас добровольно передал власть военной хунте и в течение дня выступит по радио с обращением к колумбийскому народу.

Весть о падении диктатора повсеместно вызвала бурную радость. Люди заполнили улицы, празднуя победу. Появились лозунги: немедленно освободить всех политзаключенных, распустить ненавистную Конституционную ассамблею, санкционировавшую переизбрание Рохаса. Но хунта отдала приказ — разгонять подобные манифестации. Вскоре появились первые жертвы нового режима. Согласно официальным сообщениям, в Боготе 10 мая, уже после падения генерала Рохаса, во время разгона демонстрации было убито четыре человека и 32 ранено. В Манисалесе в этот же день стреляли по студенческой демонстрации, участники которой требовали освобождения своих товарищей, задержанных еще до падения диктатора. Двое студентов были убиты, многие ранены¹⁴⁸.

В демонстрантов стреляли также в Кали и Медельине. В Медельине было 11 убитых и сотни раненых¹⁴⁹. Большие волнения происходили в департаменте Магдалена. Венесуэльская газета «Эль Универсаль» 11 мая сообщила, что «обезумевшие толпы» набросились на правительственные здания в Манкао. В результате столкновений были убиты и ранены¹⁵⁰.

Всеобщая забастовка продолжалась еще три дня после падения Рохаса. Рабочие и служащие только 13 мая вернулись к работе¹⁵¹.

Церковь, в последние дни существования рохасовского режима столь решительно выступавшая против него, и в новой ситуации старалась играть активную роль. Она попыталась отвлечь массы от уличных манифестаций торжественными мессами в честь падения диктатора. Сам кардинал Луке выступил по радио с призывом сохранять порядок и ждать, потому что новому правительству нужно время, чтобы разрешить все проблемы. Он предостерегал против пропаганды коммунистов¹⁵².

¹⁴⁸ «Semana» [Bogotá], 1957, 7—14.VI, p. 13.

¹⁴⁹ Ibidem.

¹⁵⁰ «El Universal» [Caracas], 11.V 1957.

¹⁵¹ «Acción» [Montevideo], 13.V 1957.

¹⁵² L. E. Agudelo Ramírez, R. Montoya y Montoya. Op. cit., p. 307.

Церковные амвоны использовались теперь для антикоммунистических проповедей. Руководители Гражданского фронта А. Льерас Камарго и Г. Л. Валенсия заявили о поддержке военной хунты и призвали прекратить всеобщую забастовку. Генерал Парис, возглавивший хунту, выступил с обещаниями вернуться к конституционным порядкам, как только это станет возможным, отменить осадное положение и провести всеобщие выборы ¹⁵³.

А тем временем хунта организовала беспрепятственный выезд из страны свергнутого диктатора. В ночь на 11 мая Рохас Пинилья в правительственной машине в сопровождении сильной военной охраны был доставлен в аэропорт, где его ждал специально подготовленный самолет. Столичная «Интермедиа» на следующий день сообщила, что перед самым отъездом Банк республики подарил генералу Рохасу 15 млн. долл. ¹⁵⁴, что, однако, не помешало ему лицемерно заявить журналистам на Бермудах, что он совершенно разорен, а его долги превышают 2 млн. песо. Прибыл по приглашению Франко в Мадрид 13 мая, он направился в самый дорогой отель. За ним несли 296 чемоданов, как об этом не без иронии писали многие латиноамериканские газеты ¹⁵⁵. Попустительство хунты не может вызвать удивления потому, что она состояла из открытых приверженцев свергнутого диктатора; один из членов свиты Рохаса цинично заявил мадридским журналистам, что миссия военной хунты — представлять правительство до возвращения Рохаса в Колумбию, которое произойдет, возможно, через несколько месяцев ¹⁵⁶.

Коммунистическая партия Колумбии в своем манифесте от 10 мая называла хунту прямой наследницей старого режима и призывала народ к бдительности. Компартия выступала за продолжение и расширение национальной забастовки под лозунгами немедленного создания временного гражданского правительства и немедленного назначения даты всеобщих выборов. Манифест снова призывал к единству всех сил, выступавших прогив Рохаса Пинилья ¹⁵⁷.

¹⁵³ «Acción» [Montevideo], 11.V 1957.

¹⁵⁴ «Acción» [Montevideo], 13.V 1957.

¹⁵⁵ Ibidem.

¹⁵⁶ Ibidem.

¹⁵⁷ «Documentos Políticos», 1957, № 6, p. 52.

Продолжение общенациональной забастовки уже после падения генерала Рохаса вынудило хунту пойти на некоторые уступки. Было создано временное двухпартийное гражданское правительство, распущены по домам депутаты Конституционной ассамблеи, началось освобождение политзаключенных. Вместе с тем уступки хунты могли бы быть более значительными, если бы руководство Гражданского фронта занимало твердую позицию, но оно боялось опереться на массы и предпочитало метод взаимных уступок в своих отношениях с хунтой.

13 мая исполком Коммунистической партии Колумбии в новом манифесте подвел первые итоги майских дней, дал оценку текущему моменту и определил направление предстоящей борьбы.

В манифесте говорилось, что падение тирана — это «только первый шаг на пути завоевания демократии, поэтому что нужно помнить, что Рохас Пинилья лично назначил военную хунту»¹⁵⁸. Манифест признавал справедливость недовольства некоторых демократических слоев соглашательской политикой А. Льераса Камарго и Г. Л. Валенсии, которые в обмен на отмену общенациональной забастовки получили важные, но, учитывая размах забастовки, явно недостаточные уступки со стороны хунты. Манифест обращал внимание на то, что хунта продолжает сохранять нетронутым весь репрессивный аппарат свергнутой диктатуры, что реакционная Конституционная ассамблея лишь временно распущена, а не разогнана и что хунта не проявляет никакого стремления отменить осадное положение. Учитывая новую обстановку, компартия выдвигала такие лозунги борьбы, которые способствовали бы силовению всех сил, выступавших против военной диктатуры. Наряду с лозунгами об отмене осадного положения и проведении всеобщих выборов от президента республики до членов муниципальных советов выдвигались требования о прекращении политики террора и насилий в деревне, о всесторонней помощи крестьянам в возвращении отобранных у них земель. Компартия решительно выступала за удовлетворение требований рабочего класса об

¹⁵⁸ «Documentos Políticos», 1957, № 6, p. 53.

улучшении условий жизни и восстановлении профсоюзных свобод¹⁵⁹.

Свержение колумбийского диктатора получило широкий отклик на всем латиноамериканском континенте. Уже на следующий день после падения Рохаса Пинильи ведущая буржуазная газета Уругвая «Аксьон» вышла с крупными заголовками на первой странице: «Народ сбросил Рохаса Пинилью! Внушительная толпа на улицах провозглашает: Да здравствует свобода! Рабочие, студенты и армия сбросили тиранию!»¹⁶⁰ Влиятельная чилийская газета «Эль Меркурио» писала о жестоком моральном поражении диктатуры Рохаса Пинильи¹⁶¹. Аргентинские газеты также приветствовали падение диктатуры в Колумбии. «Ла Пренса» выступила со статьей «В Америке еще одним диктатором меньше»¹⁶², а «Ла Насьон» писала о «воскрешении Колумбии»¹⁶³.

Пресса Соединенных Штатов тоже не скрывала своей радости. Влиятельная буржуазная газета «Вашингтон пост энд таймс геральд» в редакционной статье «Рохас уходит» писала: «Падение тирана — всегда радостное событие для свободных людей, и бесславный крах генерала Рохаса Пинильи особенно радует потому, что Рохас быстро превратился в одного из самых жестоких деспотов Латинской Америки»¹⁶⁴. Однако отнюдь не демократическими симпатиями американской буржуазии объясняется эта позиция вашингтонской газеты. В этом же номере говорилось о весьма возможной перспективе того, что новое колумбийское правительство (имеется в виду военная хунта) не будет большим другом свободы, чем режим Рохаса. Это, впрочем, не мешало государственному департаменту США со странной поспешностью заявить о его признании на следующий же день после свержения Рохаса Пинильи. Американскую буржуазию вовсе не волновал вопрос, является ли режим Рохаса Пинильи демократическим

¹⁵⁹ «Documentos Políticos», 1957, № 6, p. 54.

¹⁶⁰ «Acción» [Montevideo], 11.V 1957.

¹⁶¹ «El Mercurio» [Santiago de Chile], 11.V 1957.

¹⁶² «La Prensa» [Buenos Aires], 12.V 1957.

¹⁶³ «La Nación» [Buenos Aires], 12.V 1957.

¹⁶⁴ «Washington Post and Times Herald», 11.V 1957.

или диктаторским, пока он отвечал корыстным интересам американских монополий. Но как только политика Рохаса перестала им соответствовать, американская пресса подняла крик об антидемократическом характере режима Рохаса, и он получил титул тирана. Правительство Соединенных Штатов отказало Рохасу во въезде, когда он попросил об этом 11 мая. Вероломное поведение американских правящих кругов настолько удивило бывшего диктатора, что во время вынужденного пребывания на Бермудских островах, когда после неожиданного отказа госдепартамента оказалось, что Рохасу некуда ехать (его выручило приглашение генерала Франко), он многозначительно заявил корреспондентам: «Когда США просили меня о помощи или сотрудничестве, мое правительство всегда первым откликнулось на этот призыв»¹⁶⁵. И это было действительно так. Вспомним хотя бы пребывание колумбийских войск в Корее в интересах американских монополий. Однако в последнее время генерал Рохас стал слишком неудобной политической фигурой для американских правящих кругов из-за своей исключительной непопулярности почти во всех слоях колумбийского общества, из-за своих подделок под перонистскую демагогию и из-за своей экономической политики, которая самым чувствительным образом затронула интересы многих североамериканских монополий. Поэтому американское правительство поторопилось с признанием военной хунты.

Итак, диктатура Рохаса Пинильи пала после того, как в стране по инициативе крупной буржуазии началась всеобщая забастовка. Каковы же были причины, толкнувшие колумбийскую буржуазию на столь крайнюю меру? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно указать на углубляющиеся противоречия между нею и военной диктатурой, обострившиеся следующими факторами.

1. Налоговая политика диктатуры препятствовала расширению капиталистических предприятий. Крупная буржуазия была недовольна тем, что многочисленные налоги, введенные военной диктатурой без консультации с ее представителями, использовались для непроизводительных расходов.

¹⁶⁵ «Documentos Políticos», 1957, № 6, p. 6.

2. Баснословные военные расходы наряду с расточительностью и воровством находящейся у власти группировки привели страну к валютному кризису. Лицензии на импорт машин, сырья и необходимых товаров потребления, получаемые буржуазией, были грубо урезаны, в то время как члены правящей верхушки обогащались путем спекуляций и контрабанды. Из-за недостатка лицензий на импорт было закрыто несколько предприятий, а ряд других сократил обслуживающий персонал больше чем наполовину.

3. Военно-бюрократическая камарилья Рохаса Пинильи, по происхождению принадлежащая клатифундистским кругам, влияние которых на правительство усиливалось по мере роста партизанского движения, вытеснила крупную буржуазию со всех позиций в государственном аппарате, таких, как Верховный суд, Государственный совет, правление Банка республики, Конституционная ассамблея. Посты губернаторов, алькальдов и даже ректоров университетов заняли армейские офицеры. Попытка Рохаса создать собственную партию окончательно лишила его поддержки банкиров и промышленников.

4. Наконец, неспособность военной диктатуры покончить с партизанским движением, в котором все большую роль играли коммунисты. Это также беспокоило крупную буржуазию, опасавшуюся как бы правление генерал Рохаса не развязало социальной революции.

Высшая церковная иерархия, тесно связанная с крупной колумбийской буржуазией, в этом обострившемся конфликте, естественно, встала на сторону последней и постаралась использовать все свое влияние, чтобы добиться отставки Рохаса Пинильи.

Многотысячные манифестации в знак протеста против «переизбрания» генерала Рохаса президентом еще на один срок заставили господствующие классы страны поторопиться с урегулированием конфликта путем компромиссного решения, чтобы не допустить революционного взрыва¹⁶⁶. Таким компромиссом стала отставка Рохаса Пинильи 10 мая и передача власти военной хунте, им же самим назначенной. Хунта, оставив не-

¹⁶⁶ G. Vieira, Der Kampf des kolumbianischen Volkes für Frieden und nationale Unabhängigkeit.— «Aus der Internationalen Arbeiterbewegung», Berlin, 1959, № 8, S. 24.

тронутым весь репрессивный аппарат военной диктатуры¹⁶⁷, находилась у власти в течение года, содействуя крупной буржуазии в подготовке к президентским выборам. Чтобы разрешить вопрос о партийном соперничестве и отстранить от участия в политической жизни страны коммунистическую партию, руководство традиционных партий договорилось о чередовании власти вплоть до 1974 г. Однако представители военищины не сразу отказались от своих надежд, связанных с возвращением Г. Рохаса. Буквально за два дня до президентских выборов его сторонники подняли в Боготе мятеж и даже арестовали А. Льераса Камарго — кандидата в президенты, — но, не получив поддержки армии, вынуждены были отказаться от дальнейших действий. 4 мая 1958 г. в Колумбии проходили выборы президента на период 1958—1962 гг. Им стал либерал А. Льерас Камарго¹⁶⁸. С военной диктатурой было покончено.

Состоявшийся в декабре 1958 г. VIII съезд Коммунистической партии Колумбии уделил много внимания анализу внутривнутриполитического положения страны после падения диктатуры Рохаса Пинильи, позиции классов и партий в период ее господства, а также роли различных социальных и политических сил в ее падении.

Съезд констатировал, что военная диктатура, отражавшая интересы латифундистов, пала в результате действий широкого оппозиционного фронта, использовавшего мирные методы борьбы. Всеобщая забастовка, объявленная крупной буржуазией, встретила решительную поддержку со стороны рабочего класса, а также самых широких слоев городского населения, средних слоев, интеллигенции и даже духовенства. Падение Рохаса Пинильи произошло не в результате государственного переворота, а в результате грандиозного национального движения потеста против его «переизбрания»¹⁶⁹.

¹⁶⁷ Resolución política del Octavo Congreso del Partido Comunista de Colombia.— «Documentos del Octavo Congreso del Partido Comunista de Colombia». Bogotá, 1958, p. 5.

¹⁶⁸ Интересно, что кандидатура А. Льераса Камарго была предложена самим Л. Гомесом, который стал председателем сената после того, как А. Льерас приступил к исполнению своих обязанностей (Р. М. Нолт. *Op. cit.*, p. 43).

¹⁶⁹ G. Vieira. Informe político al VIII Congreso del Partido Comunista del Colombia.— «Documentos Políticos». Bogotá, 1959, № 13, p. 26.

Съезд, однако, отметил, что хотя компартия, действовавшая в труднейших условиях подполья, приняла активное участие в кампании против переизбрания Рохаса, она не смогла оказать решающего влияния на майские события из-за слабых связей с рабочим классом и малочисленности своих подпольных организаций в городах ¹⁷⁰. Поддержав Гражданский фронт буржуазии в том, что в нем было положительного, компартия вместе с тем не показала массам его узко классовый характер ¹⁷¹. У руководства майским движением оказалась крупная буржуазия, нашедшая компромиссный выход из создавшегося положения в передаче власти военной хунте, назначенной непосредственно генералом Рохасом. Поэтому участники съезда в своих выступлениях отмечали, что события 10 мая представляют собой лишь начало разложения военной диктатуры ¹⁷².

Съезд особо подчеркнул роль североамериканского империализма, оказывавшего финансовую, военную и политическую поддержку реакционному режиму генерала Рохаса до тех пор, пока это представлялось необходимым в интересах американских монополий. Когда Рохас Пинилья стал бесполезен и даже вреден им, американские правящие круги поддержали создание нового правительства, используя для этого своих агентов как внутри самого аппарата военной диктатуры, так и в Гражданском фронте буржуазии ¹⁷³.

¹⁷⁰ G. Vieira. Informe político al VIII Congreso del Partido Comunista de Colombia, p. 27.

¹⁷¹ Ibidem.

¹⁷² Ibid. p. 26.

¹⁷³ Ibid., p. 26, 27.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период 1946—1957 гг. в силу насыщенности событиями большой политической важности представляет несомненный интерес с теоретической стороны и с точки зрения практического использования накопленного опыта борьбы демократических сил страны за подлинное национальное освобождение и социальный прогресс.

В эти годы крупная буржуазия в союзе с латифундистами и при поддержке североамериканского империализма практически отказалась от всех норм обычного буржуазного правопорядка в борьбе с демократическим движением. Осадное положение стало характерной принадлежностью колумбийской политической жизни. В стране на протяжении нескольких лет одна террористическая диктатура сменялась другой, но все они не гнушались прибегать к политике виоленсии с целью задушить народное движение. Старейшая традиционная партия страны — консервативная, ведущие политики которой Л. Гомес, М. Ospina Перес, Р. Урданета Арбелаес и тесно связанный с консервативными кругами Г. Рохас Пинилья возглавляли самые реакционные правительства в колумбийской послевоенной истории, — в глазах колумбийского народа предстала в качестве главной виновницы гибели тысяч людей в результате преследований по политическим мотивам. Неспособность руководства либеральной партии организовать отпор реакции привела к тому, что многие ее сторонники вынуждены были отказаться от тех иллюзий, которые они к ней питали. Организационная беспомощность левого крыла этой партии — гаитанистского движения — также привела к значительной потере его влияния в массах.

Временное поражение демократического движения, в значительной степени вызванное неспособностью либеральной партии возглавить его, сопровождалось разгулом черносотенной реакции. С помощью террора ей удалось расправиться с лучшими руководителями рабочего и профсоюзного движения, физически уничтожить самые передовые элементы, а затем с помощью католической церкви расколоть его, что довершило ослабление боеспособности рабочего класса.

Вместе с тем, несмотря ни на какие самые чудовищные методы расправы, реакции не удалось покончить с крестьянским движением. Политика виоленсии вызвала стихийный отпор крестьянских масс, ответивших на нее организацией групп самообороны и партизанских отрядов. Партизанское движение в период 1949—1953 гг. приняло такой размах, что господствующие классы страны поторопились убрать с политической сцены слишком скомпрометировавшего себя Л. Гомеса, чтобы с помощью пришедшей к власти армии положить конец опасному развитию событий. Но военная диктатура не сумела надолго задержать развитие крестьянского движения, потому что не могла дать крестьянам земли. Возвращение к политике виоленсии вновь вызвало к жизни партизанское движение, которое на новом этапе своего существования (1954—1957 гг.) характеризовалось усилением влияния компартии и ростом организованности его участников.

Несмотря на широкую волну преследований по политическим мотивам и физическое уничтожение наиболее опасных оппозиционных элементов, реакции не удалось окончательно расправиться с демократическим движением в городе. В нем по-прежнему принимали участие передовая интеллигенция, студенческая молодежь, рабочий класс и мелкая буржуазия. Всех их объединяло недовольство засильем реакции, ответственной за гибель многих тысяч людей, возмущение антинациональной политикой реакционных правительств, которые делали американским монополиям одну уступку за другой, тем самым укрепляя и без того достаточно прочные позиции американского империализма в экономике Колумбии.

Вместе с тем опыт политической борьбы 1946—1957 гг. убедил наиболее дальновидных представителей господствующих классов Колумбии, что режим террори-

стических диктатур не является лучшим методом борьбы с демократическим движением. Свидетельством этого явился переход господствующих классов к новой форме управления страной --- Национальному фронту, сменившему Гражданский фронт, — когда соперничество традиционных партий в борьбе за власть сменилось объединением их усилий в стремлении помешать деятельности любых левых сил. Это объединение было вызвано ослаблением позиций обеих традиционных партий, последовавшим за обострением внутренних противоречий как в среде консерваторов, так и либералов в ходе острой политической борьбы периода 1946—1957 гг., приведшей их к глубокому кризису.

В то время как традиционные партии потерпели значительный морально-политический ущерб, Коммунистическая партия Колумбии, хотя и понесла в эти годы большие потери в борьбе за демократию, приобрела большой политический опыт.

Активно участвуя в партизанском движении, компартия вырастила прекрасные кадры партизанских командиров, пользующихся большим уважением среди крестьян. Особой популярностью пользуются такие партизанские руководители, как Х. де ла Крус Варела, Исауро Иоса и М. Маруланда Велес. Большое внимание, которое уделяется компартией работе с крестьянством, высокая оценка его революционных возможностей¹, базирующаяся на трезвом учете опыта борьбы демократических сил страны на протяжении последних десятилетий, вовсе не означает отрицания руководящей роли рабочего класса и необходимости рабоче-крестьянского союза.

Коммунистическая партия отдает много сил работе среди пролетариата, участвуя в его повседневной борьбе и укрепляя связи с массами. Особое внимание уделяется борьбе за восстановление профсоюзного единства, хотя на этом пути предстоит еще многое сделать. Влияние компартии в среде рабочего класса неуклонно увеличивается. Об этом свидетельствуют его растущий боевой дух и стремление к единству действий, проявляющиеся в частых и длительных забастовках то в одной, то в другой отрасли промышленности.

¹ G. Vieira. Perspectivas de la revolución colombiana.— «Documentos Políticos», 1965, № 50, p. 18.

В демократическом движении первого послевоенного десятилетия активно участвовало колумбийское студенчество. Оно внесло свой посильный вклад в борьбу против сил реакции и особенно против режима Г. Рохаса Пинильи. В последующие годы демократические традиции колумбийского студенчества получили дальнейшее развитие. Боевая студенческая молодежь потянулась к компартии, увидев в ней единственную истинно национальную силу, способную возглавить борьбу всех демократических и патриотических сил страны за радикальное переустройство колумбийского общества. Об этом свидетельствуют возросшие за последние годы ряды коммунистического союза молодежи и активное участие студенчества в политической борьбе под руководством компартии.

Оценивая проделанный за последние десятилетия путь борьбы и учитывая накопленный за это время опыт, Коммунистическая партия Колумбии видит своей основной задачей на современном этапе создание широкого патриотического фронта национального освобождения. Этот вопрос был главным на X съезде партии, состоявшемся в январе 1966 г. Недаром отчетный доклад ЦК, с которым выступил тов. Х. Виейра, назывался «За патриотический фронт национального освобождения». В докладе, так же как и в Политической резолюции съезда, настойчиво проводится мысль о развертывании массового движения среди прогрессивных сил Колумбии, об использовании всех методов и форм борьбы для достижения исторических перемен, в которых так нуждается страна. Отдавая должное крестьянской партизанской войне как одной из наиболее высоких форм массовой борьбы с засильем олигархии и растущим вмешательством американского империализма во внутренние дела Колумбии, съезд вместе с тем констатировал, что крестьянская партизанская война не является единственным средством, ведущим к цели. Самый верный путь к ней — создание широкого единого фронта, базирующегося на рабоче-крестьянском союзе и активном участии средних слоев населения, студентов, интеллигенции и демократически настроенных военных. И в единстве действий этих сил — залог неизбежной победы подлинно демократических, национальных сил колумбийского народа над силами внутренней реакции и ее союзника — империализма США.

ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

При осуществлении поставленных перед собой задач пришлось столкнуться с известными трудностями, вызванными прежде всего малочисленностью источников. Однако среди них оказались очень интересные материалы. Их тщательное изучение позволило более или менее точно представить картину классовую и политическую борьбы в стране в исследуемый период. Среди этих материалов важное место занимают документы Коммунистической, либеральной и консервативной партий.

Документы Коммунистической партии представляют особую ценность, ибо в силу своих классовых интересов компартия не нуждалась ни в искажении волнующих страну проблем, ни в их замалчивании. Правда, число этих документов невелико из-за того, что компартия в этот период была наиболее преследуемой партией и не имела возможности широко распространять их. Мы располагали лишь теми, которые публиковались коммунистическим еженедельником «Вангвардия дель пуэбло» и журналом «Документос политикос», выходящим с конца 1956 г., а также материалами VIII, IX и X съездов Коммунистической партии Колумбии (1958—1966 гг.). Большую ценность для изучения исследуемого периода представляет книга по истории Коммунистической партии Колумбии «Тридцать лет борьбы Коммунистической партии Колумбии»¹, широко использованная в данной работе.

¹ «Treinta años de lucha del Partido Comunista de Colombia». Bogotá, 1960.

Документы традиционных партий — либеральной и консервативной — также представляют известный интерес, поскольку свидетельствуют об их позиции по важнейшим вопросам внутривластной жизни страны. Политику либеральной партии в значительной мере можно проследить по партийной прессе. Либеральные газеты «Эль Тьемпо», «Эль Эспектадор», «Эль Либерал», распространявшиеся большим тиражом, умело использовались руководством партии для проведения своего влияния на массы.

К этому перечню следовало бы добавить еще газету левого крыла либеральной партии «Хорнада», которая, правда, издавалась незначительным тиражом, но помещала много материалов, разоблачающих произвол правящих кругов, вмешательство американского империализма во внутренние дела Колумбии, и выступала с резкой критикой своего партийного руководства, сотрудничавшего с реакционным режимом.

Нельзя также не упомянуть издававшийся либеральной партией еженедельник «Семана», из которого можно почерпнуть много важных сведений, касающихся внутривластной жизни страны.

Большой интерес представляет вышедший в 1949 г. сборник партийных документов под названием «Пятнадцать месяцев либеральной политики (апрель 1948 — июль 1949)»², содержащий ряд документов, характеризующих отношение партийного руководства к апрельским событиям 1948 г. и к правительству Ospina Peres.

Для исследования политики консервативной партии большое значение приобретает изучение партийной прессы — «Эль Сигло», «Ля Република», «Эль Колумбиано» — трех газет, издававшихся в Колумбии наибольшим тиражом. Кроме того, был использован сборник документов из серии «Правительство Национального союза»³, изданный бывшим президентом страны консерватором М. Оспиной Пересом. В нем помещены документы, характеризующие позицию консерваторов

² «Quince meses de política liberal (abril 1. 948 --- julio 1. 949)», publ. de la Dirección Nacional Liberal. Bogotá, 1949.

³ M. Ospina Pérez. El gobierno de Unión Nacional, t. 5. Crisis, defensa y consolidación de la democracia. 1948. Bogotá, 1950.

по отношению к длительной забастовке рабочих-нефтяников американской компании «Тропикэл ойл» и апрельским событиям в Боготе и других городах страны.

Для выяснения взаимоотношений правящих кругов Колумбии и США большой интерес представляет серия дипломатических документов периода 1946—1957 гг., куда, в частности, входят соглашения о посылке американских военных, технических и прочих миссий в Колумбию, а также текст двустороннего военного пакта с США 1952 г., который во многом определил дальнейший внешнеполитический курс Колумбии.

Что касается экономических позиций американского империализма в Колумбии и политики колумбийского правительства в области взаимоотношений с иностранным капиталом, то для их оценки чрезвычайно важны статистические материалы — промышленная перепись 1945 г., выборочная сельскохозяйственная перепись 1954 г., отчеты Банка республики, доклад специальной миссии Международного банка реконструкции и развития и другие материалы. Нефтяной кодекс 1952 г.⁴, Промышленный кодекс 1956 г.⁵, куда вошло законодательство за весь послевоенный период, отражают политику колумбийского правительства в области экономики.

Была использована также различная литература, освещающая политические вопросы, в частности мемуарная. Она довольно значительна по объему.

Больше всего книг посвящено апрельским событиям 1948 г. Их авторы — люди различного социального положения и партийной принадлежности — по-разному подошли к трактовке событий, свидетелями которых они были. Представители правящих кругов Колумбии и консервативные деятели за границей, как правило, увидели в этом стихийном взрыве народного возмущения «пронски» международного коммунизма, который использовал бунт «черни» для подрыва демократических институтов. Классовую сущность такой позиции в свое время разоблачил известный деятель левого крыла либеральной партии Дарио Самнер, который

⁴ Código del petróleo.— «Boletín de petróleos», 1958, № 86—87.

⁵ A. Silva, T. L. Caldas. Régimen legal de la industria en Colombia. Codificación de disposiciones vigentes con notas y concordancias. Bogotá, 1956.

писал: «Враги народа в освещении событий 9 апреля заботились прежде всего о своих партийных интересах, а не об исторической правде... Правые писатели, выполняя международные приказы о борьбе против «коммунизма», решили, что лучшим способом объяснить убийство вождя (имеется в виду Х. Э. Гаитан.— *Н. И.*) будет свалить всю ответственность на пресловутых агентов Москвы. Таким образом они хотели оставить в тени террористов, которые создали обстановку, позволившую совершить гнусное преступление»⁶. Произведений подобного рода довольно много, а их главная цель заключалась в разжигании антикоммунистической истерии. Поэтому нет нужды подробно разбирать каждое из них. Достаточно остановиться на двух, которые, помимо явного антикоммунизма, содержат некоторый фактический материал о развитии событий, а также о людях, находившихся у кормила государственного управления Колумбией.

«Воспоминания об Оспине Пересе»⁷, опубликованные в 1953 г. одним из деятелей консервативной партии Уго Веласко, интересны подробностями о многих деятелях, чья судьба оказалась в той или иной степени связанной с судьбой апрельского движения. Хотя книга посвящена Оспине Пересу, ее действительный «герой» — Лауреано Гомес. Автор многократно в той или иной связи касается личности Гомеса и не скупится на лестные отзывы о его талантах государственного деятеля. Веласко считает его «самым способным политическим стратегом Колумбии»⁸ и «самым выдающимся министром в консервативном правительстве Оспины Переса»⁹. Скандальная деятельность комитета по подготовке IX Панамериканской конференции под председательством Гомеса вызывает у Веласко восхищение¹⁰. Приход Гомеса к власти объясняется не той политикой террора, которая проводилась при Оспине Пересе с целью не допустить победы либеральной партии на вы-

⁶ G. Orrego Duque. 9 de abril fuera de palacio, Bogotá, 1949, Prólogo.

⁷ H. A. Velasco. Mariano Ospina Pérez. Bogotá, 1953.

⁸ Ibid., p. 84.

⁹ Ibid., p. 152.

¹⁰ Ibid., p. 139.

борах, а исключительно силой личности Гомеса, в противовес слабому Эчандиа. Последний изображается безвольным человеком, не способным к решительным действиям¹¹.

С еще большим восторгом пишет Веласко о политике либерального предшественника Оспины Переса на посту президента, об А. Льерасе Камарго, который энергичными и решительными мерами предотвратил восстание либералов против президента-консерватора¹². Со многими подробностями автор рисует положение, сложившееся в стране с приходом к власти «президента меньшинства» Оспины Переса¹³. Рост забастовочного движения среди рабочих, недовольство среди всех слоев населения, появление оппозиции внутри самой консервативной партии, переход к террору как к средству политической борьбы,— обо всем этом Веласко пишет довольно откровенно. Это стремление подчеркнуть сложность обстановки, а отсюда отсутствие приукрашивания действительности, характерное для других апологетов оспинистского режима, имеет, конечно, определенную политическую цель, а именно,— оттенить «величие» Оспины Переса, его таланты политического и государственного деятеля. «Хаос, распад колумбийского общества,— по мысли Веласко,— требовали сильного человека, титана, чтобы железной рукой и прогрессивным образом мысли положить конец беспорядкам и спасти Колумбию. Этим человеком был М. Оспина Перес»¹⁴.

Однако эта кажущаяся откровенность вовсе не беспредельна. Принадлежность Веласко к реакционной партии толкает его на явную фальсификацию, когда дело доходит до оценки причин апрельских событий. Здесь он, не приводя абсолютно никаких доказательств, прямо связывает их с «происками чуждых и иностранных сил»¹⁵.

Веласко не скупится на обвинения либеральной партии, несущей, с его точки зрения, полную ответственность за те меры, которые вынужден был якобы «для

¹¹ H. A. Velasco. Op. cit., p. 201—203.

¹² Ibid., p. 89.

¹³ Ibid., p. 103—107.

¹⁴ Ibid., p. 207.

¹⁵ Ibid., p. 138.

охраны граждан и их собственности»¹⁶ принять М. Ospina Перес. Президент в данном случае выступает как миротворец, терпение которого, наконец, было истощено «безумной политикой» либеральной партии, «открыто провозгласившей гражданскую войну и абсолютное непризнание консервативного правительства»¹⁷. Роспуск конгресса и введение осадного положения, осуществленные Оспиной Пересом 9 ноября 1949 г., изображаются как вынужденные меры, вызванные безответственной политикой либеральной партии. Они оказываются «необходимыми для спасения законности и конституционного порядка от хаоса»¹⁸. Так словесной маскировкой Веласко старается прикрыть истинное положение вещей, заключающееся в том, что эти меры обеспечили передачу власти в руки Лауреано Гомеса.

К этому реакционному направлению в освещении событий 9 апреля относится также книга бывшего представителя Боливии в ООН, делегата IX Панамериканской конференции Умберто Пальсы. Уже сама двусмысленность названия («Красная ночь Боготы»¹⁹) определяет позицию автора этого произведения. Книга представляет собой нечто вроде дневника, дополненного в конце выдержками из колумбийской прессы того времени, а также некоторыми документами конференции. Не вдаваясь в суть дела, Умберто Пальса принимает без всяких возражений утверждение правительства, что «восстание было заранее подготовлено коммунистами»²⁰. Он воспроизводит картину внезапности народного возмущения, полной растерянности, царившей среди колумбийских правящих кругов и участников конференции.

Пальса не жалеет красок при описании всякого рода разрушений, причиненных Боготе в результате анархии, воцарившейся в городе вслед за убийством Гаитана. Все эти достойные сожаления акты стихийного возмездия народа, не имевшего руководства и

¹⁶ H. A. Velasco. Op. cit., p. 133.

¹⁷ Ibid., p. 196.

¹⁸ Ibid., p. 211.

¹⁹ H. S. Palza. La noche roja de Bogotá. Páginas de un diario. Buenos Aires, 1949.

²⁰ Ibid., p. 30.

подавшегося на призывы экстремистов и провокаторов, выдаются чуть ли не за социальную революцию. Позиция лидеров либеральной партии в момент трагических событий в столице вызывает у Пальсы чувство преклонения. Для него сотрудничество Эчандиа с ненавистными консерваторами — свидетельство того, что «родная земля» все-таки дороже партийных интересов²¹. А «родной земле», по утверждению автора, угрожал международный коммунизм. Поэтому не случайно вопрос об обсуждении антикоммунистической резолюции на конференции занимает в книге центральное место, а из всех документов конференции только эта резолюция и тексты выступлений делегатов в ходе ее обсуждения удостоены чести быть помещенными в виде приложений в конце издания.

Если значительная часть книги написана в форме дневника, который отражает события так, как их воспринимал автор, то вторая часть, менее значительная по объему, представляет собой собрание мнений и оценок других людей, которые фактически и объясняют, чем же были вызваны колумбийские события. Если в собственно дневнике автор заявляет, что «восстание в Боготе — результат происков международного коммунизма», то во второй части книги, правда, на последнем плане, говорится, что дело, оказывается, не только в «международном коммунизме», но и в том, что в стране миллионы людей живут на грани нищеты²², что с приходом к власти президента Осипы Переса консерваторы перешли к тактике политических насилий и убийств²³ против своих партийных соперников. Поэтому для читателя, желающего действительно разобраться в причинах апрельских событий в Колумбии, эти страницы книги Пальсы представляют известный интерес.

Грубый антикоммунизм колумбийских правящих кругов, инспирированный США и подхваченный в мемуарах консервативных деятелей, вызывал протест демократически настроенных слоев интеллигенции как в Колумбии, так и в других странах Латинской Америки. В борьбе с ним появилась целая серия книг сов-

²¹ H. S. P a l z a. Op. cit., p. 28.

²² Ibid., p. 94.

²³ Ibid., p. 92.

сем противоположного характера. Некоторые авторы, в целом правильно освещавшие причины апрельского движения 1948 г., в острой полемике с позицией официальных кругов не смогли избежать известной идеализации событий, одни в большей степени, другие — в меньшей. Среди них оказались и те, кто квалифицировал их как революционное восстание с целью захвата власти народом, хотя приведенные ими факты не дают достаточных оснований для такого вывода. В противоположность реакционерам, игравшим на теневых сторонах движения, авторы этих книг почти совсем их не замечают. Их внимание поглощено разоблачением реакционной политики правящих кругов страны, их связей с американским империализмом, разоблачением клеветы по адресу колумбийских коммунистов и Советского Союза, обвиненных в организации убийства Гаитана и беспорядков в Боготе. Они приводят много фактов, свидетельствующих о провокационном характере этого убийства, послужившего интересам колумбийской и международной реакции. Именно в этих разоблачениях и заключается основная ценность этих книг. Их довольно много. Одной из первых появились воспоминания друга Гаитана Г. Оррего Дуке «9 апреля за пределами дворца»²⁴.

На первом плане, конечно, личность Гаитана, его убийство, и события 9 апреля освещаются прежде всего как гнев народа против убийц Гаитана. Поэтому не случайно глава под названием «Политический, экономический и социальный вопрос», которая собственно и дает ответ, почему же убийство Гаитана привело к таким неожиданным для организаторов этого убийства последствиям, как народное движение протеста по всей стране, помещена в самом конце книги.

Нет смысла подробно останавливаться на том уважении, которое испытывает Оррего Дуке к памяти своего учителя, «чей прекрасный пример самоотверженности и патриотизма никогда не повторится в истории этой страны»²⁵, и тех подробностях, которые касаются убийства Гаитана. Для читателя интересны прежде всего политические оценки автора, его отношение к участникам событий, к правительственным кругам.

²⁴ G. Orrego Duque. 9 de abril fuera de palacio. Bogotá, 1949.

²⁵ Ibid., p. 4.

Автор подробно описывает положение в Боготе. Из его книги можно узнать о поведении армии, о роли полиции и о гнусной позиции церкви по отношению к кровавым событиям в столице²⁶. Оррего Дуке — убежденный католик, но участие церковников в убийствах в трагические апрельские дни, когда церкви, как он отмечает, были «самыми смертоносными очагами в борьбе против революционеров»²⁷, вызывает у него негодование.

Следует сказать и об отношении Оррего Дуке к руководству либеральной партии, о далеко не положительной оценке его роли в событиях 9 апреля²⁸. Особенная неприязнь чувствуется к Дарио Эчандиа, который даже сравнивается с Лавалем²⁹. Автора возмущает поведение либеральных политиков, которые в течение почти целых суток после убийства Гаитана не удосужились узнать о судьбе его тела и о том, в каком положении находится его семья³⁰. Оррего Дуке показывает тяжелое положение народа, его политическое бесправие, бессовестное обогащение отдельных лиц за счет большинства населения и мошеннических спекуляций³¹. Факты, приведенные автором, раскрывают глубокие внутренние экономические и политические причины, обусловившие широкий размах движения, которое началось вслед за убийством Гаитана.

С интересом читается книга Э. Мартинеса Селады, названная самим автором «достоверной хроникой апрельского народного движения 1948 года»³². Мартинес Селада — член гватемальской делегации на IX Панамериканской конференции — находился в Боготе с конца марта по 12 апреля 1948 г. Участник гватемальской революции, он с искренним сочувствием относился к страданиям братского народа.

Для него апрельские события не случайное явление или результат чьих-то происков, а закономерное следствие той политики, которую проводили правящие круги

²⁶ G. Orrego Duque. Op. cit., p. 54—58.

²⁷ Ibid., p. 54.

²⁸ Ibid., p. 34.

²⁹ Ibid., p. 42.

³⁰ Ibid., p. 73.

³¹ Ibid., p. 98—106.

³² E. Martínez Zelada. Colombia en el llanto. Crónica auténtica del movimiento popular de abril de 1948. México, 1948.

Колумбии. Десятки страниц его книги обличают консервативный режим Оспины Переса, ответственный за массовые убийства либералов и их сторонников, вся вина которых состояла только в том, что они голосовали за кандидатов либеральной партии. Буржуазные исследователи обычно ограничивались лишь констатацией политического характера преследований, проводившихся в такой варварской форме. Мартинес Селада идет дальше. Для него сгон арендаторов с земель латифундистами не просто свидетельство партийного соперничества, а явление, имеющее определенный социальный смысл³³. Автор разоблачает роль «политической полиции» — послушного орудия реакции в борьбе против народа. «Люди, вступившие в ряды этого внушающего страх легиона,— писал с глубоким возмущением Мартинес Селада,— предатели народа и самые фанатичные клерикалы»³⁴. Симпатии автора целиком на стороне участников движения. Поэтому он осуждает позицию руководства либеральной партии, в решительный момент отказавшегося возглавить народное движение³⁵.

Интересна и ценна критика Мартинесом Селадой клеветнических обвинений «международного коммунизма», с которыми выступила империалистическая и прежде всего североамериканская пресса. «Я считаю тенденциозными и фальшивыми утверждения части зарубежной и национальной прессы о том, что это народное движение открыто направлялось и организовывалось не колумбийцами,— пишет Мартинес Селада.— Это значит оклеветать без достаточного основания страдающий народ Колумбии..., оклеветать самых уважаемых людей... таких, как ректор Боготанского университета доктор Херардо Молина, братья Хорхе и Эдуардо Саламеа Борда,... многочисленных преподавателей университета и великолепных колумбийских поэтов и художников, которые неожиданно оказались руководителями движения, и никого из них нельзя назвать террористом-прислужником не колумбийских интересов»³⁶.

Мартинес Селада считает своим долгом разоблачать клеветнический характер заявлений, сделанных правой

³³ E. Martínez Zelada. Op. cit., p. 54.

³⁴ Ibid., p. 52.

³⁵ Ibid., p. 36.

³⁶ Ibid., p. 17, 18.

либеральной прессой в лице реакционнейшего колумбийского журналиста Калибана (Энрике Сантос, брат бывшего президента Эдуардо Сантоса). «Калибан... после ряда абсурдных и клеветнических оценок, позорящих колумбийский народ, приходит к курьезным заключениям, что народное восстание в Боготе — дело рук коммунистов, на том основании, что народ овладел радиоцентрами...»³⁷

Автор сообщает массу любопытных деталей о руководителях колумбийской реакции и, в частности, о политическом прошлом ее главы Лауреано Гомеса. Все это заставляет читателя с неослабевающим интересом следить за ходом изложения.

В сборнике очерков А. Лопеса Микельсена «Колумбийские проблемы» также затрагиваются события 9 апреля³⁸. В сборник вошли статьи 1942—1952 гг., опубликованные по разным поводам в колумбийских газетах и журналах (в частности, в газете «Эль Либерал» и в журнале «Критика»). Автор с юношеских лет вращался среди людей, «делающих» колумбийскую политику, и был посвящен во многие тайны межпартийной борьбы. Его отец Альфонсо Лопес дважды избирался президентом страны и провел ряд важных буржуазно-демократических преобразований. Сам Лопес Микельсен активно участвовал в политической борьбе.

Событиям 9 апреля Лопес Микельсен посвящает специальную статью, опубликованную летом 1948 г. в журнале «Критика» («Итоги 9 апреля»), а также затрагивает их в более поздних статьях. Автор на стороне тех, кто считает, что, «хотя смерть Гаитана была ближайшей причиной, искрой, которая вызвала пожар, остальные его причины были значительно глубже»³⁹. Он отмечает тяжелое экономическое положение, в котором оказалась страна в первые послевоенные годы, и недовольство, по тем или иным причинам охватившее все слои общества⁴⁰. Автор считает, что события 9 апреля еще более ухудшили положение колумбийского народа, развязав руки реакции. Одним из итогов этих событий было то, что прави-

³⁷ E. Martínez Zelada. Op. cit., p. 75, 76.

³⁸ A. Lopez Michelsen. Cuestiones colombianas. México, 1955.

³⁹ Ibid., p. 20.

⁴⁰ Ibid., p. 72, 73.

тельство поставило армию под контроль частных интересов⁴¹.

Автор считает также, что апрельские события нанесли большой ущерб пароходной компании «Великая Колумбия» и вместе с тем тому духу национального экономического развития, который был с ней связан⁴². В общем события 9 апреля расцениваются им как нежелательный эпизод в политической жизни страны, нанесший вред «революции левых в Колумбии»⁴³. И с этим, пожалуй, нельзя не согласиться. Вместе с тем Лопес Микельсен решительно опровергает клеветнические измышления об ответственности колумбийских коммунистов за беспорядки 9 апреля⁴⁴.

В заключение следует остановиться на оценке автором Гаитана и гаитанистского движения. Гаитан на протяжении многих лет был политическим противником его отца. Поэтому некоторые бездоказательные оценки деятельности Гаитана объясняются, очевидно, его личной неприязнью; например, его утверждение, что Гаитан будто бы не имел сторонников и никакого веса в политической жизни страны⁴⁵.

С течением времени автор стал более трезво подходить к оценке деятельности этого человека. В предисловии к цитируемому сборнику, написанном значительно позже, Лопес Микельсен отмечает большую популярность Гаитана⁴⁶, его заслуги перед нацией и вместе с тем касается слабых сторон его движения, которые, с его точки зрения, заключались в отсутствии последовательной экономической программы⁴⁷.

Апрельское восстание, как правило, в той или иной степени освещалось также в довольно многочисленной мемуарной литературе, посвященной памяти Х. Э. Гаитана. В целой серии этих мемуаров книжка Абрахама Осорио Тапиаса «Почему убили Гаитана?»⁴⁸ занимает особое место. Она опубликована в октябре 1948 г., в на-

⁴¹ A. Lopez Michelsen. Op. cit., p. 351.

⁴² Ibid., p. 350.

⁴³ Ibid., p. 275.

⁴⁴ Ibid., p. 73.

⁴⁵ Ibid., p. 209.

⁴⁶ Ibid., p. 74.

⁴⁷ Ibid., p. 46.

⁴⁸ A. Osorio Tapias. ¿Por qué mataron a Gaitán? [Bogotá], 1948.

каленной атмосфере борьбы между консерваторами и либералами и является по существу ярким политическим памфлетом левых сил, который должен был сыграть определенную роль в политическом воспитании масс. В предисловии в очень краткой и доступной форме дается ответ на вопрос, почему убили Гаитана, какие силы были заинтересованы в его смерти. Сама брошюра состоит из ряда очень коротких разделов, говорящих о страданиях угнетенного, доведенного до отчаяния народа. И каждый раздел вскрывает ответственность различных слоев общества за это положение. Таким образом воссоздается довольно объективно обстановка накануне событий 9 апреля, вскрываются их глубокие социальные причины. В заключение автор обращается к рабочим, железнодорожникам, крестьянам, нефтяникам, женщинам, молодежи, ко всем людям доброй воли⁴⁹ с призывом к единству в борьбе за свержение продажного режима, ответственного за убийство Гаитана⁵⁰.

Большим успехом в свое время пользовались воспоминания Л. Д. Пенья⁵¹. За короткий период с июля 1948 г. по март 1949 г. они выдержали два издания. Автор — известный колумбийский журналист. С 1947 г. работал в редакции газеты «Хорнада», органа сторонников Гаитана. Пенья принадлежал к числу тех его горячих поклонников, которые сильно преувеличивали его роль в политической жизни страны. Фигура Гаитана заслоняла для них все. И поэтому целью книги было показать величие этого «самого великого из сынов американской демократии»⁵².

Книга состоит из трех частей. Цель первой — показать Гаитана как человека. Вторая посвящается идеям и общественной деятельности Гаитана. Этот раздел представляет наибольший интерес для читателя, так как в нем в какой-то степени показаны причины апрельских событий и даны краткие характеристики их основных действующих лиц. Третья часть, являющаяся приложением, посвящается ходу расследования убийства Гаитана. В ней события доводятся до июля 1948 г. Пенья не счел нужным подробно остановиться на событиях в Боготе.

⁴⁹ A. Osorio Tapias. Op. cit., p. 123.

⁵⁰ Ibid., p. 67, 124.

⁵¹ L. D. Peña. Gaitán íntimo. Bogotá, 1949.

⁵² Ibid., p. 1.

Тем не менее его точка зрения на их причины ясна из оценки провалившейся попытки военного переворота в Пасто 10 июля 1944 г. В противоположность Гаитану, который считал его комедией, ловко разыгранной президентом Лопесом с целью получения народной поддержки, Пенья расценивает этот путч как опасную попытку реакции свергнуть демократический режим. При этом он отмечает активную роль гомесовской газеты «Эль Сигло». Те же тайные силы, которые толкнули полковника Д. Хилья на переворот, «создали сегодня обстановку мятежа, насилия, нарушения порядка. Это те же самые силы трудились неутомимо вплоть до 9 апреля..., чтобы ввергнуть нас в состояние анархии и развала»⁵³, — пишет Пенья.

Пенья правильно вскрывает причины поражения либерального режима. Он видит их в «застое и нежелании сеньора Лопеса идти вперед»⁵⁴. Вся предвыборная кампания руководства либеральной партии в 1946 г. строилась на одном: «не допустить такого левого правительства, которое пошло бы дальше первого правления Лопеса»⁵⁵. Это и определило, по мнению Пеньи, поражение либеральной партии.

Интересный фактический материал об апрельских событиях содержится также в книге Х. А. Осорио Лисарасо «Гаитан. Жизнь, смерть и бессмертие»⁵⁶. Ее автор — довольно известный колумбийский писатель и общественный деятель. В свое время был одним из основателей гаитанистского движения, первым директором его печатного органа — газеты «Хорнада». Незадолго до убийства Гаитана ввиду возникших между ними противоречий был заменен Х. Урибе Маркесом. Осорио уехал из Колумбии, некоторое время жил в Аргентине. В начале 60-х годов, обосновавшись в Доминиканской республике, стал директором правительственного офидноза — одного из самых реакционных изданий латиноамериканского континента — газеты «Эль Карибе». Эволюция, которую на протяжении трех десятилетий проделал этот в свое время убежденный гаитанист, к сожалению, не является единичным случаем.

⁵³ L. D. Peñ a. Op. cit., p. 145.

⁵⁴ Ibid., p. 133.

⁵⁵ Ibid., p. 159.

⁵⁶ J. A. Osorio Lizarazo. Gaitán. Vida, muerte y permanente presencia. Buenos Aires [1952].

Книга о Гаитане опубликована в 1952 г., когда Осорио еще стоял на прогрессивных позициях и даже пытался критиковать его слева. Отличительной чертой работы является широта исторического фона, на котором показана личность Гаитана, многообразие проблем, затронутых и в той или иной степени разрешенных автором, а также целая галерея портретов важнейших политических деятелей того времени, написанных с массой подробностей, часто очень важных, проливающих свет на характер их взаимоотношений между собой.

В те годы Х. А. Осорио считал себя непримиримым врагом американского империализма. Он возмущался действиями американских империалистов, отторгнувших у Колумбии Панаму. Он расценивал это как «акт международного пиратства XX века» и с горечью констатировал, что богатейшие недра страны находятся в лапах североамериканских монополистов⁵⁷. «Алчность империалистов» вызвала у него откровенное возмущение⁵⁸. Явно антиамериканские настроения пронизывали книгу от начала до конца. Вместе с тем ужс в тот период начинают проскальзывать нотки антикоммунизма, который в конечном счете заставил Осорио забыть «грехи молодости» и превратил прежнего врага в союзника диктатора Трухильо — верного ставленника североамериканского империализма. Так, одним из пунктов обвинения президента А. Лопеса Осорио выдвигает «заигрывание с коммунистами» и «покровительстве советским агентам в профсоюзах»⁵⁹, хотя в целом его позицию по отношению к коммунизму в те годы мы можем охарактеризовать как сдержанную. Он решительно отвергает клевету на коммунистов, якобы спровоцировавших события 9 апреля. На конкретных фактах Осорио Лисарасо доказывает, что ни колумбийский коммунизм, ни, тем более, международный не могли «извлечь никакой выгоды, да и не располагали возможностью организовать подобный спектакль»⁶⁰. Автор считает, что, если уж и говорить об иностранной заинтересованности в событиях 9 апреля, то следует говорить об американцах. «Самым подозрительным из всего того, что

⁵⁷ J. A. Osorio Lizarazo. Op. cit., p. 55, 38.

⁵⁸ Ibid., p. 56.

⁵⁹ Ibid., p. 174.

⁶⁰ Ibid., p. 314.

окружало убийство,— пишет Осорио,— является поспешность, с которой шпион госдепартамента США, посланный под предлогом конференции, приписал коммунизму преступление и беспорядки, и бесстыдство, с которым эта личность обвинила Гаитана в измене»⁶¹. В комментариях это высказывание не нуждается. И далее еще более определенно: «Делегация США... была единственной, которая посредством заявления шпиона попыталась использовать для своих целей пожары, последовавшие за убийством»⁶².

Автор высоко оценивает выступления Гаитана в защиту национальных интересов страны, в защиту интересов трудящихся. Зная Гаитана с детства, Осорио Лисарасо знакомит нас с массой подробностей его политической деятельности. Шаг за шагом раскрывается перед нами, как складывалась политическая карьера Гаитана, его отношения с массами и правящими кругами страны.

Убийство Гаитана и последовавший затем взрыв народного негодования не кажутся автору чем-то случайным и неожиданным. Для него это закономерный результат политики насилий, проводившейся правящими кругами страны на протяжении многих месяцев. И последние несколько десятков страниц книги Осорио Лисарасо посвящены показу этой атмосферы политической напряженности, предшествовавшей событиям 9 апреля. Автор правильно отметил, что она усугублялась ухудшением экономического положения трудящихся, вызванным послевоенной инфляцией, застоєм в промышленности и невиданной засухой, а также теми махинациями, в которых оказались замешаны высшие правительственные чиновники, связанные с подготовкой IX Панамериканской конференции в Боготе. Большое внимание уделяет Осорио вопросу об ответственности колумбийской реакции и самого лидера консервативной партии Лауреано Гомеса за апрельскую провокацию. О заинтересованности американских правящих кругов уже упоминалось выше.

Однако демократические убеждения тех лет и политическая страстность не могли заменить научного подхода к действительности. Незнание законов исторического

⁶¹ J. A. Osorio Lizarazo. Op. cit., p. 314, 315.

⁶² Ibid., p. 283.

материализма приводит автора нередко к наивным и ошибочным заключениям. Поверхностные, случайные явления принимаются им за основные и определяющие. Например, отказ президента Осипы Переса включить Гаитана в состав колумбийской делегации на Панамериканскую конференцию Осорио Лисарасо объясняет тем, что Гаитан-старший торговал старыми книгами и это могло бы оскорбить аристократизм Лауреано Гомеса⁶³. На самом деле здесь были более глубокие политические причины, среди которых, конечно, антиамериканские настроения Гаитана занимали не последнее место. Или, например, причину победы А. Лопеса на президентских выборах 1934 г. автор усматривает в применении во время избирательной кампании микрофона. Не учитывается ни расстановка классовых сил, ни другие факторы экономического и политического порядка. И вообще, в целом оценка автором деятельности А. Лопеса представляется ошибочной. Это объясняется, очевидно, в некоторой степени тем, что А. Лопес был политическим противником Гаитана. Осорио Лисарасо совершенно игнорирует положительные стороны деятельности Лопеса, тот прогресс в социально-экономической и политической областях, который был достигнут в период его пребывания у власти. Для Осорио Лисарасо Лопес — олигарх, тесно связанный с американским империализмом, человек, больше всего заинтересованный в личной власти и обогащении и добивающийся этого самыми недостойными способами.

В пылу полемики Осорио Лисарасо перестает видеть реальное положение вещей. Военный путч 1944 г. он рассматривает как спектакль, ловко разыгранный сторонниками Лопеса с целью использовать поддержку народных масс в борьбе против Гаитана⁶⁴, хотя на самом деле это была опасная попытка колумбийской реакции навязать стране реакционный режим. Даже Лауреано Гомес, по мнению автора, вольно или невольно участвовал в этой игре, придавая ей видимость правдоподобия. Сначала он скрывался от ареста в одном посольстве, а затем бежал в Эквадор⁶⁵.

⁶³ J. A. Osorio Lizarazo. *Op. cit.*, p. 291.

⁶⁴ *Ibid.*, p. 263.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 265.

В заключение обзора литературы об апрельском движении 1948 г. и Х. Э. Гаитане следует сказать несколько слов о книге Алехандро Вальехо «Люди Колумбии. Воспоминания колумбийца, находящегося в изгнании в Венесуэле»⁶⁶. Вальехо — либерал, довольно известный колумбийский писатель и журналист. Свою деятельность начал в 20-х годах с сотрудничества в либеральной газете Э. Сантоса «Эль Тьемпо», затем работал в газете А. Лопеса «Эль Либерал», а весной 1948 г. Гаитан назначил его директором своей газеты «Хорнада». Перед ноябрьскими выборами 1949 г. был арестован и некоторое время находился в тюрьме. После освобождения вынужден был эмигрировать в Венесуэлу.

Там в 1950 г. и была написана им эта книга. Ее главный интерес в характеристиках политических деятелей 40—50-х годов. Это Эдуардо Сантос, Альфонсо Лопес, Габриель Турбай, Хорхе Гаитан, Дарио Эчандиа, Оспина Перес, Лауреано Гомес и др. Автор сообщает множество подробностей об их взаимоотношениях, чертах характера, что представляет несомненный интерес для правильного понимания личности того или другого политика. Книга не имеет четкой структуры. Вперемешку с событиями XIX столетия идет рассказ об эпизодах политической борьбы совсем близкого прошлого. Это заставляет читателя переноситься из одной исторической эпохи в другую, совсем не похожую, а затем снова возвращаться назад, что позволяет автору свободно избегать тех событий и оценок, которых он не считает нужным давать. Так, книга обрывается описанием начала драматических событий 9 апреля — смерти Гаитана и здравицами в честь Эчандиа. И это не случайно. Если бы автор продолжил рассказ, ему пришлось бы занять вполне определенную позицию в своем отношении к живому, чтобы не оскорбить память погибшего. Но он этого не делает.

Обширная литература посвящена «виоленси», ставшей по сути дела социальной проблемой, необходимость решения которой понимают даже наиболее дальновидные представители консервативных кругов.

⁶⁶ A. Vallejo. Hombres de Colombia. Memorias de un colombiano exilado en Venezuela. [Caracas], 1950.

Поэтому естественно, что к этой теме неоднократно обращались и продолжают обращаться колумбийские политические деятели, историки, социологи, юристы, экономисты; одни, чтобы скрыть или исказить сущность виоленсии, другие,—искренне стремясь разобраться в характере и причинах этого явления.

Прежде чем перейти к конкретному анализу изданий, посвященных данной проблеме, следует остановиться на книге, которая, на первый взгляд, не имеет к ней прямого отношения. Речь идет о серьезном исследовании монсеньора Г. Переса Рамиреса, посвященном колумбийскому крестьянству⁶⁷. Знакомство с этой книгой необходимо, чтобы всерьез разобраться в причинах виоленсии и партизанского движения, потому что ключ к пониманию этих явлений следует искать именно в социально-экономическом положении колумбийского крестьянства. Г. Перес Рамирес — католический священник, директор Центра социальных исследований в Боготе.

Труд падре Густаво — первый том из намеченной серии работ по социально-экономическим вопросам, задуманной этим учреждением, находящимся под особым покровительством высшего духовенства Колумбии. Сам по себе этот факт, несомненно, заслуживает внимания. Интерес католической церкви к социально-экономическим вопросам, конечно, не случаен. Ко времени падения диктатуры генерала Рохаса Пинилья (1957 г.) духовенство открыто встало на сторону оппозиции существующему режиму. Это объяснялось отнюдь не демократическими тенденциями католической церкви. Напротив, высшая церковная иерархия — умный и опасный враг демократического движения страны. Убедившись в том, что Рохас Пинилья не принадлежит к числу тех, кто способен наилучшим образом защищать интересы господствующих классов, духовенство поддержало крупную буржуазию в ее стремлении избавиться от генерала Рохаса, чтобы предотвратить опасное развитие событий путем реформ, выгодных крупной буржуазии и латифундистам и осуществленных «сверху». Тогда, в 1957 г., правящим кругам страны в силу ряда обстоятельств

⁶⁷ G. Pérez Ramírez. El campesinado colombiano. Un problema de estructura. Bogotá, 1959.

удалось этого добиться. Режим, пришедший на смену военной диктатуре, занялся лечением особо болезненных язв в наследстве своего предшественника. Католическое духовенство — верная опора нового режима — не могло остаться в стороне. Основанный им Центр социальных исследований и должен был взять на себя миссию изучения действительного социально-экономического положения страны и изыскания тех методов и средств, которые, не затронув коренным образом существующего строя, тем не менее позволили бы предотвратить социальную революцию.

Книга Переса Рамиреса по многообразию затронутых в ней проблем, пожалуй, единственное в своем роде исследование положения дел в колумбийской деревне к концу 50-х годов. Автор привлекает обширный материал национальной статистики, отчеты миссий ООН, побывавших в Колумбии, работы колумбийских и иностранных экономистов, социологов и историков по данному вопросу. Цель своей работы Перес Рамирес видит в попытке «установить структурные дефекты», обуславливающие низкий уровень жизни крестьян, в определении «совокупности факторов, способных исправить эти недостатки»⁶⁸. Однако материалы его исследования убеждают читателя, что это не просто дефекты и недостатки, поддающиеся исправлению, а неисцелимые пороки всего существующего строя, которые исчезнут только с его ликвидацией.

Перес Рамирес начинает свое исследование с анализа внешних связей колумбийского сельского хозяйства, на конкретных данных национальной статистики вскрывая зависимость страны от немногих экономически развитых стран, особенно от США (стр. 22, 23). Подчеркивая особую роль внешней торговли для Колумбии, он с тревогой отмечает тенденцию к моноэкспорту кофе, поглощаемого почти полностью единственным рынком Соединенных Штатов Америки, что «отдает страну в руки господствующей экономики США»⁶⁹. Как показывает автор, это имеет для страны пагубные последствия «Моноэкспорт, — пишет он, — делает экономическое положение страны все более чувствительным к междуна-

⁶⁸ G. Pérez Ramírez. Op. cit., p. 13.

⁶⁹ Ibid., p. 20.

родной конъюнктуре. Уменьшение спроса на кофе на рынках США и мира, каким бы маленьким оно ни было, несет тяжелые последствия для национальной экономики»⁷⁰.

Анализ внутренних отношений в колумбийском сельском хозяйстве характеризуется большой насыщенностью статистическими данными и нередко критическим подходом Переса Рамиреса к их оценке. Это касается как данных ООН, так и национальной статистики.

Очень подробно разбираются вопросы, связанные с заработной платой сельскохозяйственных рабочих. Перес Рамирес не только показал многообразие ее форм — от денежной оплаты до расплаты продуктами питания или передачи во временное пользование небольшого участка земли, жилища, орудий труда или скота, — но и пытался установить некоторые закономерности в ее уровне.

Анализируя причины низкой заработной платы, автор вынужден констатировать, что это вызвано господством латифундий⁷¹. Приведенные им данные о размерах землевладений в Колумбии свидетельствуют о колоссальной концентрации земельной собственности. «64,2 процента земель, используемых в сельском хозяйстве, принадлежит 3,6 процента собственников, в то время как 56 процентам собственников принадлежит всего 4,2 процента земель. Эти цифры достаточно выразительны для того, чтобы мы настаивали на тяжести колумбийской аграрной проблемы. Это положение определяет слабый доход от земли и обуславливает саму структуру рынка труда»⁷².

Автор критически подходит к выводам СЕПАЛ, обвиняющей мелкие хозяйства за низкий уровень механизации. «СЕПАЛ не принимает в расчет, что мелкие хозяйства занимают только 6,9 процента всей используемой в сельском хозяйстве площади. Кроме того, они встречаются в основном в горах, где механизация невозможна. Наоборот, крупные хозяйства расположены в основном в долинах. Если бы эти крупные хозяйства были бы механизированы, соотношение не было бы

⁷⁰ G. Pérez Ramírez. Op. cit., p. 21.

⁷¹ Ibid., p. 96.

⁷² Ibidem.

таким низким, так как хозяйства свыше 100 га занимают 69,5 процента земельной площади страны»⁷³.

Система собственности на землю справедливо выдвигается в качестве главной причины низкого уровня доходов в сельском хозяйстве и неравенства в их распределении⁷⁴. Поэтому автор критически относится к утверждению СЕПАЛ, что низкий уровень заработной платы в сельском хозяйстве объясняется будто бы лишь низкой квалификацией трудящихся, «которых порицают за некультурность, лень и моральную испорченность, как будто речь идет о расе лодырей, алкоголиков, воров и тупиц, умеющих только тратить в кабаках заработанное»⁷⁵.

Сельское население хронически недоедает. Об этом свидетельствует высокий коэффициент детской смертности, достигавший 42 процентов в 1957 г. и превышавший 50 процентов в предшествующие годы⁷⁶.

Не имея достаточных средств к существованию, крестьянин вынужден жить в жалкой лачуге, которая одновременно служит и амбаром и хлевом для скота, если он у него имеется⁷⁷. Но даже и при таком положении наблюдается острый жилищный кризис. «Учитывая ежегодный прирост населения в 2,2 процента, было бы необходимо строить ежегодно около 45 тыс. жилищ. Тем не менее,—отмечает автор,—между 1951 и 1955 гг., по данным статистики, было построено всего 47 418 домов. Эта общая цифра дает представление о жилищном кризисе, который увеличивается с каждым днем. Главная причина его — низкий уровень доходов населения»⁷⁸.

Такое же катастрофическое положение с медицинским обслуживанием и образованием. В 1958 г. в Колумбии на каждые 10 тыс. населения приходилось 2,5 врача, причем две трети врачей работали в городах⁷⁹. В стране большое число неграмотных. «С 1940 по 1950 г. оно увеличилось на 19 процентов»⁸⁰. И в последние годы положение продолжало ухудшаться. Автор

⁷³ G. Pérez Ramírez. Op. cit., p. 97, 98.

⁷⁴ Ibid., p. 102.

⁷⁵ Ibid., p. 103.

⁷⁶ Ibid., p. 113.

⁷⁷ Ibid., p. 115.

⁷⁸ Ibid., p. 116.

⁷⁹ Ibid., p. 117.

⁸⁰ Ibid., p. 122.

с сожалением констатирует, что национальный бюджет на 1954 г. предоставлял на нужды образования едва половину того, что предназначалось армии. В 1955 г. эта пропорция снизилась до одной трети⁸¹.

Таким образом Перес Рамирес дает довольно разностороннее и полное представление о положении колумбийской деревни — главного объекта виоленсии и решающего фактора в партизанском движении.

Разоблачению политики виоленсии в период пребывания у власти реакционных правительств М. Оспины Переса и Лауреано Гомеса (1946—1953 гг.) посвящена книга одного из деятелей либеральной партии, сенатора М. Пуэнтеса⁸². Автор сурово осуждает реакционных политиков консервативной партии, несущих ответственность за массовые убийства. Пуэнтес сравнивает жестокость палачей, творивших суд и расправу от имени колумбийского правительства, с преступлениями фашистских изуверов в годы второй мировой войны⁸³. Все это имело сначала только одну цель, пишет он, путем кровопролития и запугивания победить на выборах. Потом стали убивать, чтобы грабить... «За это несут ответственность те, кто, используя официальные посты, осквернил ненавистью сердце народа, посеял в стране панику и обесчестил Колумбию. И придет день, когда... их осудят, как военных преступников»⁸⁴.

Обвиняя правительство Лауреано Гомеса в проведении политики виоленсии, М. Пуэнтес вместе с тем превозносит военную диктатуру Г. Рохаса Пинильи и утверждает, что с насилием было покончено, когда Рохас Пинилья в результате военного переворота захватил власть. Не имея возможности опровергнуть факты кровавых преступлений в правление Рохаса Пинильи, Пуэнтес пытается переложить ответственность на его неумных и жестоких генералов, которые якобы без ведома президента творили суд и расправу над народом. А нежелание Рохаса наказать виновных Пуэнтес считает простой ошибкой. Автор не скупится на громкие похвалы этому диктатору. Оказывается, «Колумбия в неоплатном дол-

⁸¹ G. Pérez Ramírez. Op. cit., p. 124.

⁸² M. Puentes. Historia del Partido Liberal Colombiano. Bogotá, 1961.

⁸³ Ibid., p. 621—625.

⁸⁴ Ibid., p. 626, 627.

гу перед правительством вооруженных сил... Славная и прекрасная родина не погибла только благодаря их своевременному вмешательству»⁸⁵. Это восхваление правительства военной диктатуры, виновного в смерти многих людей, погибших во время авиационных налетов на беззащитные крестьянские селения, в концлагерях и тюрьмах, отражает мнение господствующих классов, которые готовы закрыть глаза на любые факты произвола, когда речь заходит об их классовых интересах.

Работа священника Х. Гусмана Кампоса отражает точку зрения тех кругов, которые не одобряют применения столь крайних мер, как виоленсия, из опасения, что она может приблизить социальную революцию, и полагают, что привычные нормы буржуазного правопорядка являются вполне надежным средством сохранения власти в руках буржуазии. Поэтому в борьбе против тех, кто придерживается слишком крайних взглядов, Гусман Кампос не считает нужным скрывать истинных виновников виоленсии и ее чудовищные последствия. Свою точку зрения Гусман Кампос изложил в двухтомном труде «Виоленсия в Колумбии»⁸⁶, где использовал большой фактический материал, собранный им во время восьмимесячной поездки по стране. Он знакомился с литературой, изданной по этому вопросу, со статистическими данными и фотодокументами, с официальными отчетами, беседовал с пострадавшими крестьянами, встречался с партизанскими руководителями, с арестованными бандитами. В обработке собранных материалов Гусману Кампосу помогали декан факультета социологии Национального университета О. Фальс Борда и юрист д-р Э. Уманья Луна.

Появление первого тома этого обширного исследования произвело впечатление разорвавшейся бомбы и стало событием в политической жизни страны. Издатель книги, министр труда Б. Бетанкур под нажимом правых вынужден был подать заявление об отставке. Правда, она не была принята. Книгу обсуждали на нескольких закрытых заседаниях конгресса, где правые требовали привлечь к ответственности автора и других лиц, способствовавших ее широкому распространению. Особенную

⁸⁵ M. Puentes. Op. cit., p. 645, 646.

⁸⁶ G. Guzman Campos. La violencia en Colombia, t. I. Bogotá, 1963; t. II. Bogotá, 1964.

тревогу она вызвала в военных кругах. Об этом свидетельствовало заявление полковника генерального штаба, «теоретика» антипартизанской войны Валенсия Товара. В октябре 1962 г. в Боготе состоялось совещание 38 директоров либеральных и консервативных периодических изданий, на котором было подписано специальное обращение. В нем говорилось, что в целях предотвращения дальнейшего обострения межпартийной борьбы следует избегать всякой полемики по вопросу об ответственности политических партий за виоленсию, сократить до минимума публикацию фотографий на эту тему и т. п.⁸⁷

Чем же объяснить столь широкий резонанс, вызванный появлением этой книги? Ответ на вопрос дает полицейский журнал, который, не скрывая своего возмущения, прямо писал, что книга Гусмана «разоблачает вооруженные силы и полицию, как инициаторов виоленсии и ее главных участников»⁸⁸. Действительно, источники, использованные автором, явно свидетельствуют о том, что в виоленсии повинны традиционные политические партии и армия. Материалы, собранные автором, обвиняют в создавшемся положении правящую, консервативную партию, которая с помощью армии и полиции боролась против сторонников либеральной партии, а членов либеральной партии — в использовании повстанческих групп против крестьян, находившихся под влиянием консервативной партии. Факты осуждают саму политическую систему, существующую в стране⁸⁹. Гусман Кампос приводит разоблачительные документы, свидетельствующие об ответственности реакционных правительств Оспины Переса, Лауреано Гомеса, Урданеты Арбелаеса и Рохаса Пинильи за тот произвол и насилия, которые царили в Колумбии на протяжении многих лет. И в этом главная ценность первого тома работы. Что касается трактовки автором самого явления виоленсии, то с ней вряд ли можно согласиться. Во-первых, не может не вызвать возражения утверждение автора, что партизанское движение — составная часть вио-

⁸⁷ G. Guzman Campos. Op. cit., t. II, p. 29.

⁸⁸ «Revista de la Policía», 1962, № 95 (цит. по: G. Guzman Campos. Op. cit., t. II, p. 34).

⁸⁹ G. Guzman Campos. Op. cit., t. I, p. 93—95, 102—108, 114, 194, 195.

ленсии⁹⁰. Безусловно, эти явления взаимосвязаны: партизанское движение явилось ответом масс на политику террора и преследований со стороны властей и латифундистов, нередко использовавших армию и бандитские шайки для расправы с крестьянами; оно стало одной из форм борьбы масс против виоленсии. Виоленсия сама породила партизанское движение, стала его первопричиной. Но это отнюдь не составная часть виоленсии. Изображать дело таким образом, значит сознательно или бессознательно запутывать проблему и затруднять понимание ее истинного социального смысла. Рассматривая партизанское движение как часть виоленсии, Гусман Кампос вольно или невольно солидаризируется с самыми реакционными элементами господствующих классов, которые используют его трактовку в идеологической борьбе против компартии Колумбии, объявляя ее главной виновницей виоленсии на том основании, что коммунисты всегда принимали участие в партизанском движении.

Второй том работы монсеньора Гусмана был опубликован в 1964 г. За два года, прошедшие со времени выхода первого тома, автор проделал известную эволюцию вправо. Вопли колумбийских ультра о «красном» Гусмане не прошли даром. Теперь он счел своим долгом выразить более определенно свои антипатии к коммунизму. Во втором томе максимально используются все антикоммунистические материалы. Так, незаслуженно большое место отводится описанию деятельности либеральных отрядов на юге Топимы, которые ставили своей целью борьбу с влиянием коммунистов среди крестьян после падения диктатуры Рохаса Пинильи⁹¹.

При рассмотрении вопроса о колоссальной концентрации земельной собственности в руках немногих автора прежде всего беспокоит то, что она «создает условия для подрывной деятельности коммунистов»⁹².

Но даже и при этом явно антикоммунистическом «душке» второй том работы монсеньора Гусмана представляет несомненный интерес для всех, занимающихся изучением виоленсии. Яркие страницы, характеризую-

⁹⁰ G. Guzman Campos. Op. cit., t. I, p. 40.

⁹¹ Ibid., t. II, p. 153—159.

⁹² Ibid., p. 406.

шие героическую борьбу партизан и отрядов самообороны против воинских подразделений, посланных по приказу генерала Рохаса Пинильи, чтобы расправиться с ними, принадлежат к числу несомненных достоинств этого исследования. К ним относится также та часть книги, которая написана Э. Уманья Луна и посвящена социальной проблеме. Это искренний, лишенный всякого стремления приукрасить существующее положение рассказ. Перед читателем встает неприглядная картина нищеты большинства населения, каторжного труда при чрезвычайно низкой заработной плате, острейшего жилищного кризиса, проституции, короче, всего того, что способствует развитию преступности.

Автор не делает из всего этого выводов о необходимости каких-то радикальных мер, кроме того, что нужны большие ассигнования для борьбы с нищетой, но у читателя они напрашиваются сами.

Своеобразным ответом реакционных сил на разоблачения властей, армии и полиции как инициаторов виоленсии, сделанные Х. Гусманом в первом томе его сочинений, явилось издание в 1963 г. книги А. Монкады «Один из аспектов виоленсии»⁹³. Подозрительное знакомство автора с материалами колумбийской секретной полиции свидетельствует о его явной близости с этим учреждением и заставляет предполагать, что данное «произведение» написано по его прямому заданию. Даже беглое знакомство с этой книгой не оставляет никаких сомнений в том, что единственная цель этого издания — оклеветать колумбийских коммунистов, представив их единственными виновниками виоленсии. Его автор откровенно заявляет, что он хотел бы показать участие в ней коммунистов⁹⁴.

А. Монкада пытается изобразить партизанское движение первопричиной виоленсии. Крестьяне-партизаны, взявшиеся за оружие, чтобы оказать сопротивление произволу со стороны латифундистов и властей, превращаются, таким образом, в главных виновников виоленсии. Чтобы прикрыть псевдонаучный характер своего «произведения», автор берется рассуждать о социальных причинах этого явления. Он видит их в «переходе от полу-

⁹³ A. M o n c a d a. Un aspecto de violencia. Bogotá, 1963.

⁹⁴ Ibid., p. 53.

феодалной организации к капиталистической», в результате которого крестьянские массы остались без покровительства прежних организаций, и в «ослаблении влияния церкви». Такое объяснение очень удобно, потому что снимает с правящих классов ответственность за создавшееся положение и позволяет взвалить всю вину на коммунистов как руководителей партизанского движения. На них возводятся чудовищные обвинения, одно не менее другого. Ни о каких фактах, которые подтвердили бы эти обвинения, нет и речи. Единственным «доказательством» служат многочисленные фотографии обезображенных трупов людей, которые, неизвестно почему, представляются автором жертвами «коммунистического насилия».

В стремлении оклеветать коммунистов Монкада пытается подвести «теоретическую базу» под свои утверждения. Он объявляет К. Маркса и В. И. Ленина идеологами виоленсии на том основании, что они призывали к свержению капиталистического строя и доказывали необходимость установления диктатуры пролетариата для успешного построения социалистического общества. Подобное «открытие» А. Монкады рассчитано на то, чтобы ввести в заблуждение тех, кто либо не имеет никакого представления о марксистско-ленинской философии, либо неверно информирован о колумбийской действительности. Для остальных же совершенно ясно, что колумбийская виоленсия не имеет ничего общего с революционным насилием, о котором писали в свое время К. Маркс и В. И. Ленин. Сознательно искажая смысл их высказываний, А. Монкада тем самым демонстрирует свою научную недобросовестность и, видимо, откровенную заинтересованность в том, чтобы любыми, даже самыми недостойными средствами оклеветать колумбийских коммунистов. Поэтому книга А. Монкады заслуживает упоминания лишь как типичный пример такой интерпретации виоленсии, которая отвечает интересам самых реакционных слоев господствующих классов, несущих за нее полную ответственность.

Учитывая актуальность проблемы, интерпретация которой занимает важное место в идеологической борьбе реакционных сил страны против колумбийских коммунистов, последние придают большое значение ее правильной теоретической разработке.

Точка зрения колумбийских коммунистов на войну неоднократно излагалась в теоретическом органе Коммунистической партии Колумбии журнале «Документос политикос»⁹⁵, в ряде статей, написанных Х. Виейрой для журнала «Проблемы мира и социализма»⁹⁶, а также систематически разоблачалась на страницах газеты «Вос пролетариа» (до 1964 г. «Вос де ла демокрасиа»). Коммунисты Колумбии дали марксистский анализ как политических причин войны, так и ее социальных корней⁹⁷, что в свою очередь позволило правильно определить силы, участвующие в ней. В отличие от всех остальных исследователей, по тем или иным причинам совершенно игнорирующих роль североамериканского империализма в войне, коммунисты перед всем миром разоблачили роль американских монополий и военной в ее сохранении.

Колумбийские коммунисты не разделяют мнения монсеньора Гусмана, включающего партизанское движение в понятие войны. Война началась с репрессий властей против рабочего и народного движения, против коммунистов и либералов, она отвечала интересам латифундистов, использовавших ее для захвата крестьянских земель и сохранения власти за консервативной партией⁹⁸, и ответственность за нее должна нести колумбийская реакция. Партизанское движение явилось ответом народных масс на политику произвола со стороны олигархических правительств⁹⁹. Оно стало составной частью революционного процесса, борьбы народных масс

⁹⁵ G. Vieira. Nueva etapa de lucha del pueblo colombiano.— «Documentos Políticos», 1965, № 47; i d e m. Perspectivas de la revolución colombiana.— «Documentos Políticos», 1965, № 50; M. Lafont Herrera. La violencia en Colombia.— «Documentos Políticos», 1962, № 27; F. Posada. La violencia y la vida colombiana.— «Documentos Políticos», 1967, № 67.

⁹⁶ X. Виейра. Крестьянское движение в Колумбии и Коммунистическая партия.— «Проблемы мира и социализма», 1961, № 5; он же. Рост милитаризма в Колумбии и тактика Компартии.— «Проблемы мира и социализма», 1963, № 4; он же. Революционное движение в Колумбии. Опыт последних лет.— «Проблемы мира и социализма», 1965, № 8.

⁹⁷ M. Lafont Herrera. Op. cit., p. 1, 2; X. Виейра. Рост милитаризма в Колумбии..., стр. 16.

⁹⁸ Ibidem.

⁹⁹ G. Vieira. Perspectivas de la revolución colombiana, p. 17.

против реакции и империализма, за демократию, национальное освобождение и социальный прогресс¹⁰⁰.

Партизанское движение в Колумбии на протяжении 1949—1953 и 1954—1957 гг. подробно освещалось на страницах коммунистической печати — газеты «Вос де ла демокрасиа» и журнала «Документос политикос». Генеральный секретарь ЦК тов. Х. Виейра и другие видные деятели Коммунистической партии Колумбии неоднократно выступали со статьями по этому вопросу также в журнале «Проблемы мира и социализма». Основные этапы развития партизанского движения нашли свое отражение в книге «Тридцать лет борьбы Коммунистической партии Колумбии», но его история во всем объеме фактически еще не создана. Серьезных буржуазных исследований по этому вопросу тоже практически нет, за исключением книги Х. Гусмана, о которой шла речь выше. Имеется также книга Э. Франко Исаса (бывшего партизанского деятеля Восточных льяносов, а в настоящее время сторонника олигархического Национального фронта) о партизанском движении 1949—1953 гг. Она называется «Партизаны льяносов»¹⁰¹. Книга вышла в свет вскоре после падения диктатуры Рохаса Пинильи и получила высокую оценку кругов, связанных с либеральной партией. Х. Лосано-и-Лосано — видный деятель либеральной партии — назвал ее «хроникой восстания народа против преследования властей»¹⁰². Э. Франко возлагает всю ответственность за насилие на правящие круги Колумбии, на помещиков и латифундистов, извлекавших прямые выгоды из этой политики. Объясняя, почему тысячи людей взялись за оружие, он пишет о том, как местные власти силой заставляли голосовать за кандидата консерваторов Лауреано Гомеса на президентских выборах в ноябре 1949 г.; кто противился, того били или сажали в тюрьму. Он рассказывает о сгоне крестьян-либералов с земли и обогащении за их счет помещиков-консерваторов¹⁰³, об отсутствии всякой безопасности даже для депутатов парламента, если они были членами либеральной партии. Именно эта

¹⁰⁰ Х. Виейра. Рост милитаризма в Колумбии..., стр. 17.

¹⁰¹ E. Franco Isaza. Las guerrillas del llano. Testimonio de una lucha de cuatro años por la libertad. Bogotá, 1959.

¹⁰² Ibid., p. 111.

¹⁰³ Ibid., p. 1, 3.

беззащитность перед произволом властей и заставила колумбийцев взяться за оружие. Так возникло партизанское движение. Автор рассказывает о зверствах карателей, о настоящих военных действиях правительственных войск против крестьян, отстаивающих свое право на жизнь и землю, и утверждает, что единственным средством выжить в то время была организация широкого народного движения¹⁰⁴. Но по этому вопросу левые либералы полностью расходились с руководством своей партии, которое «не поддерживало народное движение», потому что, как пишет Э. Франко, у руководства находились «контрреволюционные и непопулярные в народе люди»¹⁰⁵. Такое положение свидетельствует о глубине раскола либеральной партии, в результате которого отдельные группировки стали совершенно чуждыми друг другу. Пассивность, неумение организовать отпор наступлению реакции вызывали резкую критику со стороны тех, кто стремился к решительным действиям. Франко принадлежал к их числу. В те годы он считал, что только широкое партизанское движение способно покончить с виоленсией. Поэтому Франко в отличие от многих либеральных деятелей не имел никаких иллюзий относительно военного переворота 13 июня 1953 г., поставившего у власти генерала Рохаса Пинилью. Последний обещал народу прекратить братоубийственную войну. Но у Франко были весьма веские основания сомневаться в искренности генеральских обещаний, потому что именно Рохас Пинилья, бывший при свергнутом режиме начальником генерального штаба, нес немалую долю ответственности за использование армии в борьбе против крестьян.

Будучи членом партизанской делегации, участвовавшей в переговорах с представителями Рохаса Пинильи в Пуэрто-Карреньо, Э. Франко убедился, что новый режим не намерен всерьез покончить с теми причинами, которые вызвали к жизни партизанское движение. Офицеры Рохаса отказались обсуждать партизанские требования, сорвав таким образом переговоры¹⁰⁶. Э. Франко считал, что и в новой ситуации по-прежнему необхо-

¹⁰⁴ E. Franco Isaza. Op. cit., p. 8, 287.

¹⁰⁵ Ibid., p. 8, 85.

¹⁰⁶ Ibid., p. 321—326.

димо «единство, единство и еще раз единство»¹⁰⁷. В тот период позиция Франко была совершенно правильной, хотя большинство партизан, обманутых обещаниями генерала Рохаса, введенных в заблуждение позицией руководства либеральной партии и уставших от четырехлетней партизанской войны, сложили оружие¹⁰⁸.

В заключение нельзя не отметить антиклерикальную направленность книги Э. Франко. Автор разоблачает позорную роль католической церкви, активно включившейся в политическую борьбу на стороне реакционных сил и взявшей на себя миссию оправдать их участие в виоленсии. Он обличает церковников, которые сами становились подстрекателями, а нередко и соучастниками убийства людей. Э. Франко отмечает, что религиозные фанатики приветствовали все самые позорные события в политической жизни страны. Колумбийская реакция не гнушалась использовать имя бога, чтобы оправдать свои кровавые злодеяния. Так было, когда убили Гаитана и на улицах Тунхи кричали «Да здравствует Христос! Да здравствует Хуан Роа Сьерра!»¹⁰⁹ Так было во время кровавых событий, сопровождавших президентские выборы в 1949 г., когда сторонники Гомеса также кричали: «Да здравствует Христос! Смерть Эчандиа! Да здравствует Лауреано Гомес!»¹¹⁰

Автор клеймит позором правительство, использующее религию для оправдания массовых убийств. «Правительство Колумбии, говорят, самое католическое в мире. Да здравствует Христос! Смерть красным! Так, освещенное клубами ладана, оно принесло на алтарь нашего господина бога сотни и сотни крестьян, так что цифра достигает 100 тысяч. Колумбия — самая католическая страна в мире! Да здравствует Христос! Смерть красным!»¹¹¹

Американская историография исследуемого периода колумбийской истории большей частью реакционна по своей сути. Она представляет новейшую историю страны в сильно искаженном свете, на заботясь об истине и откровенно служа политическим интересам «большого

¹⁰⁷ E. Franco Isaza. Op. cit., p. 8, p. 328.

¹⁰⁸ Ibid., p. 328, 329.

¹⁰⁹ Ibid., p. 2.

¹¹⁰ Ibidem.

¹¹¹ Ibid., p. 238.

бизнеса». Характерный пример — книга профессора Питсбургского университета В. Л. Флюхарты¹¹².

Главным консультантом Флюхарты при создании его объемистого труда оказался брат М. Осипы Переса, издатель реакционнейшей медельинской газеты «Эль Коломбиано» Хулио Эрнандес. В предисловии к книге Флюхарты выражает ему признательность за предоставление материалов и консультацию по ряду важнейших вопросов.

Тенденциозность, стремление замаскировать истинную сущность явлений характерны для всей книги в целом.

Довольно значительный фактический материал, говорящий о тяжелом экономическом положении страны, о нищете народа, казалось бы объективный рассказ о терроре в провинциях как будто свидетельствуют о беспристрастности исследователя. Но это только первое впечатление. Оно полностью исчезает по мере внимательного чтения книги. В ней действительность так тесно переплетена с клеветническими измышлениями, что истина оказывается буквально погребенной под грудой фальшивых утверждений. Характерным в этом отношении является раздел, посвященный «роли коммунистов и иностранных агитаторов» в событиях 9 апреля 1948 г.¹¹³

Фактическая сторона дела — слабость колумбийских коммунистов, их малочисленность, раскол в их среде¹¹⁴, решение Верховного суда Колумбии, вынужденного оправдать их из-за отсутствия улик¹¹⁵ — все это буквально тонет в целом море бездоказательных обвинений, нелепых утверждений и инсинуаций, недостойных настоящего исследователя.

Если автора нельзя упрекнуть в использовании не-solidных экономических источников, то в том, что касается политических, Флюхарты проявляет полную неразборчивость. Как будто для того, чтобы опровергнуть им же самим сделанные выводы о социально-экономических причинах апрельского народного движения, о том, что колумбийские коммунисты не обладали до-

¹¹² V. L. Fluharty. *Dance of the millions. Military rule and the social revolution in Colombia (1930—1956)*. Pittsburgh, 1957.

¹¹³ *Ibid.*, p. 93—102.

¹¹⁴ *Ibid.*, p. 94.

¹¹⁵ *Ibid.*, p. 103.

статочным влиянием, чтобы вызвать его, Флюхартти обильно цитирует заведомо реакционных авторов, представляющих события 9 апреля как результат происков местного и международного коммунизма.

Широко цитируется А. Ниньо — шеф секретной полиции Колумбии. Без всякой критики приводятся его измышления о всемогуществе колумбийских коммунистов¹¹⁶. Почти целая страница отводится клевете упоминавшегося уже реакционнейшего журналиста Калибана, в свое время опубликованной газетой «Эль Тьемпо»¹¹⁷. Автор не погнушался привести на страницах своей книги явную фальшивку, опубликованную мексиканской газетой «Эль Коломбиано», ссылавшейся на «дружественный дипломатический источник, не желающий, чтобы его называли». Это так называемое письмо Блас Рока с инструкциями о подготовке восстания по всей Центральной Америке и убийстве Маршалла и Гаитана¹¹⁸. Этот «документ», который, кажется, так и кричит о том, что он изготовлен по рецептам Центрального разведывательного управления США, также не сопровождается какими-либо оговорками. Напротив, утверждение Флюхартти, что смерть Гаитана и ее связь с коммунистическим заговором якобы до сих пор остаются загадкой¹¹⁹, как бы подтверждает подлинность этого «документа».

Чтобы покончить с анализом этого раздела, придется остановиться еще на двух весьма курьезных моментах. В свое время колумбийская и международная реакция много кричали о просоветском характере движения 9 апреля, об иностранной коммунистической помощи и т. п. Хотя к моменту написания книги Флюхартти прошло почти десять лет со времени апрельских событий и при добросовестном отношении к делу можно было легко найти множество доказательств абсурдности этих утверждений, автор счел нужным не только повторить их, но и сопроводить новыми комментариями явно в духе «холодной» войны. Мнением реакционных испанских авторов Ларко Эрреры и Фернандеса де Сото о якобы

¹¹⁶ V. L. Fluharty. Op. cit., p. 97.

¹¹⁷ Ibid., p. 101.

¹¹⁸ Ibid., p. 104, 105.

¹¹⁹ Ibid., p. 103.

просоветском характере движения 9 апреля¹²⁰ Флюхарти дополняет свои собственные инсинуации относительно деятельности советской миссии в Боготе, которая, по его мнению, оказалась подозрительно многочисленной и занималась откровенной пропагандой — издавала информационный бюллетень, а ее «сотрудники во время приемов угощали водкой и танцевали с красивыми женщинами»¹²¹.

Не располагая другими «доказательствами» советского вмешательства, Флюхарти переносит всю тяжесть обвинений на венесуэльских коммунистов, причем в «главных коммунистах» оказывается не кто иной, как сам Ромуло Бетанкур. Автор заявляет буквально следующее: «Теперь, кажется, полностью установлено, что наиболее важная коммунистическая помощь шла из Венесуэлы... от Аксьон демократика Р. Бетанкура»¹²². Последующие события в Венесуэле наглядно свидетельствуют, какой Р. Бетанкур коммунист!

Представление о книге Флюхарти останется неполным, если не упомянуть о других ее разделах, свидетельствующих о своего рода мастерстве фальсификации фактов, которым безусловно владеет автор. Приемы фальсификации на протяжении всей книги довольно однообразны: от, казалось бы, невинной замены одних слов другими, однако в корне меняющими все дело, до свободного манипулирования слухами, которые у автора фигурируют как факты¹²³. Автор планомерно и последовательно навязывает читателю свои тенденциозные выводы. Он упорно добивается достижения поставленной цели: убедить читателя, что военная диктатура — явление неизбежное и весьма положительное в современных условиях.

Флюхарти с большой симпатией относится к Оспине Пересу, всячески превозносит его успехи на президентском поприще¹²⁴, но, чтобы увязать печальные итоги его деятельности с этими похвалами, читатель испод-

¹²⁰ V. L. Fluharty. Op. cit., p. 102.

¹²¹ Ibid., p. 96.

¹²² Ibid., p. 97.

¹²³ Весь раздел «О роли коммунистов и иностранных агитаторов в восстании» построен на слухах, клевете, гнусных выдумках, которые преподносятся как факты.

¹²⁴ V. L. Fluharty. Op. cit., p. 108.

воле подводится к мысли, что обстоятельства оказались сильнее Оспины.

В провале политики Национального союза виновными оказываются рабочий класс и либеральная партия¹²⁵, а не оголтелая реакция, возглавлявшаяся Л. Гомесом. Стремление последнего захватить власть, оказывается, было вызвано решением либерального большинства конгресса перенести срок президентских выборов¹²⁶, а активное участие многих членов либеральной партии в апрельских событиях 1948 г. якобы вынудило Оспину Переса готовить почву для диктатуры Гомеса¹²⁷. Все это должно привести читателя к выводу, что во всем, что произошло в дальнейшем, виноваты сами либералы, которые своими нападками на Оспину Переса еще болсе усугубили положение и создали обстановку, позволившую крайне правым захватить власть.

Флюхарти не скупится на разоблачения преступлений гомесовской диктатуры. Но делается это только для того, чтобы представить Рохаса Пинилью спасителем нации. Режим Гомеса оказывается неприемлемым не столько потому, что он олицетворял собою произвол, сколько потому, что за ним «маячил новый политический фактор — дремлющая угроза со стороны народа, который только и ждет удобного момента для совершения социальной революции»¹²⁸. И заслуга Рохаса, по мнению автора, в том и состоит, что, убедившись в «неспособности традиционных партий справиться с давно тлеющей социальной революцией»¹²⁹, он пришел к власти, чтобы «остановить кровопролитие, классовую анархию и партийную войну»¹³⁰. О том, что Рохас Пинилья прибегает к тем же методам, что и осужденный им режим Гомеса, чтобы подавить народное движение, автор предпочитает упоминать как можно меньше и оговаривает каждый раз, что ответственность за тот или иной факт кровопролития лежит то на сторонниках Гомеса, то на коммунистах, то на неумелых исполнителях из окружения Рохаса.

¹²⁵ V. L. Fluharty. Op. cit., p. 87.

¹²⁶ Ibid., p. 111.

¹²⁷ Ibid., p. 108.

¹²⁸ Ibid., p. 142.

¹²⁹ Ibid., p. 311.

¹³⁰ Ibid., p. 158.

И вывод, к которому приходит автор, действительно выглядит парадоксом: военная диктатура сделала «важный вклад в демократию»¹³¹. И поэтому, утверждает автор, подобные режимы не являются чем-то случайным и им принадлежит будущее¹³².

Принимая во внимание все вышесказанное, следует с большой осторожностью подходить к фактическому материалу, собранному Флюхарти.

В 1962 г. реакционная североамериканская историография пополнилась еще одной книгой: Дж. Марте «Колумбия. Обзор современного политического положения»¹³³. Этот обширный труд не был первым опытом; автор уже получил признание реакционных кругов за книгу «Коммунистическое проникновение в Гватемалу» (1956 г.) и не менее тенденциозное издание «Центральная Америка. Кризис и его характерные черты» (1959 г.). Казалось бы, Флюхарти и Марте имели перед собой разные политические задачи, обусловленные временем: Флюхарти восхвалял военную диктатуру, а Марте, работавший над своей книгой уже после падения диктатуры Рохаса Пинильи, — систему чередования двух партий у власти, но тенденциозность этих изданий позволяет поставить их в один ряд.

Так же как и книга Флюхарти, работа Марте насыщена большим фактическим материалом, имеет солидное библиографическое приложение, что представляет несомненный интерес для советского читателя, но политические оценки и общая направленность книги, конечно, не могут не вызвать решительных возражений.

Следует признать справедливость некоторых замечаний автора относительно крайней непопулярности Гомеса в массах¹³⁴, оценки роли колумбийского католика в политической жизни страны и закономерности его политического союза с консервативной партией¹³⁵. Но нельзя согласиться с трактовкой деятельности Осинны Переса и якобы решающей роли противоречий между ним и Гомесом в крахе политики так называемого Националь-

¹³¹ V. L. Fluharty. Op. cit., p. 317.

¹³² Ibidem.

¹³³ J. D. Martz. Colombia. A contemporary political survey. Chapel Hill, 1962.

¹³⁴ Ibid., p. 53.

¹³⁵ Ibid., p. 24.

ного союза. Вряд ли правильно относить напряженные отношения между двумя фракциями консервативной партии, ставшие фактом к середине 50-х годов, на несколько лет назад, в совершенно другую обстановку. Тогда противоречия между оспинистами и лауреанистами, как теперь их называют, только намечались. Перед ними был один враг — народное движение. «Полевение» основной массы рядовых членов либеральной партии крайне беспокоило как Гомеса, так и Оспину Переса. Гомес сознательно шел на передачу власти Оспине¹³⁶ в 1946 г., правильно рассчитав, что в создавшейся ситуации его правление будет своего рода переходной ступенью от режима буржуазной демократии к диктатуре. В этот период не может быть никакой речи о том, что противоречия между Гомесом и Оспиной якобы достигли критической точки, как это представляет Мартс¹³⁷. Дело обстояло совсем не так. В страхе перед народным движением Оспина делал все от него зависящее, чтобы обеспечить передачу власти в руки крайней реакции. Это вынужден признать даже такой реакционный историк, как Флюхарти¹³⁸.

Что касается апрельских событий 1948 г., то Мартс очень далек от их объективного освещения и его позиция близка к позиции Флюхарти. Откровенный антикоммунизм виден в стремлении Мартса акцентировать внимание читателя на «осквернении церквей» и жестокости восставших по отношению к католическим священникам¹³⁹. Целых две страницы посвящены этим «невинным мученикам», но зато умалчивается о причинах этого, на первый взгляд противоестественного, отношения глубоко религиозных людей к служителям церкви. А причина заключалась в том, что прислужники бога оказались на редкость ревностными служителями колумбийской реакции, пулеметным огнем и гранатами встречавшими своих восставших прихожан. Подобные факты известны, и их описание, наверное, заняло бы не одну страницу, но Мартс предпочитает этого не делать.

Освещая диктаторские режимы Л. Гомеса и Рохаса Пинильи, автор не стремится скрыть их пороки, но

¹³⁶ H. A. Velasco. Op. cit., p. 76.

¹³⁷ J. D. Martz. Op. cit., p. 47.

¹³⁸ V. L. Fluharty. Op. cit., p. 107.

¹³⁹ J. D. Martz. Op. cit., p. 65, 66.

делает это с единственной целью убедить читателя, что система чередования у власти двух буржуазных партий является наилучшей формой управления страной. Разделы, посвященные этому периоду истории Колумбии, написаны на основе обширного фактического материала. Мартс особенно внимательно исследует внутрипартийную борьбу в традиционных партиях. Партизанское движение, явившееся стихийной формой протеста народных масс против политики террора со стороны реакционных диктатур и оказавшееся важным фактором в падении как Л. Гомеса, так и Рохаса Пишилы, явно недооценивается и отчасти фальсифицируется автором, который не прочь опорочить его, подчас отождествляя героических борцов против диктаторского режима с обыкновенными бандитами.

Однако не следует, конечно, думать, что вся американская историография реакционна. Среди американских буржуазных историков есть люди разных политических убеждений, и это в какой-то мере определяет различие направлений, существующих в американской историографии. Так, например, П. Холт в вышедшей в 1964 г. монографии «Колумбия сегодня и завтра»¹⁴⁰ не занимает столь откровенно реакционных позиций, как Флюхарти и Мартс. Он довольно осторожно подходит к оценке событий 9 апреля в Боготе, полагая, что нет достаточных оснований для обвинения колумбийских коммунистов в подготовке и руководстве событиями, точно так же, как нельзя обвинить в этом и консерваторов¹⁴¹. Автор считает, что события были стихийными и вызваны партийным соперничеством в борьбе за власть. Однако главная ценность этой книги, как и некоторых других этого же направления, заключается не в оценках тех или иных событий, а в богатстве фактического материала, в них использованного.

В завершение краткого обзора американской историографии нельзя не упомянуть имя К. Билса — большого знатока латиноамериканских проблем. Этот прогрессивный американский журналист и историк широко известен в Латинской Америке. Он писал почти обо всех странах латиноамериканского континента и писал со знанием дела. Одна из его последних книг посвящена

¹⁴⁰ P. M. Holt. *Columbia today and tomorrow*. London, 1964.

¹⁴¹ *Ibid.*, p. 40.

революционным событиям в Латинской Америке¹⁴² и, в частности, послевоенной истории Колумбии.

Апрельским событиям 1948 г. К. Билс посвящает специальный раздел. Еще в те дни, когда вся американская реакционная печать трубила о вмешательстве «красных» в события в Боготе и возводила самые нелепые обвинения на колумбийских коммунистов, К. Билс не побоялся сказать правду об истинных причинах колумбийской трагедии, назвать тех, кто в полной мере нес ответственность за ее последствия. С тех пор точка зрения Билса не изменилась. Он по-прежнему считает, что ответственность за кровавые события в колумбийской столице несут американские монополии, в частности нефтяные, нещадно эксплуатировавшие трудящихся, и колумбийские ультрареакционные элементы во главе с Л. Гомесом, создавшие в стране атмосферу произвола.

Широкая осведомленность автора о политической жизни Колумбии последних десятилетий делает его работу поистине кладезем фактов и деталей, имеющих подчас немаловажное значение при оценке тех или иных политических деятелей.

Колумбийская марксистская историография делает пока первые и, надо сказать, успешные шаги в освещении некоторых важнейших проблем национальной истории, в частности современной.

Среди этих работ особое место занимает краткий исторический очерк о деятельности колумбийской компартии «Тридцать лет борьбы Коммунистической партии Колумбии»¹⁴³. Приветствуя появление этой книги, журнал «Документос политикос» писал следующее: «Этот очерк пытается синтезировать великую сокровищницу опыта, чтобы сделать его достоянием всех коммунистов, а также всех революционных элементов колумбийского общества». Он «послужит поднятию идеологического уровня пролетарской партии, объективно разбирая уроки, вытекающие из положительного и отрицательного опыта, из успехов и ошибок»¹⁴⁴. В этой работе содержатся основные марксистские оценки важнейших событий

¹⁴² C. Beals. Latin America: world in revolution. London—New York — Toronto, 1963.

¹⁴³ «Treinta años de lucha del Partido Comunista de Colombia». Bogotá, 1960.

¹⁴⁴ «Documentos Políticos», 1960, № 19, p. 1.

внутриполитической жизни страны, ведущих политических деятелей, рассматривается позиция партии в решающие моменты политической истории страны. Оценка характера и движущих сил апрельского движения 1948 г. и участия в нем колумбийских коммунистов представляет для советских читателей исключительный интерес в связи с той фальсификацией, которой подвергается это событие в буржуазной реакционной историографии. Большое внимание уделяется партизанскому движению и его значению при падении таких реакционных режимов, как диктатура Л. Гомеса и диктатура Рохаса Пинильи.

Особый интерес приобретают те материалы, которые касаются роли компартии в организации борьбы масс против антинародных режимов М. Осиньи Переса, Л. Гомеса и Г. Рохаса Пинильи.

История возникновения и деятельности ведущих политических партий страны — коммунистической, либеральной и консервативной — посвящена книга колумбийского историка-марксиста А. Кимбайя «Три политические партии Колумбии»¹⁴⁵. Автор вскрывает классовые причины вековой вражды двух традиционных партий, показывает, как она помогает господствующим классам держать в узде народные массы. Кимбайя дает превосходный, основанный на учении Маркса — Ленина анализ гаитанистского движения и причин его слабости. На примере поражения гаитанизма он показывает необходимость единства трудящихся, неустанной работы по организации масс, которую может с успехом выполнить только боевая пролетарская партия — партия коммунистов.

Книга А. Кимбайя проникнута непоколебимой верой в народные массы, в победу дела национального и социального освобождения колумбийского народа.

А. Кимбайя является также автором монографии «Земельная проблема в Колумбии»¹⁴⁶. Это единственное марксистское исследование современного положения в колумбийской деревне. Книга написана на высоком научном уровне с привлечением большого фактического материала.

¹⁴⁵ А. Quimbaya. Tres partidos políticos de Colombia. Bogotá, 1959.

¹⁴⁶ А. Quimbaya. El problema de la tierra en Colombia. Bogotá, 1967.

В советской исторической науке проблемы послевоенной истории Колумбии были впервые поставлены в лекциях В. И. Ермолаева «Национально-освободительное и рабочее движение в странах Латинской Америки после второй мировой войны», опубликованных в 1958 г. Затем на основе новых материалов более подробно освещены в вышедших в 1960 и 1964 гг. двух работах известного советского латиноамериканиста С. А. Гонионского — «Латинская Америка и США, 1939—1959. Очерки истории дипломатических отношений» и «Очерки новейшей истории стран Латинской Америки». Что касается проблем развития колумбийской экономики в послевоенный период и положения рабочего класса, то им были посвящены монография И. А. Бунегиной «Колумбия. Экономика и внешняя торговля» (1959 г.), книга Э. Литавриной «Колумбия» (1967 г.), монография М. В. Данилевич «Рабочий класс в освободительном движении народов Латинской Америки» (1962 г.) и книга В. В. Вольского «Латинская Америка, нефть и независимость» (1964 г.).

И, наконец, в статьях Р. А. Молочковой «О крестьянской самообороне в Колумбии»¹⁴⁷ и А. В. Шестопала «Империализм США и внутривластительное развитие Колумбии в 1944—1948 гг.»¹⁴⁸ борьба рабочего класса и крестьянства на протяжении первого послевоенного десятилетия колумбийской истории стала предметом специального изучения.

Советским исследователям, последовательно развивающим творческое наследие К. Маркса и В. И. Ленина, чуждо стремление к фальсификации событий, к которой нередко прибегали реакционные псевдоученые, выполняя социальные заказы тех, кто извлекал из нее непосредственную выгоду.

В советских исследованиях основное внимание уделяется борьбе трудящихся масс, ибо только они являются подлинными творцами истории. Большое значение придается истинной роли иностранных и прежде всего североамериканских монополий в экономическом развитии Колумбии. Советские исследователи на основе официальных данных колумбийской статистики, а также

¹⁴⁷ В сб. «Вопросы международного рабочего и национально-освободительного движения на современном этапе», М., 1963.

¹⁴⁸ В сб. «Экономика и политика капиталистических стран», М., 1965.

статистических публикаций ООН и материалов других международных организаций показали, как американский империализм, используя свое господство в ведущих отраслях колумбийской экономики, мешает ее дальнейшему развитию, тормозит индустриализацию страны, способствует сохранению феодальных пережитков в деревне.

Оценивая вклад советских исследователей в изучение проблем послевоенной истории и экономики Колумбии, можно с полным основанием утверждать, что то, что сделано, служит хорошей основой для дальнейшего, более детального изучения важнейших проблем современной истории этой страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Полное собрание сочинений, т. 27.
- Ленин В. И. Тетради по империализму. Полное собрание сочинений, т. 28.
- Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1962.

Архивные материалы

- Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР):
- ф. 4459 (ТАСС), оп. 24, д.: за 1946 г. № 274—276; за 1947 г. № 410, 411;
 - ф. 4459с (ТАСС), оп. 1, т. 1, д.: за 1943 г. № 284; за 1944 г. № 216;
 - ф. 4459с (ТАСС), оп. 3, Вестник иностранной служебной информации за 1945 г. № 1164—1529; за 1946 г. № 1530—1893;
 - ф. 4459с (ТАСС), оп. 9, т. 1, Досье иностранной прессы за 1945—1954 гг. № 74; оп. 9, т. 2... за 1955 г. № 74.

Материалы Коммунистической партии Колумбии

- Программные документы коммунистических и рабочих партий стран Америки. М., 1962.
- Documentos del Octavo Congreso de Partido Comunista de Colombia. 1. Resolución Política. 2. Declaración Programática. 3. Estatutos del Partido Comunista. Bogotá, 1958.
- Partido Comunista de Colombia. Congreso 9. Bogotá, 1961. Unidad popular contra la reacción y el golpe de estado. Bogotá, 1961.
- Por el Frente patriótico de liberación Nacional. Documentos del Décimo Congreso del Partido Comunista de Colombia. Enero de 1966. {Bogotá}, 1966.

Partido Comunista de Colombia. El 29 Pleno del Comité Central. Bogotá, del 19 al 22 de oct., 1963, Bogotá, 1963.
«Treinta años de lucha del Partido Comunista de Colombia». Bogotá, 1960.

Публикации официальных документов

- «Внешняя политика Советского Союза». 1948 год, ч. II. М., 1951.
Конституции государств американского континента, т. II. М., 1959.
Acta final de la Novena Conferencia Internacional Americana, Bogotá, Colombia. 30 de marzo—2 de mayo de 1948. Bogotá, 1948.
Agudelo Ramírez L. E. y Montoya y Montoya R. Los guerrilleros intelectuales. Gatas, documentos e informaciones que prohibio la censura (dictatorial). Medellín, 1957.
The basis of a development program for Colombia. Report of a Mission headed by Lauchlin Currie and sponsored by the International Bank for reconstruction and development in collaboration with the Government of Colombia. Washington, 1950.
Código del petróleo.—«Boletín de petróleos», 1958, № 86—87.
Colombia y Ecuador. Fraternidad de dos pueblos y traición a la patria. Publicación de la Dirección de información y propaganda del estado. Bogotá, 1955.
Confederación de trabajadores de America Latina. CTAL, 1938—1948. México, 1948.
International conference of American States. 9-th Bogotá, 1948. Report of the delegates of the U.S.A. Washington, 1948.
Lopez Michelsen A. Los últimos días de Lopez y cartas intimas de tres campañas políticas (1929—1940—1958). Bogotá, 1961.
República de Colombia. Ministerio del Trabajo. Modelo oficial de estatutos para organizaciones sindicales de primer grado. Bogotá, 1952.
Ospina Pérez M. El gobierno de Unión Nacional, t. 5. Crisis, defensa y consolidación de la democracia. 1948. Bogotá, 1950.
Quince meses de política liberal (Abril 1948—julio 1949). Bogotá, 1949.
Silva A., Caldas T. L. Régimen legal de la industria en Colombia. Codificación de disposiciones vigentes con notas y concordancias. Bogotá, 1956.
Surplus agricultural commodities. Agreement between the United States of America and Colombia. Signed at Bogotá, december 20, 1955. Washington, 1956.
US Treaties. Civil aviation mission to Colombia. Agreement between the U. S. of America and Colombia... Entered into force december 22, 1947. Washington, 1947.
US Treaties. Health and sanitation. Cooperative program in Colombia. Agreement between the USA and Colombia... Entered into force july 31, 1948. Washington, 1950.
US Treaties. Air force mission to Colombia. Agreement between the USA and Colombia... Entered into force february 21, 1949, Washington, 1949.

- US Treaties. Army mission to Colombia. Agreement between the United States of America and Colombia... Entered into force February 21, 1949. Washington, 1949.
- US Treaties. Exchange of official publications. Agreement between the USA and Colombia... Entered into force July 26, 1949. Washington, 1950.
- US Treaties. Health and sanitation. Cooperative program in Colombia. Agreement between the USA and Colombia... Entered into force August 4, 1949. Washington, 1950.
- US Treaties. Anthropological research and investigation. Cooperative program in Colombia. Agreement between the United States of America and Colombia... Entered into force November 24, 1950. Washington, 1951.
- US Treaties. Health and sanitation. Agreement between the United States of America and Colombia... Entered into force November 3, 1950. Washington, 1951.
- US Treaties. Technical cooperation. Agreement between the United States of America and Colombia... Entered into force March 9, 1951. Washington, 1951.
- US Treaties. Technical cooperation. Assurances under mutual security act of 1951. Agreement between the United States of America and Colombia... Entered into force December 26, 1951. Washington, 1953.
- US Treaties. Mutual defence assistance. Agreement between the United States of America and Colombia... Entered into force April 17, 1952. Washington, 1953.
- US Treaties. Technical cooperation. Agriculture and Natural Resources Development Programs. Agreement between the United States of America and Colombia... Entered into force June 9, 1953. Washington, 1954.
- US Treaties. Naval, army, and air missions to Colombia. Agreement between the United States of America and Colombia... Entered into force November 4, 1954. Washington, 1955.
- US Treaties. Technical cooperation. Program of medical education. Agreement between the USA and Colombia... Signed at Bogota May 10 and June 14, 1955. Washington, 1956.
- US Treaties. Military assistance advisory group. Agreement between the United States of America and Colombia... Signed at Bogota July 13 and September 16, 1955. Washington, 1956.
- US Treaties. Technical cooperation. Program for economic development in the Departments of Caldas, Cauca, and Valle del Cauca. Agreement between the United States of America and Colombia... Signed at Bogota July 29 and November 15 and 28, 1955. Washington, 1956.
- US Treaties. Guaranty of private investments. Agreement between the United States of America and Colombia... Signed at Washington July 14 and 18, and November 18, 1955. Washington, 1955.
- US Treaties. Technical cooperation. Program of Housing. Agreement between the United States of America and Colombia... Signed at Bogota December 1 and 21, 1955. Washington, 1956.

US Treaties. Weather Stations... Agreement between the United States of America and Colombia... Signed at Bogota june 7, 13 and 20. 1956. Washington, 1956.

US Treaties. Civil aviation mission to Colombia. Agreement between the United States of America and Colombia... Signed at Bogotá january 17 and march 27, 1956. Washington, 1957.

Мемуары и публицистика

Baquero R. H. Un plan de colonización imperialista. El programa de la misión Currie al desnudo. {Bogotá}, 1951.

Franco Isaza E. Las guerrillas del llano. Bogotá, 1959.

Gaitán J. E. Las ideas socialistas en Colombia. Bogotá, 1963.

Gomez L. Los efectos de la reforma de 1953. Bogotá, 1953.

Manross L. The Bogota Conference. Washington, 1949.

Martínez Zelada E. Colombia en el llanto. México, 1948.

Orrego Duque G. 9 de abril fuera de palacio. Bogotá, 1949.

Osorio Tapias A. ¿Por qué mataron a Gaitán? Bogotá, 1948.

Palza H. S. La noche roja de Bogotá. Páginas de un diario. Buenos Aires, 1949.

Peña L. D. Gaitán íntimo. Bogotá, 1949.

Vallejo A. Hombres de Colombia. Memorias de un colombiano exilado en Venezuela. Caracas, 1950.

Пресса *

«Бюллетень иностранной коммерческой информации» (БИКИ), 1949—1957.

«За прочный мир, за народную демократию», 1950—1952.

«Documentos Políticos», Bogotá, 1957—1968.

«Semana», Bogotá, 1948, 1958.

«El Tiempo», Bogotá, 1948—1950, 1952.

«Vanguardia del Pueblo», Bogotá, 1946—1949.

«Voz de la Democracia», Bogotá, 1958—1960.

«Voz Proletaria», Bogotá, 1964—1968.

«Fundamentos», La Habana, 1946—1948.

«Noticias de Hoy», La Habana, 1946—1957.

«Tribuna Popular», Caracas, 1949.

«Tiempo», México, 1955.

«Acción», Montevideo, 1957.

«Daily Worker», New York, 1946—1957.

«The New York Times», 1946—1957.

«The New York Herald Tribune», 1948.

«Neue Zürcher Zeitung», 1950—1957.

«The South American Journal», London, 1945.

* Комплекты и отдельные номера.

Справочники и экономико-статистические материалы

- Политические партии стран Латинской Америки. М., 1965.
Страны Латинской Америки. М., 1949.
Almanaque mundial, 1967. New York, 1966.
Anuario de la iglesia católica en Colombia, 1961. Bogotá, 1961.
Anuario Estadístico de Bogotá, 1958. Bogotá, 1959.
Colombia. Annual supplement to the Quarterly economic review. London, 1967.
Colombia. Anuario general de estadística. Bogotá, 1950.
Colombia. Banco de la República. Departamento de Investigaciones económicas. Le minería en Colombia, el petróleo. Bogotá, 1950.
Colombia. Banco de la República. Revista del Banco de la República, vol. 28. Bogotá, 1955.
Colombia. Comisión de estudios económicos y sociales. Asuntos económicos y fiscales. 1965. Bogotá, 1966.
Colombia. Consejo social agrario. Informe de la primera reunión. Bogotá, 1963.
Colombia. Contraloría general. Censo industrial de Colombia. 1945. Bogotá, 1948.
Colombia. Contraloría general. Informe financiero. Bogotá, 1949.
Colombia en cifras, 1945—1946. Bogotá, 1946.
Colombia en cifras. Síntesis de la actividad económica, social y cultural de la nación. Bogotá, 1963.
Colombia. Review of commercial conditions. 1945. London, 1945.
Cuatro años de reforma agraria. Informe de actividades en 1965. Bogotá, 1966.
División político-administrativo de Colombia. Bogotá, 1960.
La educación en Colombia. 1963—1964. Bogotá, 1966.
Factores colombianos. 1957. Bogotá, 1957.
Factores colombianos. 1964. Bogotá, 1964.
Investment in Colombia. Conditions and outlook for United States investors, Washington, 1953.
Quién es quién en Colombia? Bogotá, 1948.
¿ Quién es quién en Venezuela, Panama, Ecuador, Colombia? Bogotá, 1952.
República de Colombia. Economía y estadística. IV época año de 1958, № 84.
República de Colombia. Ingreso y producto nacionales. 1955—1956. [Bogotá, 1957].
República de Colombia. Ministerio del trabajo. Departamento técnico de la seguridad social campesina, № 2. Bogotá, 1955.
Sanz de Santamaría C. Memoria de hacienda 1945. Bogotá, 1945.
Scopes L. A. Columbia. Economic and commercial conditions in Colombia. London, 1950.
Los seguros sociales en Colombia. Madrid, 1961.

- Silva A., Caldas T. L. Régimen legal de la industria en Colombia. Bogotá, 1956.
- US Army area handbook for Colombia. Washington, 1961.

Биографические очерки

- Gomez R. Governments and politics in Latin America. New York, 1960.
- Klim [En. Santos]. Figuras políticas de Colombia. Bogotá, 1945.
- Osorio Lizarazo J. A. Gaitán. Vida, muerte y permanente presencia. Buenos Aires, 1952.
- Pardo Ospina J. Tres presidentes de Colombia y semblanzas de personajes de la familia Ospina. Bogotá, 1946.
- Puentes M. Grandes hombres de Colombia. Bogotá, 1962.
- Un hombre al servicio de su pueblo. Síntesis biográfica del dr. Carlos Lleras Restrepo. [Bogotá, 1966].
- Velasco H. A. Mariano Ospina Pérez (Biografía). Bogotá, 1953.
- Villar Borda C. J. Rojas Pinilla — el presidente libertador. Bogotá, 1953.

Библиографические справочники

- Guide to the Hispanic American Historical Review, 1946—1955. [s. l.], 1958.
- Handbook of Latin American Studies. Gainesville, 1956—1963.
- Instituto Caro y Cuervo. Departamento de Bibliografía. Anuario bibliográfico colombiano. 1951—1956. Compilado por R. Pérez Ortiz. Bogotá, 1958.
- Instituto Caro y Cuervo. Departamento de Bibliografía. Anuario bibliográfico colombiano. 1957—1958. Compilado por R. Pérez Ortiz. Bogotá, 1960.
- Instituto Caro y Cuervo. Departamento de Bibliografía. Anuario bibliográfico colombiano. 1959—1960. Compilado por R. Pérez Ortiz. Bogotá, 1961.
- Jaramillo G. G. Bibliografía de bibliografías colombianas. Bogotá, 1960.
- Latin America: a bibliographical guide to economy, history, law, politics, and society, by S. A. Bayitch. Florida, 1961.
- Vegallara H. Bibliografía comentada sobre el desarrollo económico y la economía colombiana. Bogotá, 1959.

Литература

- Аграрно-крестьянский вопрос на современном этапе национально-освободительного движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1965.

- Аграрный вопрос и национально-освободительное движение. М., 1963.
- Антикоммунизм — враг человечества. Прага, 1962.
- Арди М. А. Двусторонние пакты о взаимной помощи. М., 1955.
- Арисменди Р. Проблемы латиноамериканской революции. М., 1964.
- Бунегина И. А. Колумбия. Экономика и внешняя торговля. М., 1959.
- Вольский В. В. Латинская Америка, нефть и независимость. М., 1964.
- Гонионский С. А. Латинская Америка и США. 1939—1959. Очерки истории дипломатических отношений. М., 1960.
- Гонионский С. А. Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. М., 1964.
- Данилевич М. В. Положение и борьба рабочего класса стран Латинской Америки. М., 1953.
- Ермолаев В. И. Национально-освободительное и рабочее движение в странах Латинской Америки после второй мировой войны. М., 1958.
- Литаврина Э. Колумбия. М., 1967.
- Международные отношения после второй мировой войны, т. 2. М., 1964.
- Народы Латинской Америки в борьбе против американского империализма. М., 1951.
- Проблемы современной Латинской Америки. М., 1959.
- Проблемы создания единого антиимпериалистического фронта. Прага, 1963.
- Ревуненков В. Г. История стран Латинской Америки в новейшее время. М., 1963.
- Реформизм, ревизионизм и проблемы современного капитализма. М., 1959.
- Сиволобов А. М. Экономические проблемы союза рабочего класса и крестьянства в Латинской Америке. М., 1963.
- Томас А. Б. История Латинской Америки. М., 1960.
- Aguilera Camacho A. Derecho agrario colombiano. Bogotá, 1962.
- Alba V. El militarismo. Ensayo sobre un fenómeno politicosocial iberoamericano. México, 1959.
- Alexander R. J. Communism in Latin America. New Brunswick, 1957.
- Alexander R. J. Labour movements in Latin America. London, 1947.
- Arboleda J. R. Las ciencias sociales en Colombia. Rio de Janeiro, 1959.
- Arciniegas G. Entre la libertad y el miedo. Santiago, 1954.
- Arciniegas G. Colombia. Washington, 1962.
- Beals C. Latin America: world in revolution. London — New York — Toronto, 1963.

- Betancur B. Colombia cara a cara. Bogotá, 1961.
- Considine J. J. New horizons in Latin America. New York, 1958.
- Currie L. Ph. D. Ensayos sobre planeación. Introducción a una teoría de desarrollo conocida como Operación Colombia. Bogotá, 1963.
- Devaluación 1962. Historia documental de un proceso económico. Bogotá, 1963.
- Dozer D. M. Are we good neighbors? [New York], 1959.
- Echavarría F. La inflación en Colombia. Roma, 1964.
- Eliás Ramírez P. Colombia. La Habana, 1964.
- Escalante A. El negro en Colombia. Bogotá, 1964.
- Fals Borda O. Campesinos de los Andes. Bogotá, 1961.
- Fluharty V. L. Dance of the millions. Pittsburgh, 1957.
- Galbraith V. O. Colombia. A general survey. London—New York, 1953.
- Gibson W. M. The constitutions of Colombia. Durham, 1948.
- Gonzalez-Blanco P. Against Arciniegas. A blunt criticism. Ciudad Trujillo, 1956.
- Gunther J. Inside Latin America. London, 1942.
- Gutiérrez J. F. La rebeldía colombiana. Bogotá, 1962.
- Gutiérrez J. La revolución contra el miedo. Bogotá, 1964.
- Guzman Campos G. y o. La violencia en Colombia, t. 1—2. Bogotá, 1963—1964.
- Holmes O. Army challenge in Latin America. New York, 1949.
- Holt P. M. Colombia today and tomorrow. London, 1964.
- Hunter J. M. Emerging Colombia. Washington, 1962.
- Isherwood C. The condor and the cows. New York, 1949.
- Josephs R. Latin America: continent in crisis. New York, 1948.
- Lannoy J. L., Pérez Ramírez G. Estructuras demográficas y sociales de Colombia. Bogotá, 1961.
- Laserna M. Estado fuerte o caudillo. Bogotá, 1961.
- Lieuwen E. Arms and politics in Latin America. New York, 1960.
- Lieuwen E. Generals versus presidents. Neomilitarism in Latin America. London, 1964.
- Lopez Michelsen A. Cuestiones colombianas. México, 1955.
- Martz J. D. Colombia. A contemporary political survey. Chapel Hill, 1962.
- Moncada A. Un aspecto de violencia en Colombia. Bogotá, 1963.
- Morales Benítez O. Revolución y caudillos. Medellín, 1957.
- Ordoñez Ceballos A. Visión económica de Colombia. Bogotá, 1948.
- Osorio Lizarazo J. A. Colombia donde los Andes se disuelven. Santiago de Chile, 1956.
- Pérez Ramírez G. El campesinado colombiano. Bogotá, 1959.
- Pérez Ramírez G. El cambio social en el mundo campesino. Bogotá, 196—.

- Pienn A. The Southern Americas. New York, 1948.
- Poblete Troncoso M. El movimiento obrero latinoamericano. México, 1946.
- Political systems of Latin America. Toronto — New York — London, 1964.
- Puentes M. Historia del Partido Liberal Colombiano. Bogotá, 1961.
- Quimbaya A. Los tres partidos políticos de Colombia. Bogotá, 1959.
- Quimbaya A. El problema de la tierra en Colombia. Bogotá, 1967.
- Reforma social agraria (en Colombia). Bogotá, 1961.
- Restrepo Hoyos J. Aspectos económicos de la seguridad social en Colombia. Bogotá, 1960.
- Restrepo Hoyos J. Seguro de vejez, invalidez y sobrevivientes. Bogotá, 1959.
- Rivadeneira Vargas A. J. Historia constitucional de Colombia. Bogotá, 1962.
- Rueda Uribe P. N. Astillas de política y de abogacía. Bogotá, 1966.
- Salamanca G. Los partidos en Colombia. [Bogotá], 1961.
- Sandoval Mendoza A. El imperio de la Standard oil en Colombia y tierras aledañas. Bogotá, 1963.
- Silva L. La herida roja de America, t. 2. Ciudad Trujillo, 1959.
- Tannenbaum F. Ten keys to Latin America. New York, 1964.
- Tierra. 10 ensayos sobre la reforma agraria en Colombia. Bogotá, 1961.
- Toro Agudelo H. Planteamiento y soluciones del problema agrario. Medellín, 1957.
- Torres Almeida P. E. Colombia en la guerra de Corea. [s. l.], 19—.
- Torres Melo A. ¿Qué es la oligarquía colombiana? [s. l.], 1966.
- Varela Martínez R. Economía agrícola de Colombia. Bogotá, 1949.
- Vargas R. M. Actualidad de liberalismo. Manizales, 1961.
- Vila P. Nueva geografía de Colombia. Bogotá, 1949.

Основные статьи

- Арисменди Р. К вопросу о роли национальной буржуазии в антиимпериалистической борьбе.— «Проблемы мира и социализма», 1959, № 5, 6.
- Вейра Х. Крестьянское движение в Колумбии и Коммунистическая партия.— «Проблемы мира и социализма», 1961, № 5.
- Вейра Х. Рост милитаризма в Колумбии и тактика Компартии.— «Проблемы мира и социализма», 1963, № 4.
- Вейра Х. Революционное движение в Колумбии. Опыт последних лет.— «Проблемы мира и социализма», 1965, № 8.

- Калинин А. Государственно-капиталистический сектор в странах Латинской Америки.— «Мировая экономика и международные отношения», 1959, № 2.
- Молочкова Р. А. О крестьянской самообороне в Колумбии.— «Вопросы международного рабочего и национально-освободительного движения на современном этапе». М., 1963.
- Рамирес Х. Против репрессий и преследований демократов.— «Проблемы мира и социализма», 1960, № 3.
- Рейес П. Некоторые проблемы освободительного движения в Латинской Америке.— «Проблемы мира и социализма», 1959, № 1.
- Сиволобов А. Аграрный вопрос в Колумбии. — «Экономика сельского хозяйства», 1961, № 7.
- Шестопал А. В. Империализм США и внутриполитическое развитие Колумбии в 1944—1949 гг.— «Экономика и политика капиталистических стран». М., 1965.
- Эррера М. Л. Колумбия: кризис олигархической системы и политика коммунистической партии Колумбии. — «Проблемы мира и социализма», 1961, № 9.
- Duica C. J. El problema agrario en Colombia.— «Documentos Políticos», 1965, № 50.
- Herrera M. L. La violencia en Colombia.— «Documentos Políticos», 1962, № 27.
- Posada F. La violencia y la vida colombiana.— «Documentos Políticos», 1967, № 67.
- Soluciones de nuevo tipo para la crisis financiera.— «Documentos Políticos», 1965, № 50.
- Vasquez A. Sobre la declaración programática del Partido Comunista de Colombia.— «Documentos Políticos», 1959, № 13.
- Vieira G. Der Kampf des kolumbianischen Volkes für Frieden und nationale Unabhängigkeit.— «Aus der internationalen Arbeiterbewegung», Berlin, 1959, № 8.
- Vieira G. Nueva etapa de lucha del pueblo colombiano. — «Documentos Políticos», 1965, № 47.
- Vieira G. Perspectivas de la revolución colombiana. «Documentos Políticos», 1965, № 50.
- Vieira G. Algunas experiencias y lecciones de 9 de abril.— «Voz Proletaria», 4.IV 1968.
- Vieira G. Sobre algunas experiencias del 9 de abril de 1948.— «Documentos Políticos», 1968, № 74.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абадиа Мендес М.** 43, 135
Агудело Кантильо Д. («Капитан Триунфанте») 151
Айя де ла Торре В. 46, 48
Альвиар Рестrepo X. 119
Альсате Авенданьо X. 122
Андраде И. 77, 150
Аранго Велес 72, 137
- Барреро Ф.** 58, 125
Баутиста (братья) 118, 119
Беналькасар де С. 5
Бериаль X. 15
Бетанкур Б. 210
Бетанкур Р. 221
Бехарано X. 123
Билс К. 225, 226
Бланко Э. 71
Блас Рока (Кальдерно Ф.) 220
Боливар 52, 160
Боровский В. 10
Бунегина И. А. 19, 60, 228
- Валенсиа Г. Л.** 53, 121, 163, 169, 170, 172, 176, 177
Валенсиа Товар 211
Валонс Арсе Д. 64
Вальехо А. 88, 204
Веласко У. 190—192
Вейра X. 17, 58, 82, 105, 109, 117, 118, 126, 127, 152, 153, 186, 215, 216
- Виллавесес X.** 26
Вильямисар 111
Вольский В. В. 21, 46, 92, 103, 228
- Гаитан Р.** 74
Гаитан Р. П. 26
Гаитан X. Э. 16, 25—29, 31, 32, 36, 42—54, 57, 59, 62—66, 73, 74, 77, 144, 190, 192, 194, 195, 197—204, 218, 220
- Галиндо А.** 156, 159
Гарсиа А. 142—145, 166
Гарсиа Пенья Р. 121, 158, 159
Гарсиа X. Б. 169
Гачарна Л. Д. 26
Гитлер 72
- Гомес Кастро Л.** 14, 15, 24, 26, 27, 31, 46, 50—53, 55, 56, 63, 64, 69, 77, 85, 86, 89—96, 98, 100, 101, 103, 108, 110, 111, 114, 118—120, 122—131, 137, 143, 148, 151, 156, 163, 165, 166, 181, 183, 184, 190, 192, 197, 202—204, 209, 211, 216, 218, 222—227
- Гомес Уртадо А.** 122
Гоннионский С. А. 3, 19, 53, 65, 98, 110, 123, 130, 147, 228

- Гонсалес Видела 68
 Гонсалес Олмос Х. 119
 Грейф де Л. 88
 Гусман Кампос Х. 210—213, 215, 216
 Данилевич М. В. 134, 228
 Дельгадо А. 8
 Дуарте Блум А. 148, 149
 Дуран А. 28, 82, 83
 Ермолаев В. И. 32, 228
 Иоса И. 151, 153, 185
 Кайседо 169
 Кайседо К. У. 169
 Кайседо Х. 174
 Кальдерон Рейес Р. 158
 Калибан см. Саитос Эн.
 Каманчо Гамба Э. 73
 Кано А. М. 126
 Кастильо Пинедра П. 87
 Кастрильон В. 154
 Кимбайя А. 227
 Колумб Х. 4
 Конча Л. 18
 Копете А. 124
 Кордона Ойос Х. 13
 Крус Варела де ла Х. 154, 155, 185
 Кюри Л. 92, 93
 Лаваль П. 195
 Ларко Эррера 220
 Лейва Х. 121, 127, 128
 Ленин В. И. 3, 62, 214, 227, 228
 Литаврина Э. 19, 228
 Лопес А. 3, 15, 23, 24, 33, 44, 46, 113, 115, 118, 135, 197, 200, 201, 203, 204
 Лопес Микельсен А. 15, 50, 197, 198
 Лопес Очоа Д. 10
 Лопес Х. 45
 Лосано-и-Лосано Х. 157, 216
 Лукс К. 145, 161, 173—175
 Льерас Камарго А. 24, 25, 118, 163, 172, 176, 177, 187, 191
 Льерас Рестрено К. 3, 4, 25, 26, 54, 55, 58, 118
 Маккарти Д. 141
 Маркс К. 214, 227, 228
 Мартинес Селада Э. 56, 195, 196
 Марте Дж. 223—225
 Маруанда Велес М. 98
 Маруанда Велес М. (Педро-Антонио Марини) 150, 153, 155, 185
 Маршалл Д. 64, 65, 67, 69, 70, 93, 220
 Мендоса Нейра П. 54
 Мехиа М. 34
 Молина Х. 196
 Молочкова Р. А. 11, 19, 228
 Монкада А. 213, 214
 Монтальво А. 53
 Монтанья Куэльяр Д. 61
 Морено Х. 88
 Морильо П. 5
 Навас Пардо Р. 174
 Нейра К. 119
 Ниньо А. 220
 Ордоньес Л. Э. 161, 174
 Оррего Дуке Г. 59, 194, 195
 Ортис Маркес Х. 26
 Осорно Лисарасо Х. А. 200—203
 Осорно Таппас А. 198
 Осина Перес М. 27, 29—32, 37, 38, 48, 50, 53—57, 59, 61—63, 66, 68, 70, 71, 73, 74, 76, 77, 79, 86—89, 91, 114, 118, 120—126, 130, 131, 137, 139, 157, 159, 165, 168, 183, 188, 190—193, 196, 203, 204, 209, 211, 219, 221—224, 227

- Пабон Нуньес Л. 125, 127, 128, 139, 144, 168
 Падилья (адмирал) 97
 Падилья Х. 54, 166
 Пальса У. 52, 56, 58, 192, 193
 Паредес У. 154
 Парис Г. 136, 167, 174, 176
 Парра А. 154
 Парра Л. П. 119
 Паула Перес де Ф. 38
 Пенья Л. Д. 199, 200
 Перес Рамирес Г. 205—207, 209
 Перес Хименес М. 169
 Перон Х. Д. 142, 143, 162, 163
 Престес Л. К. 68
 Пуэнтес Ванегас 102
 Пуэнтес М. 209
 Пьедранта Р. 174
- Рейес О.** 152
 Рестрепо Ботеро Э. 26
 Роа Сьерра Х. 63, 218
 Родригес А. 103
 Родригес О. 26
 Родригес Э. 22
 Рокфеллер 55
 Рохас Пинилья Г. 15, 16, 59, 64, 88, 123, 125—151, 154, 156—183, 186, 205, 209, 211—213, 216—218, 222—225, 227
 Рузвельт Ф. Д. 69
 Русс Новоа А. 97
- Салазар** 122
 Саламеа Борда Х. и Э. (братья) 196
 Саламеа Х. 88, 196
 Саласар Ферро Х. Р. 61
 Сальседо Г. 118, 119, 154
 Сампер Д. 45, 166, 189
 Сандоваль Р. 119
 Санин Кано Б. 98
 Сантос Эд. 3, 21, 31, 33, 46, 54, 118, 159, 162, 163, 197, 204
- Сантос Эп. (Калибан) 163, 197, 220
 Сантос Кастильо Э. 159
 Сан Хуан М. 74
 Санчес Амайя Р. 74
 Сарди Л. Э. 169
 Сиволобов А. М. 22
 Сильва В. 58
 Сильва Ф. 35
 Сото де Ф. 220
 Стил Дж. 64
 Сулета Анхел Э. 55, 67, 159
- Тафура Ф.** («Чалеко») 152
 Томас А. Б. 101, 114, 115, 120, 122
 Торрес К. 18
 Трумэн 34, 65, 91
 Трухильо С. («Майор Сиро») 150
 Трухильо (диктатор) 201
 Трухильо Х. 153
 Турбай Г. 25—27, 29, 204
- Уманья Луна Э.** 210, 213
 Уоллес Г. 69, 70
 Урданета Арбелаес Р. 32, 38, 85, 95, 110, 114, 115, 118—120, 122, 124, 125, 127, 128, 183, 211
 Урибе Маркес Х. 26, 61, 73
 Урибе Рамирес А. 26
- Фальс Борда О.** 210
 Федин Е. И. 67
 Флюхартн В. Л. 21, 101, 219—225
 Фонсека Д. 174
 Фонсека 118, 149
 Франко Исаса Э. 118, 119, 216—218
 Франко Ф. (исп. диктатор) 64, 72, 122, 176, 179
 Фриас Алапе Х. («Чарро Негро») 150, 153
- Харамильо Арбелаес Д.** 42

Харамильо Аррубла К. 159
Хилленкоэттер 64
Хиль Д. 200
Хименес Г. 76
Хименес де Кесада Г. 5
Холт П. 225

Шестопап А. В. 228

Эдер Г. 169

Элисео Крус П. 54
Эрнандес Х. 219
Эрнандес де Осина Б. 159
Эскалапте 126
Эчаварриа Ф. 126, 127
Эчандиа В. 89, 90
Эчандиа Д. 54—56, 58, 61, 72—
74, 77, 86, 88, 89, 118, 191, 193,
195, 204, 218

-
- Agudelo Ramírez L. E. 136, 145,
158, 160—163, 175
Baquero R. H. 93
Beals C. 56, 226
Betancur B. 11, 13
Caldas T. L. 92, 94, 147, 189
Cuéllar Vargas E. 51
Fluharty V. L. 21, 68, 86, 89,
101—103, 110, 122—125, 128,
134, 139, 140, 142, 145, 147, 156,
161—163, 165, 219—224
Franco Isaza E. 100, 108, 110,
111, 113, 115—119, 128, 216—
218
Gaitán J. 26, 47, 198—200
Guzman Campos G. 51, 107, 117,
119, 135, 148, 149, 151—154,
210—212
Herrera E. L. 107
Holt P. M. 121, 181, 225
Josephs R. 32, 47
Lafont Herrera M. 215
Lleras Restrepo C. 4
Londoño R. 11
Lopez Michelsen A. 50, 197, 198
Martínez Zelada E. 49, 50, 55, 56,
195—197
Martz J. D. 55, 59, 73, 223, 224
Moncada A. 213
Montoya y Montoya R. 136, 145,
158, 160—163, 175
Ordoñez Ceballos A. 47
Orrego Duque G. 51, 52, 54, 58,
59, 190, 194, 195
Osorio Lizarazo J. A. 26, 43, 44,
50, 200—203
Osorio R. 14
Osorio Tapias A. 198, 199
Ospina Pérez M. 27, 41, 56, 57,
59, 67, 70, 71, 188, 190
Palza H. S. 52, 55—58, 192, 193
Peña L. D. 26, 46, 199, 200
Pérez Ramírez G. 22, 145, 146,
205—209
Posada F. 215
Puentes M. 49, 64, 86, 104, 123,
128, 136, 137, 161, 209, 210
Quimbaya A. 50, 51, 227
Rueda Uride P. N. 28
Silva A. 92, 94, 147, 189
Toro Agudelo H. 47
Torres Almeida P. E. 97
Vallejo A. 26, 31, 204
Varela T. 8, 9
Velasco H. A. 27, 30, 31, 37, 72,
190—192, 224
Vieira G. 9, 10, 48, 51—54, 59,
65, 83, 180, 181, 185, 215
Vila P. 21

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая	
Борьба демократических сил против внутренней реакции и североамериканского империализма (1946—1949 гг.)	20
Рабочее и антиимпериалистическое движение в первые послевоенные годы (1946—1948 гг.)	20
Апрельское народное движение 1948 г.	48
Политическая борьба после поражения апрельского народного движения (1948—1949 гг.)	70
Глава вторая	
Диктатура Л. Гомеса — Р. Урдаиеты Арбелаеса (1949—1953 гг.)	85
Президентские выборы 1949 г.	85
Усиление экспансии североамериканского империализма	91
Положение трудящихся	100
Партизанское движение в 1949—1953 гг.	107
Раскол в правящей консервативной партии и военный переворот 13 июня 1953 г.	119
Глава третья	
Борьба оппозиционных сил против военной диктатуры Г. Рохаса Пинильи (1953—1957 гг.)	129
Экономическая политика правительства Г. Рохаса Пинильи	131
Обострение политической борьбы в стране	134
Возобновление партизанского движения	147
	245

Усиление оппозиционных настроений и создание Гражданского фронта	156
Государственный аппарат на службе у военщины	165
Падение диктатуры Г. Рохаса Пинильи	168
Заключение	183
Обзор основных источников и литературы	187
Библиография	230
Указатель имен	240

Нина Георгиевна Ильина
ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В КОЛУМБИИ
(1946—1957)

*Утверждено к печати
Институтом истории Академии наук СССР*

Редактор издательства *Г. Ф. Дубовикова*

Художник *О. В. Камаев*

Технический редактор *П. С. Кашина*

Сдано в набор 16/VIII 1968 г. Подписано к печати 30/XI 1968 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Усл. печ. л. 13,07.

Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 1200.

Г-16266. Тип. зак. 5283.

Цена 1 р. 04 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
26	8 св.	реконструкция	реставрация
47	22 св.	реконструкция	реставрация
77	5 сн.	10.XI 1949; «La Hora», 10.XI 1949;	10.IX 1949; «La Hora» 10.IX 1949;
129	1 сн.	13.V 1953	13.VI 1953
130	10 сн.	13.V 1953	13.VI 1953
132	1 сн.	1956, 6.IV	1956, 17.X
151	22 св.	риунфанте»	Триунфанте»

Н. Г. Ильина. Политическая борьба в Колумбии.